
СТАТЬИ

Е.К.Максимов

ПАВЕЛ СЕРГЕЕВИЧ РЫКОВ
(к 100-летию со дня рождения)

Павел Сергеевич Рыков родился 7 октября 1884 года в городе Москве. По окончании 4-й мужской гимназии он в 1905-1910 гг. учится на историко-филологическом факультете Московского университета. С открытием в 1907 году Московского археологического института Рыков стал его слушателем, работает в семинарии известного русского археолога В.А.Городцова, занимается изучением коллекций исторического музея. В 1910 году, весной, он окончил университет, а осенью - археологический институт и после защиты диссертации "Булавки Европейской России" получает звание ученого археолога и избирается действительным членом института.

Дальнейшая деятельность молодого педагога связана с преподаванием истории сначала в реальном училище в г. Курске, а затем в гимназиях г. Вильно (ныне г. Вильнюс) и г.Режица Витебской губернии, откуда вместе с гимназией был эвакуирован в г. Скопин Рязанской губернии, где он избирается председателем совета школы 2-й ступени, преобразованной из гимназии. В г.Скопине Рыков руководит постоянными педагогическими курсами и является заместителем, а потом заведующим уездным отделом народного образования.

В г.Курске Павел Сергеевич начинает работу и как археолог местной ученой архивной комиссии. Он проводит раскопки известного курганного могильника X-XII вв. близ с.Гочезво Обоянского уезда Курской губернии, продолжая исследования под руководством проф.Д.Я.Самоквасова. Результаты этих изысканий он обобщит в опубликованной позднее статье "Юго-восточные границы радимичей".

В 1912 году в г.Вильно П.С.Рыков назначается членом комиссии по устройству публичной библиотеки, где заведовал отделом книг на иностранных языках, и хранителем Вилениского музея древностей. Он продолжает свои археологические занятия. По поручению Предва-

рительного комитета ХУІ Археологического съезда в 1913 г. Павел Сергеевич обследует памятники по течению р. Великой в Островском уезде Псковской губернии, раскапывает литовские курганы близ г. Сморгонь и ст. Вайчаны Виленской губернии, а в следующем году — близ имения Меркененты той же губернии.

С 1914 по 1917 год, работая в Режице, П.С.Рыков проводит археологическую работу в Витебской губернии, совершив разведки в Режицком, Двинском и Длщинском уездах с целью составления археологической карты и произведя пробные раскопки в этих же уездах, печатает первые научные статьи о древностях Лэтгалии.

Находясь в г. Скопине и занимаясь педагогической деятельностью, он заведует уездным музеем и активно изучает прошлое славян-вятчей на р. Проне в Рязанской губернии.

С приездом П.С.Рыкова в 1920 году в Саратов начинается новый период его научной и педагогической деятельности. Он является доцентом Саратовского университета, а затем заведует вновь созданной кафедрой археологии. Через два года после сдачи магистерских испытаний он утверждается в звании профессора. С 1924 года в течение трех лет П.С.Рыков является деканом педагогического факультета, а через некоторое время назначается заместителем ректора университета. На этой должности он находился до 1932 года.

В 1931 году на базе педагогического факультета университета был образован самостоятельный педагогический институт, где П.С.Рыков до 1937 года, продолжая деятельность в университете, работает профессором и заведует кафедрой всеобщей истории.

В 1935 году в Саратовском университете создается исторический факультет, первым деканом которого стал П.С.Рыков. Одновременно он руководил кафедрой древней истории.

В трудные годы окончания гражданской войны, послевоенной разрухи и голода П.С.Рыков с большой энергией организывает археологическое изучение Нижнего Поволжья. В 1922 году по его инициативе создается научно-исследовательский археологический институт, преобразованный спустя два года в Краеведческий институт изучения Южно-Волжской области, в задачи которого входило изучение Нижнего Поволжья в естественном, экономическом и культурно-историческом отношении. Бессменным директором в течение 15 лет был Павел Сергеевич Рыков.

В 1921 году по инициативе Павла Сергеевича разрабатывается план археологического изучения Нижнего Поволжья путем системати-

ческого исследования региона по маршрутам, проходящим в бассейнах главных рек. Организовав вокруг себя группу студентов, сотрудников и аспирантов института, музейных работников Рыков начинает археологическую работу. Сначала она проводилась в ближайших к Саратову районах, но с укреплением материальной базы ее регион становился все шире и разнообразнее.

В 1922 году Рыков проводит начатые ранее раскопки курганов у г. Покровска (г. Энгельс) и разведки в его окрестностях по течению реки Саратовка. Здесь особый интерес представляли Прапорский бугор, где были обнаружены кремневые орудия, Покровское селище с керамикой срубного типа и городище левобережного Саратова ХУП века. Покровские курганы П. С. Рыков исследует несколько лет. В результате было раскопано несколько десятков курганов, давших исключительный материал для характеристики срубной культуры эпохи бронзы. Эти курганы известны ныне как "Покровский курганный могильник".

В том же году Рыков совершает поездку в Хвалынский уезд, где обследовал район Хвалынока - Сосновой Мазы - Новой и Старой Яблонки - Ивановки, в котором имелись памятники эпохи бронзы, городища раннего железного века и мордовские могильники XII-XIV вв.

В следующем полевом сезоне 1923 года П. С. Рыков организует разведки по течению реки Медведицы и её притоков Карамыша и Латырка. Обследованию подверглась полоса в 5-8 верст по обоим берегам рек на всем протяжении маршрута, где отмечены отдельные селища и многочисленные курганные группы, в двух из которых - около г. Петровска и с. Б. Дмитриевка - были проведены раскопки.

Дальнейшие работы продолжались в Хвалынском уезде. Около города Хвалынска Рыков исследует городище, давшее культурный слой с керамикой "рогожного" типа, а по берегам Волги и впадающих в неё ручьёв обследованы селища с керамикой срубной культуры. На р. Черемшан им было осмотрено большое селище золотоордынского времени, а рядом с ним вскрыто десять погребений на Черемшанском могильнике, оставленном мордвой XIV в.

В 1924 году Павел Сергеевич возглавляет экспедицию с целью выявления археологических памятников в районах рек Медведицы, Терсы в Правобережье и рек Еруслана и Б. Карамана в Заволжье. Было пройдено пешком свыше 400 верст. По р. Медведице маршрут пролегал от с. Лисне горы и до с. Нижняя Добринка, затем по р. Терсе до окрестностей с. Рудня. Экспедицией были открыты интересные

стоянки близ сел М.Князевка, Рудни, Н.Добрянки. У двух последних сел были вскрыты курганы с погребениями эпохи бронзы. На левом берегу Волги экспедиция прошла от с. Иловатка к устью р.Еруслан и затем вдоль его течения до с. Красный Кут, далее поездом и от с. Нахой пешком до среднего течения р. Б.Караман в район с.Тонкошуровка (ныне с. Советское), Суслы и Раскаты. На р. Еруслан был собран подъемный материал (на стоянке близ с. Салтова) и произведены пробные раскопки курганов с савромато-сарматскими погребениями у с. Фриденберг (Мирное). На р. Б.Караман П.С.Рыковым был исследован большой курганный могильник у с. Суслы (Герцог). Из 60 раскопанных курганов почти во всех были разновременные и разнообразные по типам захоронения сарматской культуры. В 1926 году в этом же курганном могильнике было раскопано ещё десять насыпей-тоже с сарматскими погребениями. Полученные из караманских курганов материалы доказали наличие в Нижнем Поволжье самобытных сарматских памятников, которые позднее легли в основу выделения среднесарматской или суловской культуры.

Широкие археологические работы в Нижнем Поволжье и Уральской области были проведены П.С.Рыковым в 1925 году. В бассейне р.Еруслан Павел Сергеевич раскопал большое количество курганов в четырех группах у с.Виземиллер (Дуговское) и трех группах у с.Фриденберг (Мирное). В районе ст. Гмелинская и бассейнах рек Белая и Солная Куба (притоки Еруслана) экспедицией Государственного исторического музея, которой руководили П.С.Рыков и Б.Н.Граков, исследовались три курганные группы у с. Бламенфельд (Цветочное), давшие яркие материалы, которые стали главными при выделении бламенфельдского или савроматского этапа развития сарматской культуры.

Большие разведочные работы проводит П.С.Рыков в тот год в Уральской области. Экспедиция обследовала на протяжении 100 верст течение р. Деркул до впадения её в р. Чеган и затем на расстоянии 80 верст вверх по р. Чеган. В этом районе было открыто 40 курганных групп. Во многих из них (у ст. Самитглавный Мар, Шипово, пос. Зеленый, Новенький, Каменный и др.) в исследованных курганах были открыты погребения, начиная от эпохи бронзы вплоть до поздних кочевников. В 1926-1927 годах П.С.Рыков продолжал работу в Уральской области, обследовал район среднего течения р. Урал от г. Уральска до Илака и производил раскопки близ с. Меновое, пос. Гниловского, Новенького, Рубежного, у коммуны "Спартак", г.Уральска и в других местах. Исследования показали наличие в этом районе

памятников эпохи бронзы, скифо-сарматского времени и культуры золотоордынской XIII-XIV вв.

Обследование по берегам р. Узы от ее истока до впадения в р. Суру, а затем по р. Суре до впадения в нее р. Труены и по последней до г. Кузнецка было выполнено П.С.Рыковым в 1926 г. На протяжении 400 верст были открыты различные археологические памятники. В отдельных группах у сел Булгаковка, Зиновьевка, Ст.Чардым, Ст. Яксарка, Марьевка им проведены раскопки курганов, содержащих в большинстве погребения эпохи бронзы, а также кочевников позднего средневековья.

У села Армиево Кузнецкого уезда был открыт Павлом Сергеевичем громадный грунтовоый могильник и исследованы 26 погребений, позволивших связать этот памятник с древней мордвой. Недалеке от него Рыков обследует поздний мордовский могильник Калма-Латка XVII-XVIII вв., давший несколько погребений.

В этом же году П.С.Рыков совместно с Б.Н.Граковым возобновил работу экспедиции ГИМа, которая в бассейне р. Еруслан у с. Харьковка провела раскопки курганов, давших интересный материал по сарматской культуре.

В следующем году П.С.Рыков осуществляет дальнейшие исследования Армиевского могильника. Им было вскрыто 103 могилы с достаточно богатым инвентарем, особенно в женских захоронениях. Этот могильник П.С.Рыков датировал IV-VI вв. н.э. и отнес к древне-мордовским. Близ с. Армиево были открыты городища и селища с керамикой такого же типа, что и в могильнике. В целом полученные материалы позволили уточнить отдельные вопросы истории древней мордвы.

В 1928 году, после небольших раскопок трех курганов у г.Покровска и одного по Симбирской дороге под Саратовом, П.С.Рыков проводит археологические разведки в левобережье низовьев Волги от с. Дмитриевка до ст. Досанг с целью установления древних памятников и их принадлежности. Было отмечено наличие 25 курганных групп и девяти стоянок. Проведенные раскопки представили материалы по срубной культуре с преобладающим катакомбным влиянием, по культуре сарматов и позднего средневековья. У с. Салитренное, на обследованном золотоордынском городище, были вскрыты остатки дома.

С 1929 года П.С.Рыков начинает систематическое изучение археологических памятников Калмыкии. Руководимая им экспедиция

проходит более 600 км и охватывает разведками большой район от окрестностей г. Астрахани через Яшкуль и Улан-Эрге до г. Элисты и далее через Чер-Хурул до Кагъльты и отсюда до Малых Дербет. На протяжении первого этапа маршрута Астрахань-Яшкуль были встречены редкие стоянки и курганы, но далее в глубине исследуемого района, особенно на Ергенях и в окрестностях Сарпинских озер, отмечены многочисленные группы курганов. Около сел Яшкуль, Улан-Эрге, Кагъльта, Абганеры было раскрыто несколько курганов. В результате обнаружили разновременные погребения катакомбной культуры, сарматов и поздних кочевников.

В окрестностях Саратова П. С. Рыков раскапывает курган на Симбирской дороге и обследует Алексеевское городище, а также совершает поездку с разведывательной целью на городище близ с. Чардым на берегу одноименной речки и селище близ ст. Красавка на р. Медведице, где он исследует землянку срубного времени.

Рекогносцировочные работы в бассейне р. Хопер от с. Рассказань через Балашов и далее вверх по реке до с. Надеждино (близ с. Сердобоска) проводились П. С. Рыковым в 1930 году. На археологическую карту были нанесены 34 курганные группы, 7 донных стоянок, одно селище и два городища. У сел Б. Карай, Свиноуха (Леонное), Рейное, Поганка, Перевесинка и других было раскрыто 15 курганов. В итоге были собраны материалы по неолиту и эпохе бронзы, раннему железу и позднему средневековью.

Тем же летом развернулись раскопки на р. Чардым. Здесь Рыковым было исследовано первое из многих известных в Саратовском правобережье городище, материалы с которого стали важными для изучения укреплений, жилищ, разных сторон быта племен городищской культуры на позднем этапе их развития. Рядом с городищем Павел Сергеевич провел раскопки двух курганов, содержавших интересные захоронения, в том числе коллективные, срубной культуры.

Небольшие раскопки курганов были выполнены Рыковым близ Саратова, у ст. Курдым. Он посетил Ахматское городище и Мартышкино селище с остатками татарского могильника.

В 1931 году по поручению Наркомпроса Павел Сергеевич организует новое обследование городища Сарая-Бату (с. Селитренное на Ахтубе) и частичные раскопки на нем. Было вскрыто одно кидое строение, мавзолей с пятью гробницами из сырцового кирпича и остатки фундаментов и стен двух зданий, возможно, как предполагал исследователь, дворца и "зеленой" мечети. Затем начались многолетние

раскопки курганов в Калмыкии. Он исследует несколько курганов в западной группе близ Ветеринарного пункта в районе г. Элисты. В следующем году раскопки здесь были продолжены и одновременно разведано несколько курганных могильников в урочище "Три брата".

В 1933 году Государственная Академия истории материальной культуры организовала Нуринскую экспедицию в Карагандинский округ Казахстана, остававшегося до того времени неисследованным в археологическом отношении. Руководить экспедицией было поручено П.С.Рыкову. Маршрутами общей протяженностью 1600 км в районах рек Нура, Чурубай-Нура, Джаксы, Джаман-Сары-Су были обследованы различные археологические памятники: могильные сооружения разного времени — от эпохи бронзы до ХУП—ХУШ вв.; несколько поселений, где найдены кремневые микролитические пластины, скребки, наконечники стрел. Была исследована часть погребальных памятников на землях совхоза "Гигант" и в его окрестностях: на р. Чурубай-Нура у хут. Центрального, с. Долинского, аула Дынды-Бай и на р. Нура близ Алап-аула. Среди вскрытых могильных сооружений встречаются погребения с каменными выкладками и склепами андроновской культуры, богатое карасукское захоронение и могилы сарматского времени.

Начатые Рыковым раскопки на территории Калмыкии были продолжены и в 1933—1934 гг. Это исследование I и II курганных групп близ Элисты (40 курганов с погребениями эпохи бронзы и сарматской культуры) и начало работ на самом большом кургане № 9 группы "Три брата".

Результатом археологических работ 1935—1936 гг. явилась раскопка 16 курганов и окончание исследования большого кургана. Открытые погребения в основном принадлежали ямной и катакомбной культурам.

Юго-западнее Элисты, на окраинах Ергеней, расположено большое количество курганов. Здесь, в 1937 году на возвышении Хамура в местности Чаган-Эльсин, П.С.Рыковым были раскопаны 12 курганов с погребениями эпохи бронзы и сарматов, а в местности Бичкин-Булук—19 курганов, большинство из которых оказались сарматскими. Таким образом, в течение пяти лет (1933—1937 гг.) систематическими раскопками, проведенными П.С.Рыковым, было вскрыто почти 100 курганов, давших громадное количество погребений, начиная от ранней бронзы и вплоть до позднего средневековья XIII—XIV вв.

П.С.Рыков при исследовании уделял одинаковое внимание всем па-

мятникам, старался не упустить различных деталей, стремился быстрее ввести накопленный материал в научный оборот. Им написано и опубликовано около 50 научных работ по различным вопросам древнейшей истории и материалам раскопок, которые вносят много нового и ценного в изучение богатого прошлого Нижнего Поволжья.

В 1935 году за заслуги в научной и педагогической работе Павел Сергеевич Рыков был награжден Почетной грамотой ВЦИК.

Немало сил и энергии уделял П.С.Рыков музейному строительству. С 1922 года в течение трех лет он являлся заведующим музейным отделом Саратовского губернского отдела народного образования и с того же года на протяжении пятнадцати лет был директором Саратовского областного (краевого) музея краеведения. За это время Рыков сумел превратить его из небольшого музея архивной комиссии в крупное исследовательское и культурно-просветительное учреждение, ставшее центром музейной работы, вокруг которого объединились не только государственные, но и различные ведомственные музеи края.

В 1928 году П.С.Рыков направляется Наркомпросом на три месяца в Германию, где он посетил ряд музеев (в основном археологических) г. Берлина, Майнца, Галле, Висбадена с целью изучения техники музейной работы, обработки и хранения археологических материалов. Отмечая положительный опыт, Рыков говорил о консервативности в работе музеев Германии, рассчитанных на индивидуального посетителя, а не на широкую массу народа, о неудовлетворительной популяризации хранимых коллекций и историко-археологических памятников.

В 1931 году, благодаря энергии и энтузиазму Павла Сергеевича, организуется музей в г. Элисте – первый национальный музей Калмыкии, открытый к 10-летию республики. Два года спустя Рыков изучает постановку музейного дела в музеях Харькова и Ленинграда. Приобретенные знания и опыт были использованы для дальнейшего улучшения политико-просветительной работы в Саратовском музее, перехода его к исследовательской деятельности. О большом практическом опыте музейной работы П.С.Рыков рассказал в ряде опубликованных статей по музееведению. Все это выдвинуло его в число лучших музейных работников Российской Федерации. Рыкова приглашали возглавить крупнейшие музеи страны, но он оставался верен своему любимому "саратовскому" на Волге.

Как видный ученый и специалист в области музейного строительства П.С.Рыков в 1932-1934 гг. являлся членом архивной комиссии

и членом Государственного ученого совета Наркомпроса. В 1932 году он избирается действительным членом Государственной Академии истории материальной культуры и Государственной Академии искусствознания.

П.С.Рыков много времени отдавал общественной работе. В 1922-1926 гг. он был членом Саратовского городского Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов XII-XV созывов, в 1934-1937 гг. - членом районного Совета. Он участвовал в 30-х годах в работе краевого бюро союза работников высшей школы и научных учреждений, краевого бюро союза научных работников. В течение ряда лет Рыков был председателем Саратовского общества краеведения.

26 марта 1942 года на 58-м году жизни Павел Сергеевич Рыков скончался.

Е.К.Максимов, В.Г.Миронов

ПОЛЕВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА В 1945-1984 гг. КАК ПРОДОЛЖЕНИЕ РЫКОВСКИХ ТРАДИЦИЙ

В дореволюционные годы Нижнее Поволжье, как и многие другие области царской России, оставалось совершенно неизученным в археологическом отношении. С созданием Саратовской Ученой Архивной Комиссии в 1886 году началось более или менее планомерное соби- рание сведений об археологических памятниках и их полевое изу- чение, однако не выходящее за рамки любительского энтузиазма.

Систематические и плановые археологические работы в регионе начались только после Великой Октябрьской социалистической ре- волюции, и большая заслуга в их организации и проведении принад- лежит Павлу Сергеевичу Рыкову, возглавившему первые советские краеведческие учреждения. Экспедициями П.С.Рыкова в 20-30 гг. были обследованы многие районы Поволжья и произведены раскопки разнообразных памятников - от каменного века до позднего сред- невековья.

На основе изучения материалов селищ и подгурганных погребений эпохи бронзы П.С.Рыков разработал одну из первых схем раз- нития археологических культур этой эпохи, которая явилась по- пыткой систематизировать памятники бронзового века Поволжья и

определить их хронологическое место. Им впервые было обращено внимание на наличие здесь сейменско-турбинских типов вещей и абашевской струи и были выявлены признаки влияния катакомбной культуры. Эти явления и своеобразие памятников эпохи бронзы дали П.С.Рыкову основание для вывода, что в Нижнем Поволжье "имела место какая-то довольно поздняя культура бронзовой эпохи", которую он назвал "хвалынской культурой" и отнёс к XVI-XI вв. до н.э. Позже, с накоплением материала, П.С.Рыков отмечал, что эту культуру можно назвать и "позднесрубной".

Столь же значителен вклад П.С.Рыкова в изучение сарматской культуры, особенно благодаря раскопкам Сусловской, Блюменфельдской, Харьковской и других курганных групп. Он не только открыл сарматские памятники, наличие которых в степях Поволжья отрицалось в дореволюционной археологии, но и попытался дать их хронологическую интерпретацию на основе изучения особенностей погребального обряда и вещевых комплексов (главным образом импортных). В послевоенные годы материалы из раскопок П.С.Рыкова легли в основу выделения савроматского (блюменфельдского) и раннесарматского (суловского) этапов при разработке схемы развития сарматской культуры.

П.С.Рыков внёс существенный вклад и в разработку отдельных вопросов археологии древней мордвы, а также истории племен городишской культуры, памятники которых им были выявлены и исследованы в Саратовско-Пензенском регионе.

Материалы, добытые и опубликованные П.С.Рыковым, позволили проследить историю племён и народов, населявших поволжские земли в глубокой древности, воссоздать картину их хозяйственной жизни и общественного устройства, заложили основу дальнейшего изучения древней истории и археологии Нижнего Поволжья.

П.С.Рыков подготовил целую группу учеников — археологов, которые развернули дальнейшее изучение памятников прошлого и обогатили археологию Нижнего Поволжья своими многочисленными трудами.

Ныне археологические исследования в Саратовском Поволжье продолжают третье и четвёртое поколения рыковской школы. Особенно интенсивно проводятся полевые работы в зонах строительства оросительных систем и промышленного строительства, в зонах интенсивного землепользования. Особым направлением в исследованиях является поиск новых памятников в районах области в связи с соз-

данием археологической карты местного края как основы для Свода памятников истории и культуры СССР и РСФСР.

Предлагаемая статья посвящена памяти П.С.Рыкова и содержит краткий очерк истории полевых исследований Саратовского государственного университета за 40 лет (1945-1984 гг.).

Работы СГУ в Нижнем Поволжье за рассматриваемый период по их направленности и масштабам условно можно разделить на три этапа. Первый - 40-50 гг. - связан с деятельностью бывшего аспиранта П.С.Рыкова - видного советского археолога, профессора СГУ И.В. Силицына (1900-1972) и его ученика Е.К.Максимова; второй - с работами учеников И.В.Силицына в 60-70 гг. и третий - 1978-1984 гг. - с исследованиями археологической лаборатории СГУ. Из-за ограниченных рамок данной статьи основное внимание будет уделено характеристике собственно разведок и раскопок древних памятников Нижнего Поволжья, при этом не дается описание работ на территории Казахской ССР и Калмыцкой АССР, достаточно хорошо освещенных в литературе ¹. Поскольку очень большой пласт информации в виде полевых отчетов еще не опубликован, нами вводятся в научный оборот материалы, собранные в рукописном архиве Института Археологии АН СССР, Государственном архиве Саратовской области и археологическом фонде Саратовского областного музея краеведения ².

На первом этапе (вплоть до начала 70-х гг.) работы СГУ связаны, прежде всего, с именем И.В.Силицына. Уже в первый послевоенный год, продолжив начатые в 30-е гг. разведки и раскопки разнообразных памятников ³ и более или менее регулярно публикуя добытые материалы ⁴, Иван Васильевич в 1951-1957 гг. возглавил работы Заволжского отряда Сталинградской археологической экспедиции Института истории материальной культуры АН СССР в зоне будущего Сталинградского водохранилища ⁵. Здесь нет необходимости комментировать открытия, изученные и опубликованные им памятники разных эпох ⁶, ставшие достоянием отечественной и мировой археологической науки, поскольку этому будет посвящена специальная работа.

Менее известны ⁷ работы организованной им с 1958 года полевой учебной археологической практики студентов-историков СГУ. Так, в 1958-1959 гг. было начато изучение памятника эпохи бронзы, раннего железного века и золотоордынского времени - Алексеевского городища в черте г. Саратова и поселения эпохи раннего металла Репин хутор на Дону ⁸. В 1960-1964 гг. исследовались раскопками:

Танавское городище под г. Саратовом, где выявлен культурный слой эпохи бронзы и того же времени детский грунтовый могильник и слой раннего железного века ⁹; поселения и курганы эпохи бронзы и средневековья — славянские и кочевнические — на Среднем Дону у хутора Задано-Авилонский ¹⁰; курганы эпохи бронзы, раннеболгарские ¹¹, кочевнические и золотоордынские в окрестностях г. Саратова у сёл: Пристанное, Долгий Буерак, Усть-Курдюм и др.; селища эпохи бронзы на р. Гусёвке ¹²; городище-убежище "Стенькин городок" у с. Усть-Курдюм и т.д. Часть этих памятников в 1965—1969 гг. была исследована полевыми практиками СГУ под руководством В.А. Фисенко и В.Г. Миронова.

И.В. Сеницын был инициатором совместных археологических экспедиций СГУ и Саратовского областного музея краеведения (начальник экспедиций СОМК тех лет — Е.К. Максимов); значительная часть отмеченных выше памятников была изучена совместными усилиями университета и музея. С 1961 года И.В. Сеницын и часть его учеников всё больше переключаются на изучение древних памятников Калмыкии.

Аспирант П.С. Рыкова П.Д. Степанов (1898—1973), работавший в СГУ во второй половине 50-х гг., на территории Саратовского Поволжья проводил только эпизодические разведки памятников ¹³, поскольку его основные научные интересы лежали в области древней и средневековой истории и этнографии Среднего Поволжья ¹⁴.

С 1956 года начинается самостоятельная полевая работа первого аспиранта И.В. Сеницына — Е.К. Максимова, выявлявшего памятники разных эпох Саратовского Поволжья ¹⁵ и публиковавшего материалы по интересующим его вопросам эпохи бронзы, сарматской культуры и средневековья ¹⁶.

В 60—70 гг. аспиранты И.В. Сеницына начали самостоятельные исследования по интересующей их проблематике. Так, Е.К. Максимов, вернувшийся в 1974 году на преподавательскую работу в СГУ, продолжил разведки и раскопки памятников различных эпох Саратовской области ¹⁷, попутно вводя в научный оборот материалы из археологических фондов краеведческих музеев области ¹⁸.

Ю.В. Деревятин (1926—1970), по праву считающийся основоположником послевоенного школьного археологического краеведения ¹⁹, активно выявлял археологические памятники по всей области ²⁰ и приступил к раскопкам открытой им Алтатинской неолитической стоянки ²¹, но его ранняя смерть помешала завершить работу, в том

числе и над его диссертацией о поселениях срубной культуры Нижнего Поволжья ²².

В.Г.Мионов обратился к изучению специфических памятников раннего железного века – хвалынских городищ ²³, материалы которых, наряду с другими, легли в основу разрабатываемой им проблематики городищной культуры ²⁴. Тогда же он начал составление археологической карты правобережных притоков Волги – рек Терешки и Терсы ²⁵ и приступил к раскопкам курганов и поселений эпохи бронзы у с. Горюши Хвалынского района Саратовской области ²⁶.

В.А.Фисенко (1930–1974), чьи научные интересы лежали в области ямной и катакомбной культур эпохи бронзы Нижнего Поволжья ²⁷, в 1968–1971 гг. руководил раскопками известного Утёса Степана Разина, оказавшегося археологическим памятником эпохи бронзы, раннего железного века и золотоордынского времени ²⁸, а также раскапывал поселения и курганы в Аткарском, Вольском и Саратовском районах области (материал не опубликован, отчёты не сохранились).

Ученики Е.К.Максимова М.Т.Ким, Н.М.Малов и А.А.Хреков продолжили краеведческую работу Ю.В.Деревягина со школьниками по разведкам памятников Саратовского Поволжья ²⁹.

Качественно новый этап в развитии саратовской археологии начался с 1978 года – с создания в университете хозяйственной археологической лаборатории, получившей в 1981 году статус научно-исследовательской. Первые её сотрудники приступили к систематическому выявлению древних памятников и их охране на раскопках в зонах интенсивного землепользования, мелиоративного, промышленного и прочего строительства. Так, С.Ю.Монахов в 1978–1980 гг. провёл археологические разведки и раскопки памятников в Аткарском, Балаковском, Марксовском и Саратовском районах ³⁰. Наиболее интересные материалы дали раскопки Аткарского мордовского могильника XIII–XIV вв. и Натальинского городища раннего железного века – единственного пока памятника городищной культуры в Саратовском Заволжье. В те же годы Н.М.Маловым обследованы памятники Балаковского, Воскресенского (тогда – Вольского), Красноармейского и Лысогорского районов области ³¹, материалы по ним освещаются в публикациях ³² и докладываются на межвузовских и республиканских археологических конференциях ³³. Особую значимость имеют раскопки грунтового неолитического могильника на многослойном Хлопковом (Березниковском 2-м) городище, поселения

катакомбно-полтавкинского времени Еланский ручей, Натальинского и Медяниковского курганных могильников, поселений с валиковой керамикой эпохи поздней бронзы. Тогда же ученики Е.К.Максимова, будущие сотрудники археологической лаборатории В.А.Лопатин ³⁴ и А.И.Кдин ³⁵, провели разведки и раскопки в Аткараком, Озинском и Хвальнском районах области и в северо-восточной части Волгоградского Заволжья ³⁶.

С 1981 года в работе археологической лаборатории оформились два основных направления: 1) картографическое — по созданию археологической карты области с целью подготовки материалов к Своду памятников истории и культуры СССР и РСФСР (том "Саратовская область") и 2) охранные раскопки гибнущих при мелиоративном строительстве древних объектов. На первом из этих направлений считаем необходимым остановиться специально. Дело в том, что, учитывая опыт предшественников по составлению аналогичных карт областей и автономных республик РСФСР, саратовцы пошли по пути принципиально новому, — они применили метод сплошного обследования районов области по планам землепользования отдельных хозяйств, при этом картографические работы проводились, в основном, в смежных районах. Таким образом, к 1984 году составлены археологические карты девяти из 38 районов области, вновь выявлено свыше тысячи памятников. В связи с расширением мелиоративных работ в Саратовском Заволжье с 1983 года выявление и картографирование памятников всё более перемещается в левобережные районы.

Работы по выявлению памятников проводили: В.Б.Воробьев ³⁷, И.И. Дрёмов ³⁸, О.В.Кочерженко ³⁹, Н.М.Малов ⁴⁰, В.Г.Миросв ⁴¹, С.Ю.Монахов ⁴², А.И.Кдин ⁴³, Г.Л.Якубовский ⁴⁴ и другие сотрудники лаборатории. Благодаря широкомасштабным исследованиям, в Саратовской области удалось открыть местонахождение палеолитических орудий в Солёном овраге у с. Аряш в Ново-Бурасском районе и множество поселений разных эпох — от неолита до золоторунного времени.

Саратовские археологи не ограничились изучением только своей области. По заданию Министерства культуры РСФСР и заказу Управления культуры Пензенского облисполкома в 1984 году В.А.Лопатин и О.В.Кочерженко осуществили разведки в Камешкирском, Лопатинском и Неверкинском районах Пензенской области; вновь выявлено и нанесено на археологическую карту области свыше 150 объектов — от палеолита до средневековья ⁴⁵.

Охранные раскопки в Саратовском Поволжье с того же времени стали вестись по двум направлениям: во-первых, силами полевой учебной археологической практики студентов на базе Хвалынской и Воскресенской археологических экспедиций СУУ и, во-вторых, силами преимущественно экспедиций и отрядов лаборатории при участии той же археологической практики и специализированных научных студенческих отрядов на правах ССО "Археолог" и "Скиф", созданных в СУУ в 1981 году. Инициатива СУУ по созданию таких отрядов была в мае 1981 года одобрена совместным постановлением Коллегии МВССО СССР и Секретариата ЦК ВЛКСМ за № 7-114/32 и, как новый элемент, рекомендована для широкого внедрения в студенческое стройотрядовское движение. По почину СУУ аналогичные отряды сразу же стали создаваться в вузах Свердловска, Челябинска, Уральска и других. Наличие специально подготовленных кадров в составе данных отрядов самым положительным образом сказалось на масштабах и качестве археологических исследований Саратовского государственного университета.

Археологическая практика под руководством В.Г. Миронова завершила охранные раскопки поселения эпохи бронзы Хмельное IV и курганов той же поры у с. Горжиш в Хвалынском районе Саратовской области ⁴⁶ и он вернулся к исследованиям городищных памятников Вольского ⁴⁷ и Воскресенского ⁴⁸ районов; в последнем, продолжая охранные раскопки курганов эпохи бронзы у сёл Елшанка и Чардым, он приступил к исследованию уникального Чардымского 2-го городища. Отряд Воскресенской экспедиции под руководством Н.И. Шестова возобновил раскопки известного Чардымского 1-го городища ⁴⁹. В правобережных же районах Саратовской области раскопки курганов и поселений, преимущественно эпохи бронзы, вели также И.И. Дремов ⁵⁰, О.В. Кочерженко ⁵¹, Н.М. Малов ⁵² и А.И. Юдин ⁵³.

Работы экспедиций СУУ в Саратовском Левобережье производились, в основном, в зонах меллоративного строительства. Так, В.А. Лопатин копал поселения и курганы разных эпох в Краснопартизанском, Марксовском, Озинском и Ровенском районах ⁵⁴. Н.М. Малов исследовал курганы и поселения Ровенского и Энгельсского районов ⁵⁵.

Результаты работ саратовских археологов последних лет одобрительно оценивались специалистами на разнообразных конференциях и совещаниях, среди которых особо следует упомянуть Второе Всесоюзное срубное совещание (г. Куйбышев, 1982 г., 8 докладов и

сообщений) и Первые Всесоюзные Рыковские чтения (II докладов и сообщений).

П Р И М Е Ч А Н И Я

¹ Силицын И.В., Эрдишев У.Э. Археологические раскопки в Калмыцкой АССР в 1961 году // ТКАЛМРКМ* 1963. Вып. 1; Они же. Новые археологические памятники на территории Калмыцкой АССР. (По раскопкам 1962-1963 гг.) // КалМЙЛИ. ТКАЛМРКМ. 1966. Вып. 2; Они же. Элистинский курганный могильник. (По раскопкам 1964 г.) // КалМЙЛИ. ТКАЛМРКМ. 1971. Вып. 3; Они же. Древности Восточного Мангача / КалМЙЛИФЭ. Элиста, 1987; Силицын И.В. Раскопки в долине Восточного Мангача. Изд-во Сарат. ун-та. 1982. Ч. 1, 2; Эрдишев У.Э. Археологические памятники Южных Ергеней // КалМЙЛИ. Элиста, 1982. См. также статьи указанных авторов в сборниках КалМЙЛИ: Археологические памятники Калмыцкой степи. Элиста, 1979; Калмыцкая степь в эпоху бронзы, раннего железного века и средневековья. Элиста, 1980; Памятники Калмыкии каменного и бронзового веков. Элиста, 1982. См. также: К 70-летию И.В.Силицына // АМИА. 1972. Вып. 1. С. 5-11; Силицын И.В. Некролог // СА. 1973. № 2. С. 323-324; См. также публикации Г.А.Кушаева и У.Э.Эрдишева в данном сборнике.

² Соответствующая аббревиатура в сносках: Архив ИА АН СССР, номер дела; ГАСО; АССОМК.

³ Силицын И.В. Отчеты в ИА АН СССР под № 9, 47, 131, 240, 319, 433, 1863; см. также его личные фонды в ИА АН СССР и ГАСО.

⁴ Силицын И.В. Археологические работы в Саратовской области в 1945 году // КСИИМК. 1947. Вып. 17. С. 173-175; Он же. Изучение родского общества бронзово-железного века на территории Нижнего Поволжья. Саратов, 1947. С. 33-38; Он же. Памятники предкавказской эпохи в степях Нижнего Поволжья // СА. 1948. Т. 10. С. 143-160; Он же. Поселения эпохи бронзы степных районов Заволжья // СА. 1949. Т. 11. С. 195-224; Он же. Археологические памятники по реке Малый Узень (Саратовская область и Западный Казахстан) // КСИИМК. 1950. Вып. 32. С. 101-112; Он же. Археологические исследования в Нижнем Поволжье и Западном Казахстане // КСИИМК. 1951. Вып. 37. С. 97-105; Он же. Археологические исследования в Саратовской области и Западном Казахстане // КСИИМК. 1952. Вып. 45. С. 62-73; Он же. Археологические памятники в низовьях реки Иловли // УЗСаратГУ. 1954. Т. 39. С. 218-253; Он же. Археологические памятники северо-западного Прикаспия // ТСаратОМК. 1960. Вып. 3. С. 133-152; Он же. Поселение Соинов Гай в Заволжье / Древности Восточного Евраши. 1969. Вып. 169. С. 196-207.

⁵ Силицын И.В. Отчеты в ИА АН СССР под № 550, 667, 672, 684, 685, 819, 962, 1196, 1311.

⁶ Силицын И.В. Археологические работы в зоне строительства Сталинградской ГЭС // КСИИМК. 1953. Вып. 50. С. 77-91; Силицын И.В., Крупнов Е.И. Древнее население Нижнего Поволжья / По следам древних культур. От Волги до Тихого океана. М., 1954. С. 65-94; Силицын И.В. Археологические исследования Заволжского отряда Сталинградской экспедиции // КСИИМК. 1954. Вып. 55. С. 77-94; Он же. Археологические исследования в 1954 году в зоне строительства Сталинградской ГЭС // ИСаратГУ. 1954 (1956). Отд. 2. Исследования.

* Расшифровку см. в конце статьи.

С. 142-144; Сеницын И.В. Археологические памятники у села Пролейки // УЗСаратГУ. 1956. Т. 47. С. 207-232; Он же. Работы Заволжского отряда Сталинградской археологической экспедиции // КСИИМК. 1956. Вып. 63. С. 76-84; Он же. Скифо-сарматские памятники Нижнего Поволжья // ИЭСаратГУ. 1955 (1958). Отд. 2. Истфак. С. 118-119; Он же. Археологические исследования в зоне затопления Сталинградской ГЭС в 1955 году // ИЭСаратГУ. 1955 (1958). Отд. 2. Истфак. С. 121-124; Он же. Археологические исследования Заволжского отряда // МИА. 1959. Вып. 60. С. 39-205; Он же. Итоги археологического изучения древней истории Нижнего Поволжья // УЗСаратГУ. 1960. Т. 68. С. 3-14; Он же. Древние памятники в низовьях Еруслана (по раскопкам 1954-1955 гг.) // МИА. 1960. Вып. 78. С. 10-168; Он же. Ровенский курганный могильник // КСИА. 1961. Вып. 84. С. 91-102; Он же. Древние памятники Саратовского Заволжья // Археологический сборн. Изд-во Саратов. ун-та. 1966. С. 3-62; Малов Н.М. Конструктивные особенности псалма из Краснополя // СА. 1983. № 4. С. 204-209.

7 Материалы в личных фондах И.В.Сеницына в ИА АН СССР и ГАСО. Коллекции с памятников хранятся в археологических фондах ССМК.

8 Сеницын И.В. Памятники ямной культуры Нижнего Поволжья и их связь с Приднепровьем // КСИА АН УССР. 1957. Вып. 7. С. 32-35.

9 Крылова Л.П., Миронов В.Г. Танавское городище. (По раскопкам 1960-1962 гг.) // Сборн. тезисов докладов 9-й Всесоюз. археол. студ. конференции. М., 1963. С. 19-20; Деревятин Ю.В. Танавское городище. Большая Волга (г. Красноармейск). 1965. № 22.

10 Сеницын И.В. Древние поселения в излучине Дона // Новое в археологии. М., 1972. С. 36-45.

11 Максимов Е.К. Находка раннеболгарских погребений близ Саратова // Из истории ранних болгар. Казань, 1981. С. 108-110.

12 Сеницын И.В., Фисенко В.А. Поселение срубной культуры Гусёлка II в окрестностях Саратова // АМИА. 1972. Вып. 1. С. 12-28.

13 Степанов П.Д. Вольское городище // ТСаратОМК. 1956. Вып. I. С. 5-21; Он же. Хвалынские городища // ТСаратОМК. 1960. Вып. 3. С. 50-89.

14 Степанов П.Д. Отчёт в ИА АН СССР под № 1427; Он же. Из истории земледелия в Нижнем Поволжье (с древнейших времен до XVI в.) // ТСаратОМК. 1956. Вып. I. С. 86-114; Он же. Племена Фатьяновской культуры в Западном Поволжье // ИЭСаратГУ. 1955 (1958). Отд. 2. Истфак. С. 55-57; Он же. О фатьяновских поселениях // СА. 1958. № 2. С. 124-136; Он же. Новые фатьяновские памятники на территории Чувашской АССР // СА. 1958. № 4. С. 200-202; Он же. Паньжинский могильник // Алихова А.Е. и др. // Из древней и средневековой истории мордовского народа. Саранск, 1959. С. 65-68; Он же. Материалы для археологической карты западной части Среднего Поволжья // МИА. 1962. Вып. III. С. 221-272.

15 Максимов Е.К. Отчеты в ИА АН СССР под № 1317, 1612, 2169; Он же. Археологические работы Саратовского музея в 1956 году // СА. 1957. № 4; Он же. Археологические исследования в Петровском районе Саратовской области // ТСаратОМК. 1959. Вып. 2. С. 87-94.

16 Максимов Е.К. Позднейшие сармато-аланские погребения У-УШ вв. на территории Нижнего Поволжья // ТСаратОМК. 1956. Вып. I. С. 65-85; Он же. Памятник эпохи бронзы у станции Карамыш Саратовской области // ТСаратОМК. 1956. Вып. I. С. 115-123; Он же. Сар-

матское погребение у с. Большая Дмитриевка Саратовской области // СА. 1957. № 4. С. 157-161; Максимов Е.К. Раннесредневековые сармато-аланские памятники Нижнего Поволжья // НЕСаратГУ. 1955 (1958). Отд. 2. Истфак. С. 124-125; Он же. Карамышский курган эпохи бронзы // НЕСаратГУ. 1955 (1958). Отд. 2. Истфак. С. 126-127; Он же. Меч и копьё из коллекции Саратовского музея // СА. 1959. № 1. С. 261-263; Он же. О хронологии савроматских памятников Нижнего Поволжья // ТСаратОМК. 1960. Вып. 3. С. 90-132; Он же. К вопросу о датировке Покровских курганов // ИТКушншевИИИ. 1978. Т. 221. С. 57-58; Он же. Ртищевские курганы // КСИА. 1974. Вып. 140. С. 64-67.

17 Максимов Е.К. Отчёты в ИА АН СССР, № 2755, 3463, 3653, 4184, 6496; Он же. Сарматские диагональные погребения Восточной Европы // Археологический сборн. Изд-во Саратов. ун-та, 1966. С. 98-115; Он же. Ново-Липовские курганы // АО. 1968 (1969). С. 154-156; Он же. Раскопки курганов в Саратовском Поволжье // АО. 1969 (1970). С. 147-148; Он же. Позднекочевнические погребения Урало-Волжского региона: Древности Восточной Европы. Сб. в честь 70-летия А.П. Смирнова // ИИА. Вып. 168. М., 1969. С. 130-138; Он же. Археологические раскопки в Саратовском левобережье // АО. 1971 (1972). С. 211-212; Он же. Памятники эпохи бронзы Саратовского правобережья по раскопкам 1975-1976 гг. // Проблемы эпохи бронзы юга Восточной Европы. Донецк. 1979. С. 81-82; Он же. Археологические разведки по р. Стерех // ИТКушншевИИИ. 1979. Т. 230. С. 110-117; Он же. Древнейшие погребения Крутойрвовских курганов // КСИА. 1980. Вып. 161. С. 71-76.

18 Максимов Е.К. Материалы из Хвалынского музея // СА. 1962. № 3. С. 282-288; Он же. Витическое семидольное кольцо из Нижнего Поволжья // СА. 1964. № 4. С. 225-227; Он же. Сарматские бронзовые котлы и их изготовление // СА. 1966. № 1. С. 51-61; Он же. Флейта пана. Записки археолога // Уральский следопыт. 1970. № 5; Максимов Е.К., Полесский М.Р. Заметка об акинаках // СА. 1971. № 2. С. 238-242; Максимов Е.К. Перелесский клад медных серпов // СА. 1972. № 2. С. 178-181; Он же. Новые находки савроматского звериного стиля в Поволжье // Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии. М., 1976. С. 210-218.

19 Деревягин Ю.В. Охрана археологических памятников школьниками Саратовской области // СМСОПК. 1974. Вып. 7. С. 338-341; Он же. К юному туристу-археологу. (Выявление и охрана древних селищ на территории Саратовской области) // Изучай родной край и берегай его богатства. Изд-во Саратов. ун-та. 1976. С. 122-134; См. также фонд Ю.В. Деревягина в АССОМК.

20 Деревягин Ю.В. Отчёты в ИА АН СССР под № 2568, 2799, 2840, 3059, 3228, 3430, 3655, 3990; Он же. Саратовское поселение эпохи бронзы // СА. 1966. № 2. С. 297-298; Он же. Археологические памятники в бассейне реки Большого Узенья (Материалы к археологической карте) // Археологический сборн. Изд-во Саратов. ун-та. 1966. С. 84-89; Он же. Исследования в Саратовской области // АО. 1968 (1969). С. 129-131; Он же. Разведки в Саратовской области // АО. 1967 (1968). С. 122; Он же. Селище эпохи бронзы в селе Пристанном // СА. 1969. № 3. С. 235-238; Он же. Находки в Саратовской области // АО. 1969 (1970). С. 150-151; Он же. Раскопки и разведки в Саратовской области // АО. 1970 (1971). С. 159-160; Он же. Новые памятники эпохи бронзы в бассейне р. Медведицы // КСИА. 1971. Вып. 127. С. 93-97; Деревягин Ю.В., Симонов Р.М. Валиковая керамика на срубных памятниках Нижнего Поволжья // СА. 1971. № 2.

С. 218-221; Деревягин Ю.В. Памятники эпохи бронзы в Саратовском Заволжье // АСИА. 1973. Вып. 134. С. 96-100.

21 Деревягин Ю.В., Третьяков В.П. Неолитическое поселение у с. Алтата в Саратовской области // СА. 1974. № 4. С. 249-253.

22 Деревягин Ю.В. Некролог // СА. 1971. № 3. С. 314-315.

23 Миронов В.Г. Отчёты в ИА АН СССР под №№ 2657, 2855, 3074, 3237, 3500, 3790; Он же. Хвалынский городища и их роль в истории городищ племён Поволжья; Исследования по археологии и этнографии Мордовской АССР // Мордовский ИИЭ. Саранск, 1970. Вып. 39. С. 67-83; Он же. Сосуд с Хвалынского городища № 10 // СА. 1971. № 1. С. 238.

24 Миронов В.Г. О некоторых закономерностях в размещении и концентрации раннегородищных памятников // Некоторые вопросы отечественной и всеобщей истории. Изд-во Саратов. ун-та. 1971. С. 137-139; Он же. К истории хозяйственной и духовной жизни финно-угорских городищных племён Волго-Окско-Донского междуречья в I тысячелетии до нашей эры; Вопросы истории // УЗПетрозаводскГУ. 1974. Т. 19. Вып. 4. С. 73-84; Он же. К вопросу об орнаментике городищной посуды // УЗПетрозаводскГУ. 1974. Т. 19. Вып. 4. С. 85-95; Миронов В.Г., Левенко В.П. К вопросу о новом районе городищной культуры на Дону // СА. 1976. № 2. С. 17-32.

25 Миронов В.Г. Отчёты в ИА АН СССР под №№ 3860, 6793, 7032; Он же. Археологические памятники бассейна р. Терешки // АО. 1969 (1970). С. 157-158; Миронов В.Г., Непочатых В.А. Работы Хвалынской экспедиции // АО. 1977 (1978). С. 186-187.

26 Миронов В.Г. Отчёты в ИА АН СССР под №№ 6716, 7279, 7973; Он же. Памятники эпохи бронзы бассейна Верхней Терешки: Древние культуры Поволжья и Приуралья // ИТКубышевский ИИ. 1978. Т. 221. С. 59-61; Он же. Раскопки на Верхней Терешке // АО. 1979 (1980). С. 158.

27 Фисенко В.А. Памятники катакомбной культуры у станции Петров Вал // СА. 1964. № 4. С. 181-185; Он же. К вопросу о назначении глиняных воронок катакомбной культуры // Материалы к научной конференции аспирантов и молодых научных сотрудников СВУ. Секция истории СССР, Саратов, 1965. Вып. 1. С. 121-128; Он же. Погребальный обряд катакомбной культуры Юго-Востока // Археологический сборн. Изд-во Саратов. ун-та. 1966. С. 63-83; Он же. О происхождении и хронологии катакомбной культуры: Учебное пособие по курсу истории СССР // Лекции по археологии для студентов I-го курса истор. фак. заочного отделения. Изд-во Саратов. ун-та. 1966; Он же. Племена катакомбной культуры Северо-Западного Прикаспия: Автореф. дисс... Л., 1967; Он же. Племена ямной культуры Юго-Востока: Учебное пособие по курсу // Основы археологии для студентов истор. фак. Изд-во Саратов. ун-та. 1970; Он же. Погребения ямно-катакомбного типа Калмыкии и их место среди памятников бронзово-катакомбного Северо-Западного Прикаспия // СА. 1970. № 1. С. 53-65.

28 Фисенко В.А. Отчёты в ИА АН СССР под №№ 3660, 4530; Синицын И.В., Фисенко В.А. Раскопки на Утёсе Степана Разина // АО. 1969. (1970). С. 154-155.

29 Ким М.Г. Отчёты в ИА АН СССР под №№ 7015, 7817, 8652, 8446; Он же. Могильник срубной культуры у с. Дмитриевна // АО. 1979 (1980). С. 149-150; Он же. Разведки Волжского краеведческого музея // АО. 1981 (1983). С. 153; Малов Н.М. Отчёты в ИА АН СССР под №№ 6082, 6154, 6710; Храков А.А. Отчёты в ИА АН СССР под №№ 7150, 7436.

8324, 8300, 8414, 9048 и отчёт за 1984 год; Хреков А.А. Исследования в бассейне р. Хопёр // АО. 1979 (1980). С. 178; Он же. Исследования на Хопре // АО. 1980 (1981). С. 157; Он же. Исследования в бассейне р. Хопёр // АО. 1984 (1986). С. 82-83; Он же. Ашаевские памятники в бассейне р. Хопра // Археологические памятники на Европейской территории СССР. Воронеж, 1985. С. 94-102.

30 Монахов С.Ю. Отчёты в ИА АН СССР под №№ 7024, 7529, 7530, 7594; Он же. Раскопки городища у с. Натальино в Саратовской области // АО. 1979 (1980). С. 153; Он же. Работа Аткарского отряда // АО. 1980 (1981). С. 143-144; Он же. Погребения культурной многоваликовой керамики близ Саратова // СА. 1984. № 1. С. 241-243.

31 Малов Н.М. Отчёты в ИА АН СССР под №№ 6951, 7576, 7807.

32 Малов Н.М. Охранные работы в правобережных районах Саратовского Поволжья // АО. 1978 (1979). С. 186; Он же. Исследование памятников эпохи меди и бронзы в Саратовском Поволжье // АО. 1979 (1980). С. 153; Он же. Раскопки в Саратовском Поволжье // АО. 1980 (1981). С. 138-139.

33 Малов Н.М. О загадочной керамике вольского типа // Проблемы эпохи бронзы юга Восточной Европы. Донецк, 1979. С. 82-83; Он же. Энеолитический могильник на Хлопковом городище // Проблемы эпохи энеолита степной и лесостепной полосы Восточной Европы. Оренбург. 1980. С. 14-15; Он же. Хлопковский могильник и его место в энеолите Поволжья. (По материалам раскопок 1977-1978 гг.) // Волго-Уральская лесостепь в эпоху раннего металла. Куйбышев, 1982. С. 82-93; Он же. Некоторые итоги изучения поселений эпохи бронзы северных районов Нижнего Поволжья // Достижения советской археологии в XI пятилетке: Тезисы докладов Всесоюзной археологической конференции. Баку, 1985. С. 225-227; Он же. Хвалынская культура валиковой керамики эпохи поздней бронзы в Поволжье. (По материалам поселений) // Задача советской археологии в свете решений XXII съезда КПСС: Тезисы докладов Всесоюзной археологической конференции (Суздаль, 1987). М., 1987. С. 159-160.

34 Лопатин В.А. Отчёты в ИА АН СССР под №№ 6257, 7320, 7952 и за 1980 год; Он же. Раскопки в Саратовском Заволжье // АО. 1980 (1981). С. 137-138.

35 Илин А.И. Отчёт в ИА АН СССР под № 8587. 1981.Р-1.

36 Илин А.И. Отчёт в ИА АН СССР за 1982 год.

37 Воробьёв В.Б. Отчёты в ИА АН СССР под №№ 8648, 9196 и за 1983 и 1984 гг.

38 Дрёмов И.И. Отчёт в ИА АН СССР под № 7870; Он же. Разведки в Саратовской области // АО. 1981 (1983). С. 145-146; Дрёмов И.И., Кузнецова Л.В. Солёный овраг - первое палеолитическое местонахождение в Саратовском Поволжье // СА. 1986. № 2. С. 224-226.

39 Кочерженко О.В. Отчёты в ИА АН СССР под № 9154 и за 1983 г.; Кочерженко О.В., Малов Н.М. Работы Приволжской экспедиции // АО. 1982 (1984). С. 153-154.

40 Малов Н.М. Отчёт в ИА АН СССР под № 8502; Он же. Работы в Саратовском Поволжье // АО. 1981 (1983). С. 159.

41 Миронов В.Г. Отчёт в ИА АН СССР за 1982 год по Открытому листу № 275.

- 42 Монахов С.Ю. Отчёты в ИА АН СССР под № 8625, 9039 и за 1983 год; Он же. Работы Вольской экспедиции // АО. 1981 (1983). С. 164; Он же. Исследования в Ново-Бурасском и Калининском районах Саратовской области // АО. 1982 (1984). С. 162; Он же. Исследования в Пензовском районе Саратовской области // АО. 1983 (1985). С. 166-167.
- 43 Юдин А.И. Отчёт в ИА АН СССР за 1984 год.
- 44 Якубовский Г.Л. Отчет в ИА АН СССР за 1984 год; Он же. Разведки в Саратовской области // АО. 1984 (1986). С. 164.
- 45 Лопатин В.А. Отчёты в ИА АН СССР за 1984 год; Он же. Работы в Пензенской и Саратовской областях // АО. 1984 (1986). С. 136-137.
- 46 Миронов В.Г. Отчёты в ИА АН СССР за 1981 и 1983 гг.; Он же. Исследования на Верхней Терешке // АО. 1981 (1983). С. 163-164.
- 47 Миронов В.Г. Отчёты в ИА АН СССР за 1983 и 1984 гг.; Он же. Исследования в Саратовском Поволжье // АО. 1983 (1985). С. 164-165; Он же. Работа в Воскресенском районе Саратовской области // АО. 1984 (1986). С. 142-143.
- 49 Шестов Н.И. Отчёт в ИА АН СССР за 1984 год; Он же. Работы Чардынского отряда // АО. 1984 (1986). С. 160.
- 50 Дрёмов И.И. Отчёты в ИА АН СССР за 1983-1984 гг.; Он же. Раскопки поселения Ешиное в г. Саратове // АО. 1983 (1985). С. 145; Он же. Погребение воина с джучидскими монетами // СА. 1985. № 4. С. 243-245; Он же. Охранные раскопки в окрестностях городов Саратов и Энгельс // АО. 1984 (1986). С. 128.
- 51 Кочерженко О.В. Отчёт в ИА АН СССР за 1984 год; Она же. Раскопки на Курдуме // АО. 1984 (1986). С. 134.
- 52 Малов Н.М. Отчёт в ИА АН СССР под № 9089; Кочерженко О.В., Малов Н.М. Работы Приволжской экспедиции // АО. 1982 (1984). С. 153-154.
- 53 Юдин А.И. Отчёт в ИА АН СССР за 1983 год; Он же. Неолитические памятники степного Поволжья / Проблемы эпохи неолита степной и лесостепной зоны Восточной Европы: Тезисы докладов предстоящей областной конференции (18-21 февраля 1986 г.). Оренбург. 1986. С. 24-26; Он же. Новые неолитические памятники на реке Большой Узень: Древние культуры Северного Прикаспия // Межкузовский сборник научных трудов. Куйбышев. 1986. С. 36-56.
- 54 Лопатин В.А. Отчёты в ИА АН СССР за 1981-1984 гг.; Лопатин В.А., Миронов В.Г. Работы Заволжского отряда // АО. 1981 (1983). С. 154-156; Лопатин В.А. Раскопки в среднем течении р. Малый Карамин // АО. 1983 (1985). С. 158-159; Он же. Работы в Пензенской и Саратовской областях // АО. 1984 (1986). С. 137.
- 54 Малов Н.М. Отчёты в ИА АН СССР под № 6058, 9252 и за 1984 год; Малов Н.М., Кочерженко О.В. Работы Приволжской экспедиции // АО. 1982 (1984). С. 153-154; Малов Н.М. Раскопки в Саратовском Поволжье // АО. 1983 (1985). С. 155-156; Он же. Работы в Заволжье // АО. 1984 (1986). С. 139.

УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ

АИИА - Античный мир и археология.

- АО - Археологические Открытия.
- ИА АН СССР - Институт археологии АН СССР.
- КАЛМИЯЛИ - Калмыцкий институт языка, литературы и истории.
- КалНИИИФЭ - Калмыцкий научно-исследовательский институт истории, философии и экономики.
- КСИА - Краткие сообщения Института археологии АН СССР.
- КСИИМК - Краткие сообщения Института истории материальной культуры.
- ИИА - Материалы и исследования по археологии СССР.
- НЕСаратГУ - Научный ежегодник Саратовского государственного университета.
- ИТКуйбышевТИИ - Научные труды Куйбышевского государственного педагогического института.
- СА - Советская археология (журнал).
- СГУ - Саратовский государственный университет.
- СИМСОНК - Сообщения научно-методического совета отдела пермью-битной культуры.
- ТКалМИЯЛИ - Труды Калмыцкого института языка, литературы и истории.
- ТКалмРКМ - Труды Калмыцкого республиканского краеведческого музея.
- ТМордовНИИЯЛИЭ - Труды Мордовского научно-исследовательского института языка, литературы, истории и экономики.
- ТСаратМК - Труды Саратовского областного музея краеведения.
- УЗПетрозаводскГУ - Ученые записки Петрозаводского государственного университета.
- УЗСаратГУ - Ученые записки Саратовского государственного университета.

Н.Я.Мерперт, В.П.Шилов

**БРОЗОВЫЙ НЕК ПОВОЛЖЬЯ:
ИССЛЕДОВАНИЯ П.С.РЫКОВА И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ПРОБЛЕМЫ**

С именем П.С.Рыкова связаны как создание первого крупного и многообразного фонда источников по древнейшей истории Нижнего Поволжья, так и первая систематизация материалов этого фонда, превращение их в полноценные исторические источники, позволившие-

также впервые — поставить вопрос как об общих закономерностях, так и о конкретном своеобразии развития этой важнейшей области евразийских степей на протяжении ряда последовательных периодов неолита и бронзового века. Ряд основных положений созданной П.С.Рыковым общей схемы явился для своего времени весьма интересным образцом исторического синтеза археологических источников, выдержал испытание временем и сохранил научную ценность до наших дней. Другие же моменты, закономерно потребовавшие пересмотра в силу дальнейшего накопления материалов и общего развития проблематики, также сыграли немалую роль в последнем процессе, явились серьезным импульсом к разработке соответствующих вопросов.

Активно участвуя в создании новой, марксистской археологии, опирающейся на методологию исторического материализма, стремясь к использованию археологического материала для разработки социально-экономических и общесторических проблем, П.С.Рыков в период чрезмерного увлечения социологическими схемами и отхода от подлинной источниковедческой работы сумел сохранить методическую четкость в изучении археологических источников. Характерно здесь отношение его к общей схеме развития бронзового века степной полосы, разработанной В.А.Городцовым и подвергнувшейся в указанные годы резким нападкам (А.П.Круглов и Г.В.Подгваецкий, В.И.Равдоникас и др.). При первой же попытке синтеза материалов бронзового века Нижнего Поволжья П.С.Рыков подчеркивает, что схема В.А.Городцова "...сделалась, действительно, исходной точкой для всех работ по культурам бронзовой эпохи" ¹. В последней сводной работе он вновь возвращается к этому вопросу. Считая неправомерными сомнения, которым подверг схему В.И.Равдоникас, П.С.Рыков пишет, что "...схема, данная В.А.Городцовым, сама по себе даёт значительные удобства для изучения многочисленных памятников материальной культуры и в настоящее время требует лишь уточнений на основе новых материалов, как предвидел и сам В.А.Городцов" ².

Широкий сравнительный фон, на котором П.С.Рыков рассматривал конкретные культурные группы Поволжья, учёт фактически всех материалов неолита, энеолита и бронзового века, известных в 20-30-е годы как в Европейской части нашей страны, так и в Сибири, стремление к исторической интерпретации этих материалов, позволили ему не только создать общую схему развития бронзового века Поволжья, но и предсказать будущие открытия, заполнившие значительные лаку-

ны, существовавшие тогда в археологической документации. Так, в указанные годы в Поволжье фактически не были известны ни неолитические, ни энеолитические памятники³. Однако выявление общих закономерностей (как и конкретных особенностей) развития древнейших культур Поволжья и смежных с ними более западных областей привело П.С.Рикова к мысли о распространении в Поволжье погребальных памятников Мариупольского типа, известных тогда лишь в самом Приазовье: "Вероятно, были в то время и погребения, совершенно не имевшие заметных насыпей. Прекрасным доказательством этому может служить древний могильник, вскрытый Н.Макаренко у г. Мариуполя в 1930 г."⁴. Еще раз подчеркнем, что интуиция автора основывалась здесь на учёте ряда конкретных черт единства развития Нижнего Поволжья и смежных степных областей, в том числе и Приазовья. Прошло 40 лет, и, начиная с середины 70-х годов, исследования таких памятников, как Сызженский комплекс, Хвалынский могильник, Хлопково городище (местонахождение на р. Ток) полностью обосновали предположение П.С.Рикова, позволив очертить обширную Мариупольскую культурно-историческую область и включить в неё пограничье Среднего и Нижнего Поволжья.

Что касается культур позднего энеолита и бронзового века, то и здесь с именем П.С.Рикова связано само обоснование наличия этих культур в Нижнем Поволжье и определение своеобразия их развития в этой области. "... Всякая схема есть схема, — подчеркивал он, — т.е. она даёт лишь общую картину, применить которую возможно в любом месте, отыскивая лишь местные детали, каких схема, разумеется, касаться не в состоянии. Такие детали оказались и в нашем крае"⁵. По сути дела, здесь можно говорить об одной из первых попыток выделения конкретных, отмеченных определенным своеобразием вариантов внутри наметившихся уже гигантских культур евразийских степей. Именно со стремлением конкретизировать общую картину древнейшей истории степной полосы и определить своеобразие развития Нижнего Поволжья в бронзовом веке следует связывать попытку выделения хвалынской культуры⁶. В этом плане попытка представляет безусловный интерес, несмотря на то, что и общее понимание этой культуры и ряд конкретных ее характеристик в дальнейшем подверглись серьезному пересмотру. Главнов здесь то, что на смену известным до работ П.С.Рикова отдельным находкам (крайне немногочисленным, разрозненным и лишенным внутренней взаимосвязи), в результате его исследований (П.С.Рикова) пришла стройная и в ряде основных

моментов достаточно фундированная система археологических источников, освещающих более двух тысячелетий развития Нижнего Поволжья.

О древнейшей культуре Поволжья до работ П.С.Рыкова можно было говорить лишь сугубо ориентировочно: здесь материалы ограничивались единичными, разрозненными и не интерпретированными находками (раскопки А.А.Спицина у с. Норки, находка В.Ф. Ореховым погребения у Ивановки и пр.). П.С.Рыков первым на добытом материале показал безусловное распространение в ряде районов Нижнего Поволжья древнейшей культуры. Если учесть открытия В.В.Гольмстен в районе Самарской луки, то территория этого распространения вырисовывалась весьма значительной. П.С.Рыков правильно сопоставляет древнейшие погребения Поволжья с соответствующими памятниками Дона и Северного Причерноморья⁷. Закономерна и попытка его выделить внутри этих погребений раннюю и позднюю группы. Однако подлинных критериев для такого деления тогда еще не существовало. П.С.Рыков справедливо пишет, что "здесь играет роль каждая деталь, всякая частности как в устройстве могилы, так и особенно в инвентаре, например, отсутствие или, наоборот, наличие керамики и т.п."⁸. Но серий погребений, необходимых для выделения достаточно заметных групп на основании различия в подобных деталях, тогда еще не было. Использование лишь одного и к тому же достаточно случайного признака — шалашеобразных поддурганых сооружений — как индикатора наиболее ранней группы, связанной еще с "культурой гарденуза"⁹ и предшествовавшей появлению керамики, не могло быть признано удовлетворительным и не получило развития в дальнейших исследованиях. То же следует сказать и о датировке этой группы 10000 — 6000 гг. до н.э., не имевшей никакого фактического обоснования и соответствовавшей лишь стремлению автора заполнить древнейшими погребениями весь период от конца палеолита до "времени употребления орудий из бронзы"¹⁰. Однако эта попытка явилась определенным импульсом для разработки вопроса внутренней периодизации древнейших погребений Поволжья, продолженной впоследствии на совершенно других основаниях.

Отметим еще два принципиально правильных и перспективных наблюдения П.С.Рыкова, связанных с древнейшей культурой Поволжья. Первое касается длительного переживания здесь традиций этой культуры — вплоть до XVII в. до н.э., до стадии "А" хвалынской культуры по П.С.Рыкову, т.е. фактически до развития полтавкинской куль-

туры. Много лет спустя это наблюдение было подтверждено новыми значительными группами материалов. Развитие этого тезиса оказалось достаточно важным для разработки вопроса о своеобразии культурно-исторического процесса в Поволжье в период средней бронзы и об особой роли этого региона в процессе формирования срубной культуры.

Второе заключение касается экономики древнейших племен. Следуя принятой тогда стадильной схеме, П.С.Рыков избегает её крайностей. В отличие от А.П.Круглова и Г.В.Подгаецкого, отрицавших наличие производящих форм экономики у древнейших племён, он определенно пишет: "Пастушеское скотоводство и мотыжное земледелие — вот характерные признаки общественно-экономического строя, какой мы можем установить на основе изучения ямных погребений" ^{II}. И это положение получило в дальнейшем прочное обоснование и значительное развитие в трудах ряда исследователей. Значение его не уменьшается ни ошибочностью тезиса о господстве в древнейших коллективах матриархата, ни рассуждениями о социально обусловленном приоритете приручения крупного рогатого скота над приручением мелкого. И то и другое соответствует стандарту стадильных построений того времени.

Ныне в свете археологических и палеозоологических данных вполне закономерным представляется тот факт, что на различных участках Евразийских степей в зависимости от характера травяного покрова, природного окружения в целом, общих хозяйственных возможностей создаются специализированные виды скотоводческого хозяйства с преобладанием тех или иных видов домашних животных, выделяются группы коневодов, овецоводов, смешанные придомные стада и специфические стада кочевников.

И столь же закономерным явилось формирование внутри древнейшей культурно-исторической области (границы которой документируются ныне от Южного Приуралья до западных пределов нашей страны) конкретных племенных групп. Каждая из них отмечена определенным своеобразием, каждая в развитии своем прошла ряд специфических этапов. При этом поволжские группы являются одними из наиболее ярких, хронологически показательных и значительных для разработки коренных вопросов формирования и исторических судеб древнейшей культурно-исторической области. И всегда следует помнить, что начало к выделению этих групп и ряду направлений их исследования дали труды П.С.Рыкова, хотя ряд конкретных вопросов ставится ныне

по-новому. Так, синтез всех известных материалов позволил поставить вопрос о социальной структуре древнейшего населения, о наличии в его среде больших и мощных (хотя и недолговечных) племенных объединений, вторгавшихся далеко в сопредельные области и сыгравших значительную роль в культурной истории Восточной Европы и Центральной Азии. Естественно, связывать подобные явления с матриархатом более чем сомнительно.

Необходимо ещё раз подчеркнуть, что работы П.С.Рыкова, его блестящая интуиция, широта охвата материала и неизменный историзм их интерпретации явились важнейшим импульсом исследования и следующей ступени первобытной истории Поволжья — среднего бронзового века. Уже в своих ранних работах П.С.Рыков, правильно отметив длительность существования древнейшей культуры в Нижнем Поволжье и, вместе с тем, проникновение сюда катаномных воздействий, дал два совершенно правильных направления для исследования основных характеристик этой ступени. Плодотворность этих направлений блестяще доказана как одновременными работами П.Д.Рау, выдвинувшего "Полтавкинскую ступень", т.е. конкретную группу среднего бронзового века Поволжья, так и всем дальнейшим ходом исследований. Последний привел ныне к документированию стадий среднего бронзового века в Волго-Донском и Волго-Уральском междуречьях. Стадия эта представлена рядом исторически (а в определенных случаях и генетически) связанных культурных групп, находившихся в постоянном взаимодействии. Последнее предопределяет крайнюю сложность и дискуссионность проблематики этого периода, имеющей, вместе с тем, решающее значение для разработки вопросов формирования гигантских культурно-исторических областей последующего периода — позднего бронзового века. И если сейчас сложность эта постепенно преодолевается, то в этом огромна роль тех импульсов, тех направлений, которые даны работами П.С.Рыкова.

П.С.Рыков положил начало исследованию первобытных памятников Кавказия. На весьма ещё ограниченных материалах первых целенаправленных раскопок, проведенных им в этой важнейшей контактной зоне степных и кавказских культур, он прозорливо определил наличие и здесь ряда ступеней развития бронзового века, отмеченных прежде всего именно свидетельствами взаимодействия этих двух культурных миров.

Безусловно доказав распространение на Кавказе ямных памятников, П.С.Рыков предвосхитил дальнейшие активные исследования, привнесшие

к заключению о том, что здесь сформировался один из самых ранних и интересных вариантов древнеямной культурно-исторической области.

Позднекатакомбные памятники Калмыкии П.С.Рыков выделил в особую культуру, назвав её нижневолжской. Этот тезис получил подтверждение в материалах последующих фундаментальных исследований И.В.Синицына, У.Э.Эрдниева, В.А.Фисенко, В.П.Шилова. Выделенная культура стала ныне именоваться предкавказской, что с большей рельефностью отражает специфику её расположения, содержания и развития. Определены основные этапы последней, на наиболее позднем из которых катакомбные племена предкавказской культуры сосуществовали с раннесрубными Нижнего Поволжья и находились в определенных связях с ними. При отдельных проникновениях срубных памятников на территорию Калмыкии сплошной срубной экспансии здесь никогда не было. П.С.Рыковым был совершенно правильно отмечен мощный юго-западный импульс в сложении нижневолжской (предкавказской) культуры: новые материалы со всей наглядностью свидетельствуют о роли северокавказского культурного мира как в этом процессе, так и в последующем развитии культуры.

Весьма значительны и исследования П.С.Рыкова, касающиеся срубной культуры Поволжья. И здесь лишь после его (и В.В.Гольмстен) работ место отдельных памятников и разрозненных групп материалов заняла система целенаправленно изученных объектов, которая и позволила впервые говорить о широком распространении срубной культуры в Поволжье и о специфике её развития в этом регионе. Естественно, сейчас, когда соответствующие материалы умножены в десятки раз, многие вопросы этой проблемы пересмотрены и предстают в ином свете. Но всё же ряд наблюдений П.С.Рыкова, ряд конкретных моментов интерпретации им срубных материалов и ныне сохраняют своё значение. Они явились исходными точками целых направлений исследования, получивших впоследствии широкое развитие. Это касается, прежде всего, коренного вопроса формирования срубной культуры. Если сначала П.С.Рыков придерживался предложенного ещё В.А.Городцовым тезиса об очередной миграционной волне и искал истоки срубной культуры на СВ от Поволжья, в Сибири ¹², то в дальнейшем он выдвинул свой собственный тезис о зарождении срубной культуры на основе древнеямной и формировании её на стадии А хвалынской культуры, соответствующей позднейшим древнеямным и полтавкинским погребениям ¹³. Последующие исследования показали безусловную перспективность этого тезиса и прозорливость его автора. Ныне мы

не можем принять предположение об эволюции единого древнейшего обряда на юге к катакомбе, а на севере к срубам¹⁴: здесь отдана дань определенным упрощениям стадильной схемы. Но, вместе с тем, поиски определенной внутренней взаимосвязи различных археологических феноменов и здесь представляют несомненный интерес. Весьма важно и знаменательно использование при характеристике конкретных групп памятников срубной культуры Поволжья не только традиционных уже курганных погребений, но и поселений с попыткой обоснования связи между обеими категориями памятников¹⁵. Это позволило резко расширить характеристику экономики срубного населения Поволжья, определить ряд её направлений и впервые предложить попытку районирования всей территории в этом аспекте с выделением хозяйственной специфики развития конкретных районов. И здесь П.С.Рыков явился пионером данного направления, в дальнейшем развитого рядом исследователей и приведшим к весьма значительным результатам. Наконец, само выделение П.С.Рыковым хвалынской культуры в конечном счёте явилось, прежде всего, определением специфики развития срубных групп Поволжья. И если здесь вначале¹⁶ П.С.Рыков подчеркивал отличия поволжских памятников от классических срубных (коими в своё время считались прежде всего северодонецкие), то позднее¹⁷ он писал уже именно о конкретном варианте срубной культуры, специфика которого определена как особенностями внутреннего развития в степных, лесостепных и полупустынных районах, так и системой связей. "Мы... считаем, — писал он, — что хвалынская культура была своеобразной локальной формой культуры срубной с элементами соседних культур, например, в бывшей Пензенской губернии или в Горьковском крае (так называемая сейминская), или открытой в Батиревском районе Чувашской республики. Это можно объяснить распространением населения и установлением всё больших связей между отдельными родовыми группами, усилением обмена"¹⁸.

Исследования П.С.Рыкова вслед за работами В.А.Городцова и А.М.Тальгрена явились весьма важной ступенью в развитии срубной проблематики, по праву ставшей традиционной для изучения бронзового века евразийских степей. Хорошо известно, сколь сложной и многосторонней предстаёт эта проблематика в наши дни. Территория, охватываемая ею, огромна: она включает лесостепь, степь и значительные районы полупустыни, на западе она простирается до Нижнего Подунавья, на востоке — до Южного Приуралья, а учитывая отдельные включения срубных племён — до южных пределов Средней Азии. Ес-

тественно, здесь следует говорить об огромной культурно-исторической общности. Конкретные варианты, выделившиеся внутри неё, отмечены определенной спецификой, обусловленной и путями их сложения, и особенностями развития, и различиями в природных условиях определенных областей, и различными системами доминирующих связей и реминисценциями местных традиций. Степень близости таких вариантов отнюдь не идентична. Она менялась и на различных территориях и в различные периоды длительной истории срубных племён. Огромное накопление материалов придает особое значение изучению специфики конкретных вариантов, некоторые из них могут рассматриваться как отдельные культуры, входившие в состав культурно-исторической области. Именно работы Рыкова положили начало изучению специфики развития Нижнего Поволжья в эпоху поздней бронзы, а также особенностей известных тогда срубных памятников. И особо следует подчеркнуть, что они дали ей совершенно правильное направление. Говоря о хвалынской культуре П.С.Рыков, с одной стороны, верно подчёркивал специфику развития Поволжья, с другой — считал эту культуру "локальной формой культуры срубной". Ныне поволжскую срубную культуру мы рассматриваем как основную, исходную для всей культурно-исторической области. Материалов для такого заключения П.С.Рыков, естественно, ещё не имел. Но он впервые поставил вопрос о территориальных группировках внутри большой культурной области, не сомневаясь в безусловной их внутренней связи. Связь эта находит выражение в ряде явлений материальной культуры и в погребальном ритуале. Она не позволяет отрывать территориальные группировки (пусть выделившиеся уже в специфические варианты и даже культуры) от срубной культурно-исторической общности, история которой отмечена целым рядом проявлений единства культурных и исторических судеб своего населения. Эту историю необходимо рассматривать в постоянной диалектической связи центростремительных и центробежных явлений внутри области. Первые обуславливают само её выделение. Постепенное нарастание вторых приводит к её концу. Но именно отмеченное единство развития позволяет считать срубную культурно-историческую область важнейшим субстратом больших этнических и культурных общностей раннего железного века, в исследование которых, как известно, также внес весьма значительный вклад П.С.Рыков.

П Р И М Е Ч А Н И Я

- 1 Рыков П.С. К вопросу о культурах бронзовой эпохи в Нижнем Поволжье // ИЖИИВВО. Саратов, 1927. Т. 2. С. 79.
- 2 Рыков П.С. Очерки по истории Нижнего Поволжья (по археологическим материалам). Саратов, 1936. С. 24.
- 3 Там же. С. 13.
- 4 Рыков П.С. Очерки по истории... С. 16.
- 5 Рыков П.С. К вопросу о культурах ... С. 79.
- 6 Там же. Табл. Стадия А.
- 7 Рыков П.С. Очерки по истории... С. 20-21.
- 8 Там же. С. 19.
- 9 Там же.
- 10 Там же. С. 18.
- 11 Там же. С. 23.
- 12 Рыков П.С. К вопросу... С. 82.
- 13 Рыков П.С. Очерки по истории... С. 45.
- 14 Там же.
- 15 Там же. С. 47.
- 16 Рыков П.С. К вопросу о культурах ...
- 17 Рыков П.С. Очерки по истории... С. 44.
- 18 Там же.

В.И. Сагайдак

ХВАЛЫНСКАЯ КУЛЬТУРА В ИССЛЕДОВАНИЯХ П.С.РЫКОВА

В 1920 году в Нижнем Поволжье был раскопан принципиально важный для понимания эпохи бронзы Восточной Европы Покровский курганный могильник¹. Полученные материалы легли в основу первой периодизации эпохи бронзы Нижнего Поволжья, которая была предложена в 1927 году П.С.Рыковым². По его периодизации в эпоху поздней бронзы на этой территории существовала особая хвалынская культура, отличавшаяся от срубной культуры. Время бытования хвалынских памятников было разделено исследователем на три стадии - А, В, С.

Впоследствии многие исследователи указывали на неудачное выделение П.С.Рыковым хвалынской культуры, противопоставляемой срубной. Первым это сделал П.Д.Рау, отметив, что стадии В и С, продол-

жающие стадию А хвалынской культуры, совпадают хронологически и что, по существу, памятники стадии С должны рассматриваться как вариант памятников, объединенных в стадию В³. Выступавшая тогда же со своей периодизацией эпохи бронзы Поволжья В.В.Гольмстен рассматривала все позднебронзовые памятники этого района как срубные, а под хвалынской культурой понимала состояние общества в более позднее время. Ею впервые введено понятие переходной срубно-хвалынской культуры⁴. Наиболее развернутая периодизация эпохи поздней бронзы Поволжья была предложена в работах С.А.Кривцовой-Граковой⁵. Все памятники поздней бронзы этого района она отнесла к срубной культуре, развитие которой разделила на два периода. Первый период был обоснован ею на материалах позднебронзовых погребений покровских курганов. Второй период получил у неё название "хвалынский". Впоследствии периодизация О.А.Кривцовой-Граковой получила поддержку и дальнейшее развитие в трудах Н.Я.Мерперта⁶, А.И.Тереножкина⁷, К.В.Сальникова⁸ и ряда других исследователей, которые также считали все позднебронзовые памятники Нижней Волги срубными, а в материалах Покровского могильника видели ранний этап срубной культуры. Наконец, совсем недавно Н.Н.Чердынецкино предложили разделить ранний "покровский" этап срубной культуры на старшую и младшую покровские ступени⁹.

Таким образом, последующие исследователи, в отличие от П.С.Рыкова, во-первых, отрицали существование в Поволжье особой хвалынской культуры, отличающейся от срубной; во-вторых, относили все позднебронзовые погребения Нижней Волги и, в частности Покровского могильника, к числу памятников срубной культуры; в-третьих, сохранив термин "хвалынская культура", вкладывали в него совершенно иное, чем П.С.Рыков, смысловое значение.

Вместе с тем следует заметить, что критика схемы П.С.Рыкова строилась, как правило, на основании положений, изложенных им в работе "К вопросу о культурах бронзовой эпохи в Нижнем Поволжье". При этом почти не учитывались взгляды исследователя, высказанные в более поздних работах, где он существенно уточнил понятие "хвалынской культуры", сузив её хронологические рамки и ограничив круг включённых в неё памятников. Что же касается культурной принадлежности хвалынских памятников, то здесь П.С.Рыков постоянно подчёркивал их принципиальное отличие от памятников срубной культуры. В связи со всем вышесказанным будет небезынтересным проследить эволюцию взглядов П.С.Рыкова на выделение хвалынской куль-

туры. Тем более, что подобного анализа в научной литературе ещё не предпринималось.

Действительно, в своих ранних работах П.С.Рыков выдвинул гипотезу о существовании в Нижнем Поволжье особой культуры поздней бронзы, которую он условно назвал "хвалынской" ¹⁰. Основанием для этого послужили раскопки Покровских курганов, где, по его словам, были обнаружены погребения эпохи поздней бронзы, одновременные срубным, но отличающиеся от них по материальной культуре ¹¹. Отмечая присутствие в некоторых срубных погребениях вещей катакомбной культуры, при отсутствии в Нижнем Поволжье чистых катакомбных погребений, П.С.Рыков пришёл к выводу, что срубная культура Нижнего Поволжья была одновременна катакомбной и не допускала последнюю на эту территорию ¹². И, наконец, П.С.Рыков отметил, "одновременное пребывание характерных предметов, свойственных и катакомбной и срубной культурам в культуре, названной условно "хвалынской" ¹³. Хвалынская культура датировалась им концом эпохи бронзы, а наиболее характерными для неё памятниками он считал погребения 2 и 3 кургана 7, погребение кургана 8, погребения 2 и 3 кургана 15 Покровского могильника ¹⁴.

Продолжая в последующие годы исследования Покровского могильника и опираясь на полученные новые материалы, П.С.Рыков предпринял попытку создания периодизации эпохи бронзы Нижнего Поволжья. Развивая гипотезу о существовании на этой территории особой хвалынской культуры, он удвинул время её возникновения и предложил рассматривать с XVI в. до н.э. ¹⁵. Развитие хвалынской культуры исследователь разделил на три стадии (А, В, С), выделяя их по степени воздействия на хвалынский культуру со стороны других культур эпохи бронзы Восточной Европы. Ранний этап (стадия А) характеризовался, по его мнению, влиянием на хвалынский культуру позднейшей и катакомбной культур, и соответственно датировался 1600-1400 гг. до н.э. ¹⁶

Следующими этапами в развитии хвалынской культуры явились выделенные, прежде всего по материалам Покровских курганов, стадии В и С. Разнясь по материальной культуре, погребения этих стадий, однако, почти совпали хронологически, хотя время их бытования определялось разными путями. Материальная культура погребений стадии В, по мнению П.С.Рыкова, испытала на себе сильное влияние со стороны срубной культуры, и по аналогии с ней стадия С датировалась 1300-1100 гг. до н.э. ¹⁷ (Необходимо заметить, что в это вре-

мя П.С.Рыков ошибочно отрицал наличие в Нижнем Поволжье срубной культуры в чистом виде)¹⁸. К числу наиболее характерных погребений стадии В исследователь относил погребения из Покровских курганов 4, 9, 10, 13, 20-25¹⁹. Что касается погребений стадии С, то аналогии их материалам, прежде всего, на основании сходства ряда металлических изделий, в первую очередь копий, П.С.Рыков видел в инвентаре Бородинского кладя и Сейменского могильника. Согласно принятой тогда датировке Бородинского кладя, он определил время погребений стадии С 1400 (в другом варианте 1300) - 1100 гг. до н.э., причём верхняя дата была принята в силу того, что к стадии С хвалынской культуры П.С.Рыков относил Сосново-Мазинский клад, который, в свою очередь, датировал рубежом II-I тыс. до н.э.²⁰ Наиболее характерными погребениями стадии С он считал погребения 2 и 3 кургана 7, погребение кургана 8, погребение 5 кургана 12, погребение кургана 14, погребения 2 и 3 кургана 15, погребения курганов 16 и 19 Покровского могильника²¹.

Характеризуя материальную культуру обеих стадий, П.С.Рыков акцентировал внимание на том факте, что расхождение между ними определяется не только разницей металлических вещей, но и ведущими формами сосудов, а также деталями погребального обряда. Наиболее распространенными формами сосудов в погребениях стадии В, по его мнению, являлись острорёберная и баночная, а также некоторые переходные формы типа широких банок с округленными боками²². Для погребений стадии С типичными он считал "вазообразные" сосуды с грубо обработанной поверхностью²³. Говоря о погребальном обряде, П.С.Рыков указывал, что характерными признаками погребений стадии С являются северная ориентировка умерших, слабая скорченность скелетов, положение умерших на левый бок в обширные могильные ямы, постепенное исчезновение в могилках угольков и красной краски²⁴. Впоследствии он уточнил, что для погребений стадии С наиболее характерна не северная, а северо-западная ориентировка умерших, тогда как для погребений стадии В - юго-восточная и северо-восточная ориентировки²⁵. Различия в материальной культуре и деталях погребального обряда выступили наиболее рельефно после предпринятой П.С.Рыковым частичной публикации материалов обеих стадий²⁶.

В то же время, очевидно, понимая существовавшую изученную нечеткость в определении основных моментов развития хвалынской культуры на заключительном этапе её развития, П.С.Рыков высказал принципиально важную мысль о том, что "весьма возможно, в итоге тща-

тельного изучения, мы придём к выводу, что собственно хвалынской культурой следует называть только культуру, указанную на стадии С развития культур бронзового века Нижнего Поволжья”²⁷. С одной стороны, это высказывание ярко свидетельствует о проявившихся колебаниях исследователя, однако с другой стороны, самая сущность гипотезы П.С.Рыкова о существовании в Нижнем Поволжье памятников поздней бронзы, хронологически синхронных срубным, но отличающихся от них, при этом не изменялась.

В последующих своих работах с понятием “хвалынская” культура П.С.Рыков связывал уже только те памятники, которые ранее были им объединены в стадию С. Так, стремясь проследить дальнейшую судьбу носителей хвалынской культуры, он попытался выделить ещё две стадии — Д и Е, особо подчеркивая их связь и поздний характер относительно стадии С²⁸. Однако материалами эту мысль он фактически не подтвердил. Те немногочисленные погребения, описания которых подтверждали эту гипотезу, или не отличаются по материальной культуре и погребальному обряду от погребений, указанных на стадии С (например, погребение 9 кургана I близ Чардымского городища)²⁹, или тождественны собственно срубным памятникам (погребение 10 кургана I и погребение кургана 2 близ Чардымского городища)³⁰.

Также не было подтверждено фактами утверждение П.С.Рыкова о распространении памятников хвалынской культуры на всей территории Нижнего Поволжья³¹. Впрочем, этот тезис вскоре был им снят и заменен другим, а именно, что характерным районом распространения хвалынской культуры является лесостепь Нижнего Поволжья³².

Подводя итог многолетним исследованиям памятников поздней бронзы в Нижнем Поволжье, П.С.Рыков дал суммарную характеристику основных признаков хвалынской культуры: 1) наличие деревянных склепов в курганах; 2) слабая скорченность костяков; 3) почти полное отсутствие красной краски в погребениях; 4) большое количество “вазообразных” сосудов, покрытых грубым чеканным орнаментом, иногда имеющим небрежный вид; 5) наличие в погребальном инвентаре бронзовых ножей, копий, кремневых и костяных стрел, ладьевидных каменных топоров, бронзовых долотообразных кельтов и долот, значительного числа украшений; 6) приношения заупокойных жертв в виде челоустей и ног коров, овец, лошадей³³.

Анализируя археологические материалы с точки зрения восстановления исторического процесса, П.С.Рыков пришёл к выводу, что хвалынская культура на Нижней Волге знаменует собой конец существовавшего родового строя и начало его распада³⁴.

В своей последней обобщающей работе, полемизируя со сторонниками отождествления срубной и хвалынской культур, П.С.Рыков ещё раз подчеркнул обособленность последней ³⁵. Вместе с тем, идя на своеобразную уступку сторонникам срубной принадлежности хвалынских погребений, он предложил рассматривать хвалынскую культуру, как локальный вариант срубной, характерный для лесостепной части Нижнего Поволжья и близкий сейменской культуре ³⁶.

Итак, в результате предпринятого анализа взглядов П.С.Рыкова, необходимо сделать два основных вывода. Первый заключается в том, что несмотря на различного рода колебания в оценке эпохи бронзы Нижнего Поволжья, проявившиеся в разное время в различных его работах, в целом П.С.Рыков до конца оставался сторонником рассмотрения на этой территории двух разнокультурных групп позднебронзовых памятников. Существование второго вывода заключается в том, что если первоначально П.С.Рыков объединял в рамках хвалынской культуры несколько культурных компонентов, что отразилось в выделении так называемых стадий, то в дальнейшем он считал хвалынскими только те погребения, которые ранее были им выделены в стадии С.

В последние годы, после длительного забвения, гипотеза П.С.Рыкова получила ряд новых подтверждений. Они возникли в связи с интенсивным изучением абашевской культуры и, прежде всего, в связи с открытием абашевских памятников в лесостепном Подонье и Приуралье. Как оказалось, многие из этих памятников были известны уже давно, однако их культурная принадлежность ранее объявлялась как срубная ³⁷. Процесс переоценки культурной принадлежности коснулся и памятников поздней бронзы Нижнего Поволжья ³⁸, в частности, некоторых погребений Покровского могильника.

Многие исследователи, в том числе выступавшие прежде сторонниками срубной принадлежности всех покровских погребений, стали отмечать наличие в некоторых из них абашевских черт. В качестве примеров можно сослаться на указания подобного рода со стороны П.П.Ефименко и П.Н.Третьякова ³⁹, Н.Я.Мерперта ⁴⁰, А.Х.Халикова ⁴¹, С.Н.Бадера ⁴², К.В.Сальникова ⁴³, А.Д.Прахина ⁴⁴ и др. Наиболее отчётливо эта мысль прозвучала в работах П.П.Ефименко и П.Н.Третьякова, а также К.В.Сальникова, которые отметили, что наибольшее количество абашевских черт несут в себе погребения, выделенные П.С.Рыковым в стадии С, и что эти погребения отличаются от памятников срубной культуры ⁴⁵. Позднее к такому же выводу пришёл А.Д.Прахин ⁴⁶. Кроме того, можно указать и ещё на один любопытный

факт. В своё время П. С. Рыков включил в стадию С погребения из кургана у с. Киевка (Кондрашовка) Воронежской губернии⁴⁷. Ныне исследователи единогласно относят кондрашовские погребения к числу абашевских памятников⁴⁸.

Таким образом, наличие полное совпадение взглядов П. С. Рыкова, выделившего погребения стадии С в особую хвалыньскую культуру, с выводами современных исследователей, отмечающих в материалах тех же самых погребений черты абашевской культуры, что отличает их от срубных памятников. Этот факт убедительно подтверждает обоснованность хвалыньской гипотезы П. С. Рыкова.

Однако окончательное решение вопроса о культурной принадлежности позднебронзовых погребений Покровского могильника станет возможным лишь после опубликования всех покровских материалов. О важности этого решения говорить не приходится, ибо отнесение указанных погребений к числу абашевских памятников поставит под сомнение правомерность выделения на их материале раннего "покровского" этажа срубной культуры.

П Р И М Е Ч А Н И Я

1 Рыков П. С. Отчет о раскопках в Покровском уезде Саратовской губ. в 1921 г. // Архив ЛОИА АН СССР. Ф. 2. Оп. 1, № III, 1921; Он же. Отчет о раскопках в Саратовской губ. в 1923 г. // Архив ЛОИА АН СССР. Ф. 2. Оп. 1, № 116, 1923; Он же. Отчет о раскопках в 1924 г. // Архив ЛОИА АН СССР. Ф. 2. Оп. 1, № 178, 1924; Он же. Отчет о раскопках в Уральской губ. и в Республике немцев Поволжья // Архив ЛОИА АН СССР. Ф. 2. Оп. 1, № 204, 1925; Он же. Отчет о раскопках в Нижнем Поволжье и Уральской губ. (Казахстане) в 1926 и 1927 гг. // Архив ЛОИА АН СССР. Ф. 2. Оп. 1, № 187, 1927; Он же. Отчет о раскопках в Нижневолжском крае // Архив ЛОИА АН СССР. Ф. 2. Оп. 1, № 154, 1928; Он же. Отчет о раскопках в Нижнем Поволжье // Архив ЛОИА АН СССР. Ф. 2. Оп. 1, № 136, 1929.

2 Рыков П. С. К вопросу о культурах бронзовой эпохи в Нижнем Поволжье // Изв. (Саратовского) Нижне-Волжского института краеведения. Саратов, 1927. Т. 2. В дальнейшем И(С)ВНИК.

3 Frau P. Hockergräber der Wolgasteppe. Pskrowsk, 1928.

4 Гольмстен В. В. Материалы по археологии Самарской губернии // Материалы по изучению Самарского края. Самара, 1928. Вып. 5.

5 Кривцова-Градова О. А. Алексеевское поселение и могильник // ТИИИ, 1948. Вып. XVII; Она же. Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы // МИА. М., 1955. № 46.

6 Мерперт Н. Я. Из древнейшей истории Среднего Поволжья // МИА. М., 1958. № 61; Он же. Срубная культура Южной Чувашии // МИА. М., 1962. VIII.

- 7 Тереножкин А.И. Основы хронологии предкифского периода //СА. 1965. №1.
- 8 Сальников К.В. Очерки древней истории Южного Урала. М., 1957.
- 9 Чередниченко Н.Н. История срубных племен Подонья (XV-IX вв. до н.э.): Автореф. дисс... канд. Киев, 1973.
- 10 Рыков П.С. Результаты археологических исследований в Покровском и Хвалынском уездах Саратовской губ. в 1922 г. // Тр. Общества Истории, Археологии и Этнографии при Саратовском университете. Саратов, 1923. Вып. 34. Ч. I; Он же. Результаты археологических исследований в Нижнем Поволжье летом 1923 г. // Учен. зап. СГУ. Саратов, 1924. Т. III. Вып. I; Он же. Древняя культура Нижнего Поволжья // Нижнее Поволжье. Саратов, 1924. № 2; Он же. Археологические разведки и раскопки в Нижнем Поволжье и Уральском крае летом 1925 г. // Изв. И(С) НВИК. Саратов, 1926. Т. I.
- 11 Рыков П.С. Результаты археологических исследований в Покровском и Хвалынском уезд. Саратовской губ. в 1922 г. С. 19.
- 12 Рыков П.С. Результаты археологических исследований в Нижнем Поволжье летом 1923 года. С. 15-16.
- 13 Рыков П.С. Археологические разведки и раскопки в Нижнем Поволжье и Уральском крае. С. 92.
- 14 Там же. С. 92.
- 15 Рыков П.С. К вопросу о культурах бронзовой эпохи в Нижнем Поволжье // Изв. И(С) НВИК. Саратов, 1927. Т. 2. С. 3, 9 (отдельный оттиск).
- 16 Там же. С. 9.
- 17 П.С.Рыков. К вопросу о культурах... С. 3-5, 9.
- 18 Там же. С. 4.
- 19 Там же. С. 12-13. Табл. III.
- 20 Там же. С. 5, 9.
- 21 Там же. С. 14-15. Табл. IV.
- 22 Там же. С. 4.
- 23 Там же. С. 5.
- 24 Там же. С. 6.
- 25 Рыков П.С. Отчёт об археологических работах, произведённых в Нижнем Поволжье летом 1929 г. // Изв. И(С) НВИК. Саратов, 1931. Т. IV. С. 55.
- 26 Rykov P. Die Chvalinsker Kultur der Bronzezeit an der unteren Wolga // ESA, Helsinki, 1927. I.
- 27 Рыков П.С. К вопросу о культурах ... С. 7.
- 28 Рыков П.С. Археологическая экспедиция по Хопру // Сообщения ГАИМК. 1931. № 8. С. 32-34.
- 29 Там же. С. 33.
- 30 Там же. С. 33.
- 31 Рыков П.С. Нижнее Поволжье по археологическим данным 1926-1927 гг. М.; Саратов, 1929. С. 16-17.

- 32 Рыков П.С. Археологические работы в Среднем и Нижнем Поволжье с 1917 по 1932 гг. // Изв. И(С)НВИК. Саратов, 1932. Т. У. С. II.
- 33 Там же. С. II.
- 34 Рыков П.С. Чардымское городище // Изв. И(С)НВИК. 1933. Т. VI. С. 52, 53.
- 35 Рыков П.С. Очерки по истории Нижнего Поволжья по археологическим материалам. Саратов, 1936. С. 44.
- 36 Там же. С. 44-46.
- 37 Либеров П.Д. Проблема бундинов и гелонов в свете новых археологических данных // МИА. 1969. С. 17; Пряжин А.Д. Абашевская культура в Подонье. Воронеж, 1971. С. 195.
- 38 Либеров П.Д. Племена Среднего Дона в эпоху бронзы. М., 1964. С. 147-151; Сальников К.В. Очерки древней истории Южного Урала. С. 132-135.
- 39 Ефименко П.П., Третьяков П.Н. Абашевская культура в Поволжье // МИА. 1961, № 7. С. 91-92.
- 40 Мерперт Н.Я. Абашевские курганы Северной Чувашии // МИА. 1961. № 7. с. 155.
- 41 Халиков А.Х. Памятники абашевской культуры в Марийской АССР // МИА / 97. С. 218; Халиков А.Х., Лебединская Г.В., Герасимов М.М. Пепкинский курган. Йошкар-Ола, 1966. С. 29-31.
- 42 Бадер О.Н. Древнейшие металлурги Приуралья. М., 1964. С. 140-146.
- 43 Сальников К.В. Очерки... С. 61, 63, 102, 132-135.
- 44 Пряжин А.Д. Абашевская культура в Подонье. С. 130-131; Он же. Курганы поздней бронзы у с. Старомырзево // СА. 1972. № 3. С. 241-243.
- 45 Ефименко П.П., Третьяков П.Н. Указ. соч. С. 91-92; Сальников К.В. Указ. соч. С. 133.
- 46 Пряжин А.Д. Курганы поздней бронзы у с. Старомырзево. С. 243.
- 47 Рыков П.С. К вопросу о культурах... С. 14-15. Табл. IV.
- 48 Ефименко П.П., Третьяков П.Н. Указ. соч. С. 88; Сальников К.В. Указ. соч. Рис. I; Пряжин А.Д. Абашевская культура в Подонье. С. III-III.

М.Г. Мошкова

ВКЛАД П.С. РЫКОВА В ИЗУЧЕНИЕ САРМАТСКОЙ АРХЕОЛОГИИ

Чем больше лет отделяет нас от Павла Сергеевича Рыкова, тем более значительной предстает перед нами его деятельность ученого и организатора науки, одинаково талантливого и плодотворного в этих

обих ипостасях. Это был не только крупный ученый, но и не менее крупный организатор, воспитавший не одно поколение археологов и одновременно с небывалым энтузиазмом и размахом занимавшийся музееведческой, пропагандистской и краеведческой работой.

П.С.Рыков был археологом-историком широкого профиля и потому его интересовали памятники всех периодов древней истории. И хотя его основные научные интересы и исследования лежали в области изучения памятников эпохи бронзы, много времени и внимания П.С.Рыков уделял и скифо-сарматской археологии.

В 1920 г. к моменту появления П.С.Рыкова в стенах Саратовского университета преподавательский состав исторического отделения факультета общественных наук был одним из сильнейших в России. Здесь работали люди, бывшие гордостью исторической науки — В.И.Веретенников, С.И.Протасова, П.Г.Либомиров, С.Н.Чернов, С.В.Ишков и многие другие.

Ещё одним центром исторической мысли в городе было и Саратовское общество истории, археологии и этнографии, существовавшее при университете и продолжавшее традиции Саратовской Ученой архивной комиссии. В нем активно работали историки и краеведы, бывшие скорее не любителями, а профессионалами своего дела — Б.В.Зайковский, А.А.Кротков, П.А.Тутковский, П.Н.Щипкин и другие. Также деятельно трудились в обществе и некоторые профессора университета, в частности А.А.Гарякитов.

Творческая атмосфера, царившая в научном мире саратовских историков, оказалась той плодотворной почвой, на которой расцвел научный и организаторский талант П.С.Рыкова.

К началу 20-х годов памятники скифо-сарматского времени Нижнего Поволжья были представлены немногочисленными случайными находками и небольшими раскопками А.А.Спицина на Правобережье Волги. Им же были выделены, датированы и изданы все эти материалы¹. В 1918 г. появилась работа М.И.Ростовцева, где памятники Оренбуржья IV—III вв. до н.э. (прохоровская группа) были поставлены в связь с Прикубанскими и соотнесены с историческими сарматами. Нижнее Поволжье лишь предположительно (в связи с недостаточностью материала) включалось в зону расселения сарматов. По словам М.И.Ростовцева, то, что было зародыше в IV—III вв. до н.э. в Оренбуржье ныне расцветает в эпоху эллинизма и раннего римского времени на Кубани и вообще на юге России². Однако существовало и другое мнение, высказанное в начале века Н.И.Веселовским, согласно которому

кубанские курганы "Золотого владычица" принадлежали культуре римско-кубанского типа I-III вв. до н.э. и были оставлены римлянами. На востоке, и в частности, в Нижнем Поволжье, сарматов и сарматской культуры нет, а редкие находки там греко-римских вещей являются результатом торговой деятельности римских купцов³.

Решение всех этих вопросов, как и многих других, касающихся древней истории Евразийских степей, тормозилось почти полным отсутствием археологического материала с Нижнего Поволжья. Трезво оценивая эту ситуацию, П.С.Рыков с 1921 г. начинает планомерное и систематическое изучение памятников Нижнего Поволжья, опираясь и широко используя при этом опыт своих предшественников, местных краеведов, оказавших ему неоценимую услугу знаниями "обстановки" памятников и географии района.

С.И.Вавилов писал, что "история науки не может ограничиваться развитием идей - в равной мере она должна касаться живых людей, с их особенностями, талантами, зависимостью от социальных условий страны и эпохи. В развитии культуры отдельные люди имели и продолжают сохранять несравненно большее значение, чем в общей социально-политической и политической истории человечества..." Жизнь и деятельность П.С.Рыкова ещё одно подтверждение справедливости этих слов. Ведь надо вспомнить, что такое 1921 г. во всей России и особенно в Нижнем Поволжье, где уже несколько лет шли неурожайные годы, а в 1921 г. обрушилась невиданная засуха. Для того, чтобы в те годы научно разработать и начать планомерные археологические исследования края, надо было быть не только серьезным ученым, первоклассным организатором, но и незаурядной личностью, которая могла увлечь, сплотить вокруг себя в общем-то голодных и полураздетых студентов. Правда, способствовало этому и время великих перемен и подъема творческих сил общества. Многие из участников экспедиций П.С.Рыкова стали впоследствии видными историками и археологами - Е.Н.Кушева, Т.М.Минаева, П.Д.Рау, И.В.Синицын, П.Д.Степанов.

Итак, летом 1921 г. П.С.Рыков приступил к первым небольшим разведкам и даже раскопкам поблизости от г.Саратова. А уже в 1922 г. принимается общий перспективный план обследования всего края, где метод маршрутных разведок становится основным для получения предварительного представления об археологическом профиле района, необходимого, как писал П.С.Рыков, для определения первостепенных задач⁴. То есть речь шла о долгосрочной научной программе ар-

хеологических исследований, практически впервые созданной в России. Предложенная программа охватывала множество вопросов, касающихся истории Нижне-Волжского края, начиная с эпохи камня и кончая поздним средневековьем. Значительное место было уделено в ней и задачам, связанным с изучением скифо-сарматских памятников, которые сводились к следующим основным разделам:

1. Накопление массового археологического материала, оставленного рядовым населением, к чему неоднократно призывал В.И.Городцов, которого П.С.Рыков очень чтил и называл подлинным революционером в русской археологической науке.

2. Опровержение тезиса А.И.Веселовского об отсутствии в Поволжье скифо-сарматских памятников или, как он называл их, "культура римско-кубанского типа".

3. Установление границ скифо-сарматских культур.

4. Выделение определенных культурных районов.

5. Установление черт, характерных для собственно скифской и собственно сарматской культур (ранний период истории древних коневников на территории Нижнего Поволжья П.С.Рыков связывал с обитанием здесь скифских племен).

6. Определение хронологических границ, особенно конечных.

7. Поиски и исследование предскифских культур.

Осуществление своих замыслов П.С.Рыков начинает с обследования северных и северо-западных районов Саратовской губернии и, в частности, течения р. Медведицы, которой он отводил роль северного соединительного пути между Доном и Волгой. Уже в 1923 г. разведочный маршрут П.С.Рыкова лежит по рекам Лятрык, Карамыш и Медведица до г.Аткарска. "Всего, таким образом, было пройдено мною, — пишет П.С.Рыков, — и моими спутниками — студентами Саратовского университета свыше 300 вёрст пешком в продолжении 17 дней" ⁵.

1924 г. ознаменовался серьезными успехами в области сарматской археологии. Экспедиция П.С.Рыкова приступила к исследованию знаменитого Сусловского могильника, известного к тому времени по раскопкам Г.Бератца, который в 1912-1913 гг. вскрыл там несколько курганов ⁶. Материалы из них, хранившиеся в Саратовском музее, привлекли внимание П.С.Рыкова. Начались массовые раскопки Сусловского могильника, исследованного практически полностью (60 курганов). В то время полное изучение одного памятника было исключением, да и сейчас, к сожалению, не стало правилом. В подобной постанов-

ке раскопок еще раз сказался глубокий научный подход П.П. Рыкова к археологическим источникам. Раскопки Сусловского могильника и его публикация (изданы материалы о погребении раннежелезного века) являются определенными вехами в изучении археологических памятников вообще и скифо-сарматских, в частности⁷. При обработке материалов некрополя П.С.Рыков попытался как-то сгруппировать погребения. В основу этой группировки он положил тип могильного сооружения и некоторые черты погребального обряда (ориентировка погребенных, деформация черепов). Различные сочетания названных признаков составили семь групп погребений. В сущности, это была первая попытка на скифо-сарматском материале провести корреляцию признаков погребального обряда, чем и объясняется такое большое количество групп из 56 захоронений. Инвентарь погребений рассматривался главным образом как инструмент для датировки. И хотя при выделении культур, где объединялось, как правило, несколько групп погребений, П.С.Рыков, по его словам, учитывал и сам характер инвентаря (а не только его время); основными критериями культуры оставались погребальный обряд и дата могилы. Именно поэтому очень близкие комплексы попадали иногда в разные культуры.

Далеко не все даты и положения, предложенные П.С.Рыковым, оказались верными (особенно это касается наиболее ранних погребений). Однако основная ценность его работы заключалась в применении новой методики (корреляция признаков погребального обряда), а также идеи отождествления могил с разнотипными погребальными сооружениями, с различными группами родственных племен, в данном случае сарматских. Согласно этой гипотезе, погребения культуры Д (могилы I-II и II-III вв. н.э. преимущественно с широкими ямами и южной ориентировкой погребенных) были оставлены аорсами, а погребения культуры В (могилы II-III и III вв. н.э. с узкими и подбойными ямами, северной ориентировкой погребенных, деформированными черепами) — аланами. Если эта концептуальная установка и не оправдалась полностью, она, несомненно, оказалась плодотворной и нашла много продолжателей и последователей.

В истории изучения скифо-сарматских культур эта работа П.С.Рыкова явилась значительным шагом вперед.

После 1924 г. исследования сарматских памятников на территории Нижне-Волжского и соседнего Уральского краёв ещё более оживились. Этому способствовали и определенные организационные меры. В 1924 г. по инициативе историков и археологов университета был создан Ниж-

не-Волжский институт краеведения, первым директором которого стал П.С.Рыков. Началось комплексное изучение края, поскольку в работе института принимали активное участие не только историки и археологи, но и геологи, ботаники и экономисты. Лишь в 1931 г. институт отделился от университета, но по-прежнему был связан с ним. С 1925 г. к работам саратовских археологов присоединяется экспедиция Государственного музея под руководством Б.Н.Гракова, который в том же году исследует знаменитый Блкенфельдский курган А-12, давший затем название самой ранней - савроматской культуре. Большое значение имели и исследования археологов соседней Самарской губернии и в первую очередь В.В.Гольмстен⁹. Деятельно работают ученики П.С.Рыкова, особенно П.Д.Рау, который в 1924-1925 гг. совместно с Т.М.Минаевой, а в 1926 и 1928 гг. самостоятельно, проводит большие раскопки курганов по р.Торгуну у хут.Шульц и Альтвемар, начатые им ещё в студенческие годы (1920 г.) вместе с Дюльсоном - членом любительского краеведческого Общества при местечке Зельман¹⁰. Тогда же (1926, 1928, 1929 гг.) он ведёт раскопки на Малом и Большом Карамане - Боаро, Мариенталь, на Еруслане - Усатово и на правом берегу Волги - у с. Меркель¹¹. Сам П.С.Рыков с 1925 г. начинает разведки и раскопки в районе г.Уральска, пытается, по его словам, выяснить связи памятников Южного Приуралья с культурами Нижнего Поволжья. Исследование этого района продолжалось вплоть до 1927 г. Работая в Приуралье, П.С.Рыков не оставляет и Поволжья: 1925, 1927 гг. - продолжается изучение могильников у сёл Визенмиллер, Фриденберг, у г. Покровска, а в 1926 г. совместно с Б.Н.Граковым проводят массовые раскопки у сёл Харьковка, Блкенфельд, Кано¹² наконец, в 1928 г. организуется маршрутная разведка и небольшие раскопки по р.Ахтубе¹³. Начиная с 1929 г. и по 1937 г. П.С.Рыков возглавляет комплексную археолого-этнографическую экспедицию, организованную для изучения Калмыцкой автономной области, которая административно вошла в состав Нижне-Волжского края. В 1929 г. были проведены первые в истории Калмыцкой степи (её срединной части) научные разведки и раскопки. Маршрут экспедиции составил около 600 км, было раскопано 23 кургана, выявлены разветвленные стоянки, содержавшие материал от эпохи неолита до средневековья включительно. С этого момента под руководством П.С.Рыкова начинается планомерное и систематическое исследование археологических памятников калмыцких степей¹⁴. Одновременно с отчетом о работах 1929 г. в Калмыкии выходит небольшая статья

П.С.Рыкова, подводящая итоги изучения скифо-сарматских памятников. Однако итоги предваряет подробное изложение в публикациях достижений русских дореволюционных археологов (М.И.Ростовцев, Б.В.Фармаковский, Н.И.Веселовский). Надо иметь в виду, что этот естественный с наших современных позиций подход представляется совсем не таким безобидным в трудной и сложной обстановке, царившей в исторической науке в конце 20-х — начале 30-х годов. Поэтому надо было обладать немалым гражданским и научным мужеством, чтобы отдать дань признания и уважения своим дореволюционным предшественникам. Затем в этой статье были четко сформулированы основные принципы, на которых строилась вся исследовательская работа археологов послереволюционного времени "плановость обследований (особенно ранее не изучаемых территорий — М.М.), отказ от погони за эффективными и "дорогими" вещами, внимание к мелким бытовым деталям, наблюдение за географическим размещением памятников в областях, учет прошлого, известного раньше материала, исследование археологических данных по речным путям — древним, почти единственным путям сообщения" ¹⁶. Исходя именно из этих принципов, были определены конкретные задачи скифо-сарматской археологии в начале 20-х годов, а теперь подводились первые итоги её изучения на всей территории Союза. Однако это стало возможным не только после массовых полевых исследований раннекочевнических памятников, но и благодаря выходу в свет таких работ, как статьи Б.Н.Гракова, посвященные материалам скифского и раннесарматского времени Оренбуржья и Нижнего Поволжья ¹⁷ и книг П.Рау (см. сн. 10, 11) ¹⁸. Начальный период развития кочевничества в Поволжье и Приуралья П.С.Рыков (как и Б.Н.Граков) связывал со скифами. Поэтому, говоря о самых ранних памятниках этих районов, он констатировал выявление в них элементов скифской культуры и несомненные тесные связи со скифскими памятниками Северного Причерноморья. Причем Поволжье рассматривалось как промежуточное звено между скифами Причерноморья и Оренбуржья ¹⁹.

Также лаконично и ёмко были охарактеризованы серьёзные успехи сарматской археологии, где за каждой упомянутой им проблемой стояло множество вопросов. Систематические исследования 1923—1930 гг. на территории Поволжья (П.С.Рыков, Н.К.Арзютков ²⁰, В.В.Гольмстен (см. сн. 9), Т.М.Минаева, П.Д.Рау (см. сн. 10, 11, 18), И.В.Синицын ²¹) и Приуралья (Б.Н.Граков (см. сн. 17) привели, по словам П.С.Рыкова, "к открытию огромного сарматского района, занятого

иранцами с IV в. до н.э. и вплоть до первых веков нашей эры. Они же дали возможность говорить о глубоких связях, существовавших среди сарматских племен, которые жили на обширной территории "от западного берега Черного моря до далекой северо-восточной окраины оренбургских и среднеазиатских степей. При этом удалось выяснить, что памятники сарматской культуры принадлежат не социально господствовавшей сарматской группе (как считал М.И. Ростовцев - М.М.), а всей массе населения", которое имело "сложную общественную градацию кочевого военного типа, отразившуюся и в бедных, и в богатых курганах".

Большое значение придавал П.С. Рыков решению вопроса о погребениях с сожжением IV-V вв. н.э.²², которые, как и Шиповские курганы²³, были соотнесены им с поздними сарматами. Проблема взаимовлияния и взаимосвязи "степной сарматской культуры с северной древне-финской", т.е. кочевники и оседлое население, также занимала важное место в исследованиях П.С. Рыкова и четкая постановка её прозвучала в итоговой статье.

В своей последней общей работе "Очерки истории Нижнего Поволжья" вышедшей в 1936 г., П.С. Рыков уделяет значительное место и скифо-сарматской проблематике, вносит уточнения в прежние высказывания и отводит много места вопросам социальной истории кочевников. В противоположность своей статье 1931 г. (см. сн. 15) он подчеркивает незначительность связей скифов Черноморских и Поволжско-Уральских и тем самым совершенно справедливо разделяет и обособляет эти культуры и племена. Характеризуя сарматские памятники Нижнего Поволжья III в. до н.э. он говорит о принадлежности их ворсам и сиракам, а более поздних III-IV вв. н.э. в подбойных могилах - аланам. Все они, по его мнению, были кочевниками-скотоводами и находились на стадии первобытной формации лишь с элементами рабовладельческой.

Даже самый краткий обзор научной деятельности П.С. Рыкова, связанный со скифо-сарматской тематикой, бывшей вкратце побочной в его интересах, рисует перед нами крупного ученого, оставившего нам после себя колоссальное наследие археологических источников²⁴, печатные труды и создавшего саратовскую археологическую школу, сократившую и по сей день заложившие им традиции. Ученики и соратники П.С. Рыкова продолжили начатые им исследования Нижне-Волжского края и Калмыцких степей. В послевоенные годы на базе Института археологии АН СССР, Саратовского музея краеведения и университета

были развернуты в Заволжье широкие массовые раскопки, в которых помимо И.В.Синицына, приняли деятельное участие Е.К.Максимов, К.Ф.Смирнов, В.П.Шлов. Добытые ими материалы, как и результаты старых раскопок, создают золотой фонд археологических источников, к которым будет обращаться не одно поколение учёных.

П Р И М Е Ч А Н И Я

- 1 Спицын А.А. Обзорные некоторые губерний и областей России в археологическом отношении. Саратовская губерния // РАО. СПб., 1896. Т. 8. Вып. 1, 2; Он же. Раскопки близ слоб. Гусевка Царицынского уезда // Зап. отделения русской и славянской археологии Императорского русского археологического общества. СПб., 1907. Т. VII. Вып. 2.
- 2 Ростовцев М.И. Курганные находки Оренбургской области эпохи раннего и позднего эллинизма. П., 1918. С. 31 и сл. 80, 81.
- 3 Веселовский Н.И. Курганы кубанской области в период римского владычества на Северном Кавказе // Тр. XII археологического съезда. М., 1905. Т. I.
- 4 Рыков П.С. Результаты археологических исследований в Нижнем Поволжье летом 1923 г. Саратов, 1925. С. 3, 4.
- 5 Рыков П.С. Результаты археологических исследований... С. 4.
- 6 Rau P. Die Hügelgräber Römischer Zeit an der un Unteren Wolga. Pkrowsk, 1927. s. 7-12.
- 7 Рыков П.С. Суслонский могильник // Учен. зап. СГУ. 1925. Т. IV. Вып. 3. Отдельные оттиски.
- 8 Смирнов К.Ф. О погребениях роксолан // ВПИ. 1948. №1; Нечаева Л.Г. Об этнической принадлежности подбойных и катакомбных погребений сарматского времени в Нижнем Поволжье и на Северном Кавказе // Исследования по археологии СССР. М., 1961; Виноградов В.Б. Сарматы северо-восточного Кавказа. Грозный, 1963.
- 9 Гольмстен В.В. Доисторическое прошлое Самарского края // Краеведение. Самара, 1925. Вып. I; Она же. Археологические памятники Самарской губернии // РАИИОН. Тр. секции археологии. М., 1928. Т. IV.
- 10 Минаева Т.М., Рау П.Д. Отчет об археологических разведках по р. Торгуну в 1924 г. // Тр. НВОНОК. Саратов, 1926. Вып. 35. Ч. I; Rau P. Die Hügelgräber Römischer Zeit an der Unteren Wolga. Pkrowsk, 1927.
- 11 Rau P. Prähistorische Ausgrabungen auf der Steppenseite des deutschen Wolgagebiets im Jahre 1926. Pkrowsk, 1927.
- 12 Рыков П.С. Археологические раскопки и разведки в Нижнем Поволжье и Уральском крае летом 1925 г. // Изв. Краеведческого ин-та изучения Южно-Волжской области. Саратов, 1926. Т. I; Он же. Нижнее Поволжье по археологическим данным 1926-1927 гг. М.; Саратов, 1929; Материалы раскопок у сёл Харьковки, Блменфельд, Каю. 1926 г. не опубликованы, хранятся в ГИМе.

- 13 Рыков П.С. Археологические разведки и раскопки в Нижне-Волжском крае, произведенные в 1928 г. // Изв. Нижне-Волжского ин-та краеведения им. М.Горького. Саратов, 1929. Т. Ш.
- 14 Рыков П.С. Отчет об археологических работах, произведенных в Нижнем Поволжье летом 1929 г. // Изв. НВМК. Саратов, 1931. Т. IV; Он же. Археологические раскопки курганов в урочище "Три брата" // СА. 1936. Т. I; Он же. Раскопки курганного могильника в районе г.Элиста // Изв. Саратовского НВМК. Саратов, 1936. Т. VI.
- 15 Рыков П.С. Изучение скифо-сарматских культур в СССР // Изв. Нижне-Волжского ин-та краеведения. 1931. Т. IV. С. 41-47.
- 16 Рыков П.С. Изучение скифо-сарматских культур... С. 44.
- 17 Грязнов Б.Н. Курганы в окрестностях пос. Нежинского Оренбургского уезда по раскопкам 1927 г. РАИОИ // Тр. секции археологии. М., 1927. Т. IV; Monuments de la culture Scythique entre la Wolga et les monts Oural. ESA, Helsinki, 1928. T.III; Deux tombeaux de l'epoque scythique aux environs de la ville d' Orenburg. ESA, 1929. T.IV.
- 18 Rau P. Die Gräber der frühen Eisenzeit im unteren Wolgagebiet. Pokrowsk, 1929.
- 19 Рыков П.С. Изучение скифо-сарматской культуры... С. 45.
- 20 Арзатов Н.К. Аткарский курганный могильник. Раскопки 1928-1930 гг. // Изв. Нижне-Волжского ин-та краеведения. 1936. Т. VII.
- 21 Синицын И.В. Сарматские курганные погребения в северных районах Нижнего Поволжья (по раскопкам 1930) // Сб. Нижне-Волжского краевого музея. Саратов, 1932.
- 22 Минаева Т.М. Погребения с сожжением близ г.Покровска // Учен. зап. СГУ, 1927. Т. VI. Вып. III. В настоящее время общепризнано отнесение их к гуннским памятникам. См.: Засецкая И.П. О хронологии и культурной принадлежности памятников южнорусских степей и Казахстана гуннской эпохи // СА. 1968. № 1.
- 23 Minajeva T. Zwei Kurgane aus der Völkerwanderungszeit bei der Station Sipovo // ESA, 1929, IV. Исследователями также отнесены сейчас к гуннским памятникам. См.: Засецкая И.П. О хронологии погребений "эпохи переселения народов" Нижнего Поволжья // СА. 1968. № 2.
- 24 См. все публикации П.С.Рыкова, П.Д.Рау, Т.М.Минаевой, И.В. Синицына, а также: Синицын И.В. Памятники Нижнего Поволжья скифо-сарматского времени // Тр. СоМК. Саратов. 1956. Вып. I; Он же. К материалам по сарматской культуре на территории Нижнего Поволжья // СА. 1946. Т. VIII.

У.Э.Эрднеев

**ОБ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ РАБОТАХ
ПРОФЕССОРА П.С.РЫКОВА В КАЛМЫКИИ**

Территория Калмыцкой АССР является неотъемлемой частью великой

степи Евразии, протянувшейся от Центральной Азии до берегов Дуная. Ее граница на востоке простирается до обширной равнины Междуречья Урала и Волги, на юге до Предкавказья, на западе упирается в долину Дона. Степь здесь — обширная равнина, со значительным количеством речек и озер, питающихся тающими водами и родниками, с очень близкими подпочвенными водами на Ергених. Все это способствовало наличию изобильных пастбищ.

Калмыцкая степь на протяжении многих веков связывала Азию с Европой, Кавказ с Восточно-Европейской равниной. Уже с эпохи ранней бронзы сюда устремлялись богатые многочисленными стадами кочевники. В этих местах обитали племена древнеямной культуры, носители катакомбной культуры, сюда проникали савроматы, хазары, половцы и другие кочевники евразийских степей. Таким образом, калмыцкая степь была регионом, где веками и тысячелетиями жили разные народы, представители различных языков, отличные по культуре и общественному укладу. Следы их пребывания являются степные курганы, расположенные группами, в которых обязательно имеются один или два больших кургана, а остальные — небольших размеров. Однако древности Калмыкии не привлекали внимания исследователей до Великой Октябрьской социалистической революции. В начале XX века на запрос Императорской Археологической комиссии чиновники Астраханского губернского управления сообщали в Петербург, что на территории губернии никаких древних памятников не имеется. Только после Великого Октября Архивно-музейный отдел, возглавлявшийся основателем исторической науки в Калмыкии профессором Н.Н.Пальмовым, начал вести систематическую работу по организации пропаганды в отношении охраны древностей и памятников материальной культуры Калмыкии.

Переломным этапом в исследовании древних памятников Калмыкии стали конец 20-х — начало 30-х годов, чему способствовали два момента. Во-первых, в это время происходили большие события в нашей исторической науке: многочисленные дискуссии, критическое освоение старого идейного наследия, совершался переход от старого мировоззрения к новому усвоению марксизма-ленинизма, становление на рельсы марксистско-ленинской методологии. Во-вторых, в 1928 г. Калмыцкая автономная область была включена в состав Нижне-Волжского края, центром которого был город Саратов. С этого времени Калмыкии уделяется особое внимание. Нижне-Волжский крайком ВКП(б) и крайисполком, все крайние организации помогали Калмыцкой области не только в области народного хозяйства, но и в области культур-

ной революции. Подъем культурного уровня трудящихся Калмыцкой области стал одной из первоочередных задач. По решению Калмыцкого обкома ВКП(б) и облисполкома объявляется культпоход по ликвидации неграмотности, санитарному просвещению и распространению элементарных сельскохозяйственных знаний. Крайком ВКП(б) и крайисполком мобилизуют и направляют в Калмыкию студентов высших и средних специальных учебных заведений Саратова, Волгограда, Астрахани и других городов края для осуществления культурной революции.

Большую роль в этом сыграл Нижне-Волжский научно-исследовательский институт краеведения и Краевой музей г. Саратова. Директором института и музея работал тогда профессор П.С.Рыков, организовавший в них сплоченный коллектив энтузиастов из молодых археологов, куда вошли И.В.Синицын, П.Д.Степанов, Н.К.Арзюттов, Т.М.Минаева и др. В 1929 г. П.С.Рыков выступает инициатором и организатором археологической экспедиции в Калмыкию. Он проводит разведочные работы памятников древности на территории Яндыко-Мочажного улуса, расположенного в 70 км на юго-запад от Астрахани, в районах сел Баси, Зензели и других населенных пунктах. В ходе экспедиции И.В.Синицыным был собран ценный в научном отношении подземный материал эпохи неолита, часть которого опубликована¹.

В 1929-1930 гг. П.С.Рыков совершил поездку на конной подводе от пос. Калмыцкий Базар, расположенного на берегу Волги, в 7 км выше Астрахани, на запад, по дороге Утта-Яшкуль-Элиста. Из Элисты он направился с юга на север - по Ергенинской возвышенности до железнодорожной станции Абганерово. В результате чего была обследована территория протяженностью до 350 км и выявлены многочисленные курганы. В районе пос. Абганерово (ныне пос. Ергенинский), например, было раскопано несколько курганов, относящихся к разным эпохам.

По результатам археологических работ 1929 г. Н.Арзюттов опубликовал статью "Погребения поздних кочевников Калмыцкой области"².

В 1931-1933 гг. исследование археологических памятников Калмыкии продолжено. К востоку и юго-западу от центра г. Элисты было раскопано 10 курганов, в которых обнаружено около 30 погребений. Результаты этой работы были опубликованы в 1936 г.³

В 1932 г. П.С.Рыков, проведя обследование прилегающих к городу районов, обнаружил в 17 км к юго-западу от Элисты четыре группы курганов под общим названием "Три брата". Первая группа - собст-

венно группа "Три брата", в составе которой три больших кургана высотой от 5 до 7 метров, всего здесь насчитывалось до 30 курганов. Вторая группа находилась несколько обособленно (на расстоянии 0,5 км) к востоку от "Трех братьев"; третья, состоящая из 4-5 курганов, лежала в 0,5 км от первой; четвертая расположена к юго-востоку на расстоянии несколько более 0,5 км от первой, на склоне балки, состояла из 13 небольших курганов. В 1933-1934 гг. курганы первой и второй групп были раскопаны. В 1935 г. раскопки продолжались, были добыты очень интересные и разнообразные материалы, относящиеся к разновременным эпохам. Но основное внимание исследователей было сосредоточено на раскопках одного из "Трех Братьев", числящегося под № 9, который дал, по словам П.С.Рыкова, весьма ценные материалы, характеризующие конец эпохи бронзы (III-II тыс. до н.э.). В этой группе было раскопано всего 12 курганов⁴.

П.С.Рыков относит все погребения и найденные при них предметы к следующим эпохам:

- 1) ранней и развитой бронзы (III-II тыс. до н.э.);
- 2) скифо-сарматской (V в. до н.э. - II-III в. н.э.);
- 3) поздне-кочевнической (XI-XIII вв. н.э.) и золотоордынской (XIII-XIV вв.).

Он пришел к заключению, что "Интересные материалы, добытые раскопками на территории Калмыкии, побуждают настойчиво изучать этот район, поскольку он может содействовать установлению наиболее полной картины прошлого южной и юго-западной частей Нижнего Поволжья, связывающих огромный край с Северным Кавказом и Донскими степями"⁵.

П.С.Рыков придавал большое значение археологическим памятникам степей Нижней Волги. Еще в 1923 году он писал: "Изучение этого прошлого должно быть продолжено самым настойчивым образом, так как в нем таятся любопытнейшие данные, касающиеся не только Саратовского края, но и гораздо более широких областей Восточной Европы. Мне кажется, что многие вопросы археологии Средней и Южной России могут именно здесь найти своё разрешение"⁶.

О раскопках, произведенных под руководством П.С.Рыкова, сообщают статьи, опубликованные И.В.Синицыным. В 1948 году он пишет: "В течение пяти лет (1933-1937 гг.) систематическими раскопками, произведенными Саратовским областным музеем в 15-20 км к юго-западу от г.Элисты в урочище "Три Брата" и близ местности Цаган-Зельсин и Бичкин-Будук, было вскрыто 92 кургана, в которых обнаружены многочисленные погребения, начиная от ранней бронзы и до погребений поздних кочевников XV в."⁷. Опубликованные Рыковым в

этой статье, очень важными являются находки: бронзовые височные подвески / 7. Рис. 5 /, бронзовая булавка-застежка / 7. Рис. 6 /, бронзовый топор / 7. Рис. 7/из Бичкии-Будук, глиняная повозка / 7. Рис. 13 /, которые неоднократно использовались в работах не только советских, но и археологов зарубежных стран.

И.В.Синицын опубликовал материалы, освещающие археологические находки, обнаруженные при раскопках курганов в урочищах "Три Брата", "Цаган-Эльсин" и "Бичкии-Будук", в частности им опубликованы статьи, относящиеся к скифо-сарматскому времени ⁸.

Эти археологические раскопки и публикации имели большое значение. Раскопки профессора П.С.Рыкова положили начало ликвидации белого пятна, образовавшегося на археологической карте вследствие неизученности большой зоны Евразийской степи. Был введен в научный оборот ранее неизвестный важный вещественный материал, открыта новая страница истории степной кочевнической культуры.

Материалы Саратовского областного краеведческого музея используются в обобщающих работах. В "Очерках истории Калмыцкой АССР" первая глава написана профессором У.Э.Эрдниевым только по добытым П.С. Рыковым и его сотрудниками археологическим вещам. Бесспорно, что археологические изыскания профессора П.С.Рыкова дали первые представления об истории населения территории Калмыкии от ранней бронзы до поздних кочевников. На основе периодизации древних памятников и культур степного Кга России, сделанной В.А.Городцовым, П.С.Рыков пытался расчленить добытые им материалы по эпохам. Начатое П.С.Рыковым археологическое исследование Калмыкии в более широком масштабе продолжено под руководством его ученика, профессора И.В.Синицына.

Не менее важный след профессор П.С.Рыков оставил в Калмыкии в области культурно-просветительской работы. Им и его учениками И.В.Синицыным, П.Д.Степановым и Н.К.Арзгтовым был составлен экспозиционный план Калмыцкого краеведческого музея. Осуществление этого плана и открытие музея проходили под непосредственным руководством профессора П.С.Рыкова.

В 60-70-х годах произведены большие раскопки в районе г.Злати, в долине Восточного Маньча. За период с 1961 по 1973 гг. в Южной Калмыкии было раскопано 519 разновременных курганов, где обнаружено 2024 погребения и многочисленные предметы обихода. Большая часть материалов опубликована в шести книгах и в ряде

сборников. С 1974 года археологические раскопки производятся в Сарпинской низменности, где осваивается большая площадь для рисосеяния и кормопроизводства. К 1984 году раскопано 242 кургана, в которых найдено 420 погребений и большое количество вещественных материалов, относящихся к разным этапам истории, но в основном к позднерусскому времени.

П Р И М Е Ч А Н И Я

¹ Рыков П.С. Отчет об археологических работах, произведенных в Нижнем Поволжье в 1929 г. // Изв. Нижне-Волжского института краеведения. Саратов, 1931. Т. IV; Там же. Силицын И.В. Кремневые орудия с донных степей Калмыцкой области; Он же. Древние памятники Приморского района // Изв. Нижне-Волжского института краеведения. Саратов, 1933. Т. VI.

² Известия Саратовского Нижне-Волжского института краеведения им. М.Горького. Саратов, 1933. Т. VI.

³ Рыков П.С. Раскопки курганного могильника в районе Элисты // Изв. Саратовского Нижне-Волжского института краеведения им. М.Горького. 1936. Т. VII.

⁴ Рыков П.С. Археологические раскопки курганов в урочище "Три Брата", произведенные в 1933-1934 гг. // СА. 1936. № 1.

⁵ Там же. С. 18.

⁶ Рыков П.С. Результаты археологических исследований в Покровском и Ахалыском уездах Саратовской губернии // Тр. об-ва истории, археологии и этнографии при Саратовском университете (бывш. Архивн. Ком.). Саратов, 1923. Вып. 34. Ч. I.

⁷ Силицын И.В. Памятники предскифской эпохи в степях Нижнего Поволжья // СА. 1948. Вып. X. С. 143-160.

⁸ Силицын И.В. Памятники Нижнего Поволжья скифо-сарматского времени // Тр. Саратовского областного музея краеведения. 1956. Вып. I. С. 22-64.

А.И. Кудин

ДРЕВНЕЙШИЕ ПОСЕЛЕНЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ СТЕПНОГО ЗАВОЛЖЬЯ

Степное Заволжье традиционно считается одним из центров формирования древнейшей культурно-исторической общности, тогда как памятники, относящиеся к предшествующему периоду, пока не введены

в достаточной мере в научный оборот. На первый взгляд, степное Заволжье представляется "белым пятном" относительно других, сопредельных регионов, где количество стоянок и поселений неолитического времени исчисляется многими десятками. В археологических работах на территории Заволжья обычно указывается одна стоянка Алтата I, однако накопленный к настоящему времени материал позволяет существенно расширить круг древнейших поселенческих памятников.

Археологические памятники неолитического и энеолитического времени известны в Заволжье с дореволюционного времени, но в силу небольшой информативности найденного материала, они только изредка становились объектом пристального внимания исследователей. По этой же причине значительная часть памятников, найденных на протяжении последующих десятилетий, вообще не попала в научные публикации. К настоящему времени круг источников значительно расширился в результате полевых исследований археологических экспедиций Саратовского госуниверситета. Появился ряд эталонных памятников, что повысило информативность и заставило взглянуть по-иному на стоянки и местонахождения, обнаруженные ранее.

Степное Заволжье занимает юго-восточную часть Русской равнины, включая Сыртовую равнину, Приволжскую песчаную грядку и южные склоны возвышенности Общий Сырт. В природно-географическом отношении Сыртовая равнина и Приволжская песчаная гряда выделяется всеми исследователями в степную провинцию Низкое Заволжье, а Общий Сырт — в степную провинцию Высокое Заволжье. Низкое и Высокое Заволжье обладает целым рядом сходных физико-географических черт.

Сыртовая равнина расположена между Приволжской возвышенностью и Общим Сыртом. С севера она ограничена долиной реки Самары, а южная её граница совпадает с северной границей полупустыни. В пределы степного Низкого Заволжья также включают Приволжскую песчаную грядку, вытянувшуюся узкой полосой вдоль левого берега Волги по Прикаспийской низменности. Западная половина Сыртовой равнины представляет собой древнюю долину Волги, в которой прослеживаются три надпойменные террасы. Рек на Сыртовой равнине мало, они немногочисленны и обычно стекают с Общего Сырта. Климат в Низком Заволжье континентальный, засушливый и потому это самая безлесая провинция степной зоны.

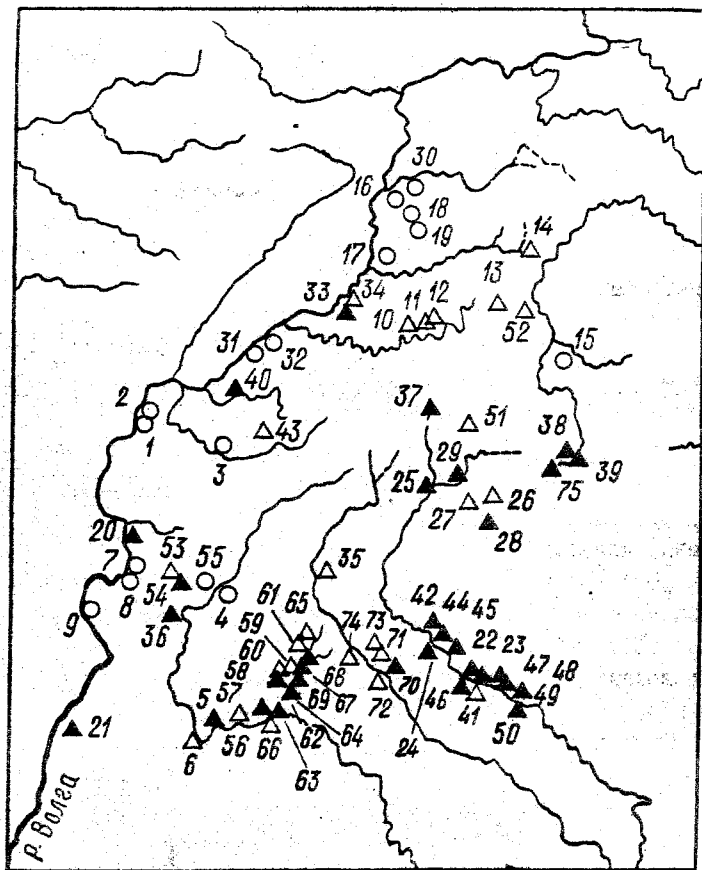
К востоку от Сыртовой равнины начинается возвышенность Общий Сырт, входящая в степную провинцию Высокое Заволжье. В пределах

Русской равнины расположена только северная часть Высокого Заволжья. По характеру рельефа Общий Сырт отличается от Сыртовой равнины большей изрезанностью долинами рек и оврагами. Климат южных склонов Общего Сырта также сухой и континентальный, что обусловлено близостью с полупустынями Казахстана². В настоящую работу также включены памятники, обнаруженные в пограничной зоне на пологом уступе между Высоким и Низким Заволжьем, с одной стороны, и Прикаспийской низменностью — с другой. Данная территория (по большей своей части) относится уже к зоне северной полупустыни. Свообразие Низкого и Высокого Заволжья заключается в том, что оно занимает самое северное положение среди других степных провинций и в результате такого ландшафтного сдвига к западу и востоку от него находится лесостепная зона.

По палеогеографическим данным, степная зона Заволжья начала формироваться в предбореальный период (около 10–12 тыс. л.н.³) и на протяжении всего голоцена существенно не меняла своих границ. Даже в атлантический период, характеризующийся потеплением и увлажнением климата, среднегодовые температуры рассматриваемого региона оставались близкими к современным⁴, что, по мнению Н.А.Хотинского, привело к относительной стабильности границы лес-степь⁵. Исследования древних погребенных почв, проведенные И.В.Ивановым в степном регионе, также показали, что несмотря на большую сухость климата в суббореале (по сравнению с современным) заметного сдвига ландшафтных зон не произошло⁶. Если считать, что в Заволжье эпоха неолита и большая часть энеолита приходятся на период оптимума голоцена⁷, то становится понятным большое количество поселенческих памятников этого времени и их резкое сокращение в ямное время в связи с аридизацией климата в суббореальный период⁸.

Все известные к настоящему времени пункты находок керамики и каменных изделий неолитического и энеолитического времени, связанные с местами более или менее длительного обитания человека, указаны на карте. Номер памятника на ней совпадает с его номером в таблице. В графе таблицы "тип" цифрой 1 обозначена донная стоянка, цифрой 2 — местонахождение, 3 — стоянка или поселение с культурным слоем.

Коротко остановимся на истории открытия и исследования древнейших поселенческих памятников эпохи неолита и энеолита. Собранные по публикациям, архивным материалам и музейным фондам вместе

Пункты находок керамики и каменных изделий
неолитического и энеолитического времени

**Археологические памятники неолитического времени
в степном Заволжье**

№	Памятник	Тип	Год	Бассейн реки
			открытия	
1	2	3	4	5
1	Прапорский Бугор	I ^ж	1912	Саратовка (лев. пр. Волги)
2	Ур. Подстепное	I	1912	Волга
3	Тонкошуровка	I	1913	Б.Караман
4	Салтово	I	1924	Еруслан
5	Крахмал	3	1921	Торгун
6	Шульц	2	1926	Торгун
7	Краснополье	I	1926	Волга
8	Кочетное	I	1926	Волга
9	Красный Яр	I	1920	Волга
10	Барваровка	2	1924	Б.Иргиз
11	Каменка-2	2	1924	Б.Иргиз
12	Сырт "Маяк"	2	1923	Б.Иргиз
13	Ст. Порубежка	2	1923	Ст. Дровиха (лев. пр. Б. Иргиза)
14	Ивановка	2	1923	Чернава (лев. пр. М.Иргиза)
15	Габдуллинский кордон	I	1923	Камелик
16	Березовая Лука	I	1923	Чагра
17	Маховка	I	1923	Стерех (южный)
18	Ильмень	I	1945	Волга
19	Таликовка	I	1945	Волга
20	Скатовка	3	1953	Волга
21	Быково-1	3	1955	Волга
22	Алтай-1	3	1963	Б.Узень
23	Алтай-2	3	1963	Б.Узень
24	Харламовское	3	1963	Б.Узень
25	Осинов Гай	3	1967	Б.Узень
26	Преображенка	2	1967	Красная (лев. пр.Алтаты)
27	Турмак	2	1968	Турмак (лев. пр. Алтаты)
28	Мерекень	2	1970	Мерекень
29	Алтата	3	1968	Алтата (лев. пр.Б.Узень)
30	Стерех	I	1971	Стерех (северный)

^ж См. расшифровку в тексте

1	2	3	4	5
31	Орловская дна	1	1975	Волга
32	Кировская дна	1	1975	Волга
33	Натальино-1	3	1977	Волга
34	Матвеевский остров	2	1980	Волга
35	Новотулка-2	3	1977	М. Узень
36	Мирный-2	3	1981	Еруслан
37	Кущумская	3	1978	Б. Узень
38	Озинки-1	3	1984	Чалыкля (лев. пр. Камелика)
39	Озинки-2	3	1980	Чалыкля
40	Чапаевка	3	1983	М. Караман
41	Б. Узень	2	1983	Б. Узень
42	Федоровское	3	1983	Б. Узень
43	Любимовское	2	1983	Мечетка (пр. пр. Б. Карамана)
44	Новостепное	3	1983	Б. Узень
45	Монахов-1	3	1983	Б. Узень
46	Орошаемое	3	1983	Б. Узень
47	Яблочный лиман	3	1983	Б. Узень
48	Моховое	3	1983	Б. Узень
49	Резвое	3	1983	Б. Узень
50	Передовое	3	1983	Б. Узень
51	Камышево-5	2	1984	Камышевка (пр. пр. Алтаты)
52	Новоспасское	2	1985	Камелик
53	Ново-Каменка-1	2	1984	Бизик (пр. пр. Еруслана)
54	Ново-Каменка-2	3	1984	Бизик
55	Зеленый Дол-2	1	1984	Бизик
56	Палисонка	2	1985	Торгун
57	Савинка	3	1985	Торгун
58	Культура	3	1985	Торгун
59	Титово	2	1985	Торгун
60	Кумысолечебница	2	1985	Торгун
61	Нижн. Водянка	2	1985	Водянка (пр. пр. Торгуна)
62	Моргульское	2	1985	Торгун
63	Комсомольское	3	1985	Торгун
64	Максимовка	2	1985	Торгун
65	Водянка	3	1985	Водянка

1	2	3	4	5
66	Борсы	2	1985	Торгун
67	Украинка	3	1985	Торгун
68	Пшеничное	3	1985	Торгун
69	Кумиска	3	1985	Торгун
70	Варфоломеевская	3	1985	М.Узень
71	Малоузенское	3	1985	М.Узень
72	Казахстанское	2	1985	М.Узень
73	Петропавловское	2	1985	М.Узень
74	Казахское	2	1985	М.Узень
75	Чалыкла-I	3	1973	Чалыкла

с находками последних лет они составляют показательную картину степени заселенности степного Заволжья в предьямное время.

Первые сведения о находках каменных орудий на днах Нижнего Поволжья поступили в Саратовскую Ученую Архивную Комиссию (СУАК) от краеведов еще в дореволюционное время⁹. В 1912 году члены СУАК П.Н.Шимкин, Ф.Д.Охлябинин и С.А.Щеглов собрали коллекцию кремневых изделий на дне Прапорский Бутор на р. Саратове севернее г. Покровска (ныне г. Энгельс) и в урочище Подстепное, находящемся в том же районе¹⁰. Аналогичный материал был найден Ф.Д. Охлябининым в 1913 г. у с. Тонкошуровка на р. Б.Караман¹¹ (№ 1-3 на карте и в табл.). Дюнную стоянку на р. Еруслан обнаружили П.С.Рыков в 1924 г.¹² (№ 4), а в 1926 г. Т.М.Минаева и П.Д.Рау на р. Торгун впервые открыли раннее поселение с культурным слоем и местонахождение (№ 5-6). Описание, классификация, анализ наиболее интересных находок перечисленных памятников и нескольких дюнных стоянок (№ 7-9) по левому берегу Волги были опубликованы Т.М.Минаевой¹³. В эти же годы в северной части степного Заволжья ряд стоянок и местонахождений (№№ 10-17) обнаружил К.И.Журавлев¹⁴. Там же, в 1945 году, И.В.Сивилин открыл ещё две дюнные стоянки (№ 18, 19)¹⁵, а в 1953 году он исследовал Скитовское поселение, на котором позднее стали известны находки энеолитического времени¹⁶ (№ 20). В 1955 году Т.Б.Попова при раскопках срубного поселения Быково-I встретила слой с кремневыми орудиями¹⁷ (№ 20). В 60-е годы Ю.В.Деревятин проводил исследования в

бассейне р. Большой Узень, в результате которых были обнаружены энеолитические стоянки и местонахождения (№ 22-29) и на одной из них — стоянке Алтате — впервые произведены раскопки¹⁸. Большая часть известных к настоящему времени памятников нео-энеолитического времени (№ от 30 и далее) открыта в 70-80-е годы археологическими экспедициями СГУ и местными краеведами¹⁹. По мере дальнейших археологических работ количество подобных памятников будет расти, так как территория Заволжья пока исследована весьма неравномерно. Эти памятники далеко не равноценны по степени информативности и их можно (условно) разделить на три типа: донные стоянки, местонахождения, однослойные стоянки и поселения.

Донные стоянки, как и везде, содержат разновременный материал. Если находки эпохи неолита и энеолита легко отделить от позднейших, то разделить их между собой значительно труднее в силу очень плохой сохранности ранней керамики. Это становится возможным в результате открытия в последние годы однослойных памятников с одновременными материалами. Правда, многие типы каменных орудий бытовали на протяжении длительного периода и подобное разделение остается в достаточной степени условным. Донные стоянки приурочены к песчаным выходам в речных долинах, по берегам рек или старичных озёр, иногда на значительном удалении от современного русла реки.

В процессе археологических разведок не всегда представляется возможность выяснить наличие культурного слоя на местах сбора находок. Такие местонахождения отнесены ко второму типу памятников. Подъёмный материал на местонахождениях зачастую тоже разновременен, но в отличие от донных стоянок, его значительно меньше. В некоторых случаях местонахождения дают одновременный комплекс находок, который можно сопоставить с материалами хорошо изученных памятников.

Стоянки и поселения составляют третий тип памятников. Культурный слой стоянок относится к одному периоду существования памятника и не содержит находок другого времени. Стоянок пока обнаружено немного. Возможно, к ним можно будет отнести ту часть местонахождений, которая включает "чистые" комплексы, в случае положительного решения вопроса о наличии культурного слоя. Материалы однослойных стоянок могут служить эталоном для расчленения донных сборов и находок в многослойных поселениях, почти всегда, в большей или меньшей степени, перемешанных. Культурный слой стоянок имеет мощность от 0,3 до 1 м.

Поселения — памятники с несколькими разновременными слоями. Культурный слой неолитического или энеолитического времени обычно перекрывается напластованиями эпохи средней бронзы (Передовое) или срубной культуры (Резвое). Иногда верхний слой эпохи бронзы занимает большую площадь, чем нижний, оставленный предшествующим населением (Чапаевка-2).

Закономерности в расположении нео-энеолитических памятников те же, что и у поселений эпохи бронзы. Люди предпочитали селиться вдоль края первой надпойменной террасы в месте её слияния с обрывистым берегом реки, т.е. не только рядом с поймой, но и близко к воде. Однослойные стоянки располагаются и на высоком обрывистом берегу, вдали от пойменных понижений, что не характерно для поселений эпохи бронзы.

Открытие серии поселенческих памятников неолита и энеолита и их дальнейшее исследование позволяет на новом источниковедческом уровне рассматривать вопрос о происхождении древнейшей культуры. В силу недостаточной изученности ранних этапов неолита, пока трудно говорить о культурной принадлежности раннеэнеолитических поселений степного Заволжья. Полнее представлены памятники позднего неолита (Варфоломеевка, Савинка). Материалы позднеэнеолитических стоянок аналогичны находкам на стоянке Орловка²⁰, послужившей эталоном для выделения памятников орловского типа в степном Поволжье и Подонье²¹. Эти памятники находятся к югу от степного Заволжья, к северу от него на Вилатовской и Ивановской стоянках выделяется группа керамики, типологически близкая к орловской²². Поэтому можно предположить культурное единство или близость позднеэнеолитических племен всей степной зоны Заволжья. Время раннего и среднего энеолита характеризуется материалами двух родственных культур — прикаспийской (Резвое) и самарской (Озинки-2, Оршаемое, Скотовка). Последний этап энеолита — это уже время существования ямной культуры. Н.Я. Мерпертом высказана мысль об автохтонности древнейших племен на территории Волго-Уральского междуречья. Отсутствие здесь ямных поселений с культурным слоем объясняется их подвижностью населения, основу хозяйства которого составляло скотоводство²³. Керамика ямной культуры найдена пока только на поселении Кумыска на р. Торгун и её можно отнести к начальному этапу существования культуры. Аналогичная керамика встречается в древнейших подкурганых захоронениях, в Хвалынском могильнике и на памятниках Северного Прикаспия.

Мы не знаем общего количества памятников, оставленных предьямным населением. Концентрация стоянок и поселений на некоторых, хорошо исследованных участках степной зоны не ниже, чем в лесостепи, отличающейся более благоприятными условиями существования. А.Т.Синик приводит данные о концентрации неолитических стоянок в лесостепном Подонье — до двух десятков на участке менее 100 км в нижнем течении р. Вороны²⁴. В Заволжье на 35-километровом участке р. Б.Узень обнаружено 8 энеолитических поселений, а на 15-километровом отрезке верхнего течения р. Торгун — 12 нео-энеолитических поселений и местонахождений. Такая значительная концентрация памятников предьямного времени объясняется лучшими климатическими условиями в атлантический период, на время которого пришлось существование неолитических и большей части энеолитических поселений. Тогда же происходит складывание основ животноводческого хозяйства, развитой характер которого доказан для племен сарматской культуры²⁵. Вероятно, аридизация климата, начавшаяся в суббореальном периоде и совпавшая с концом энеолита, привела к тому, что древнейшее ямное население, уже имевшее опыт ведения животноводческого хозяйства, было вынуждено перейти к экстенсивному виду скотоводства. Как уже говорилось выше, этим объясняется отсутствие в Заволжье долговременных ямных поселений, кроме памятников, относящихся к начальной стадии существования культуры, пришедшейся на конец атлантического периода. С этим согласуется и вывод В.П.Шилова о переходе к подкурганному обряду захоронения в среде ямных племен с началом подвижного образа жизни²⁵. Переход к экстенсивному скотоводству занял некоторый промежуток времени, фиксирующийся наличием однотипной керамики на древнейших поселениях (Кумьска), грунтовых могильниках (Хвалынский могильник) и подкурганых погребениях (Бережновка 5/22).

П Р И М Е Ч А Н И Я

¹ Телергин Д.Я. Про неолитичеI пам'ятки Подоння I Степового Поволля // Археологiя. 1981. Вип. 36. С. 4. Рис. I; Васильев И.Е. Энеолит Поволжья. Куйбышев, 1981. С. 86. Табл. I.

² Юго-Восток Европейской части СССР. М., 1971. С.331-339; Лесостепь и степь Русской равнины / Отв. ред. Г.Д.Рихтер и Ф.Н.Мильков. М., 1956. С. 255, 272; Пасанов М.А. Заволжская степная провинция и её подзоны // Степи Нижнего Поволжья. Саратов, 1964.

³ Холтинский Н.А. Голоцен Северной Евразии. М., 1977. С. 158.

⁴ Гричук В.П. Опыт реконструкции некоторых элементов климата Северного полушария в атлантическом периоде голоцена // Голоцен. М., 1969. С. 51-52.

³ Хотинский Н.А. Указ. соч. С. 163; Он же. Палеогеографические основы датировки и периодизации неолита лесной зоны Европейской части СССР // КСИИ. М., 1978. Вып. 153. С. 13.

⁶ Иванов И.В. Изменения природных условий степной зоны в голоцене // Изв. АН СССР. Сер. геогр. 1983. № 2. С. 40.

⁷ Иванов И.В. Изменение климатических условий степной зоны в голоцене // Проблемы эпохи неолита. Оренбург, 1986. С. 21.

⁸ Мерперт Н.Я. Древнейшие скотоводы Волго-Уральского междуречья. М., 1974. С. 18-19.

⁹ Зайковский Б.В. К открытию в Саратовской губернии стоянок и городищ медного века // Тр. СУАК. Саратов, 1913. Вып. 30.

¹⁰ СМК. № 36954, № 37499.

¹¹ СМК. № 38301.

¹² СМК. № 1285.

¹³ Минаева Т.М. Кремневая индустрия Нижнего Поволжья // ТИВКО. Саратов, 1929. Вып. 36. Ч. 1.

¹⁴ Гольмстен В.В. Материалы к археологической карте Самарской губернии // Архив ЛОИА. Ф. 44. № 9. Л. 50-87.

¹⁵ Синицын И.В. Отчет об археологических работах в Саратовской области летом 1945 г. // Архив ИА АН СССР. Р. I, 9. С. 9-10.

¹⁶ Синицын И.В. Археологические исследования Заволжского отряда: 1951-1953 // МИА. № 60. М., 1959. С. 176-177.

¹⁷ Попова Т.Б. Памятники древней культуры в окрестностях с. Бывкове // МИА. 1960. № 78.

¹⁸ Деревятин Ю.В. Археологические памятники в бассейне реки Большого Узень // Археологический сборник. Саратов, 1966. С. 85-86; Он же. Отчет о находках в Саратовской области в 1967 году // Архив ИА АН СССР. Р.-I, 3430. С. 35, 37; Он же. Отчет об археологических раскопках в Саратовской области // Архив ИА АН СССР. Р.-I, 3655; Он же. Раскопки и разведки в Саратовской области // Археологические открытия 1970 года. М., 1971. С. 59-60.

¹⁹ Материалы хранятся в археологической лаборатории СВУ.

²⁰ Мамонтов В.И. Поздненеолитическая стоянка Орловна // СА. 1974. № 4. С. 254-258.

²¹ Телегин Д.Я. Указ. соч. С. 15.

²² Васильев И.Б., Выборнов А.А., Галяшев Р.С., Моргунова Н.Л., Пенин Г.Г. Билатовская стоянка в лесостепном Заволжье // Энеолит Восточной Европы. Куйбышев, 1980. С. 162; Моргунова Н.Л. Ивановская стоянка эпохи неолита-энеолита в Оренбургской области // ЭВЕ. Куйбышев, 1980. С. 109. Рис. 5.

²³ Мерперт Н.Я. Указ. соч. С. 27-28.

²⁴ Сидик А.Т. Население бассейна Дона в эпоху неолита. Воронеж, 1986. С. 46.

А.Х.Халиков

ПОВОЛЖЬЕ В ПОКРОВСКОЕ ВРЕМЯ

Покровские курганы, исследованные в 20-30-е годы XX века саратовскими археологами на левом берегу Волги в окрестностях современного города Энгельса Саратовской области, привлекали внимание многих ученых¹. Было высказано мнение о необходимости выделения своеобразного покровского этапа в развитии срубной культуры² и отмечено, что "ранние памятники срубной культуры типа Покровских и близких им курганов во многом близки к ранним абашевским памятникам. Причем эта близость выявляется настолько отчетливо, что невольно напрашивается мысль о каких-то общих генетических корнях племен обеих культурных объединений"³.

Эту особенность, т.е. сходство культуры курганов типа покровских и абашевских древностей, отмечали и другие археологи, но как верно выразилась Н.К.Качалова "комплекс с абашевскими чертами исследователи рассматривали только с точки зрения их принадлежности к абашевской культуре и не уделяли внимания тому, какое место занимают они в культуре срубной"⁴. Действительно, все без исключения археологи, обращавшие внимание на наличие абашевских элементов в срубных памятниках покровского типа, считали это или результатом торгово-обменных отношений⁵, или продвижением абашевских племен в срубную среду⁶, или даже существованием самостоятельной абашевской культуры в Поволжье⁷ и т.п. Лишь в последнее время, особенно после проведенного в г.Куйбышеве в 1976 г. специального совещания⁸ и открытия новых памятников, в том числе могильников типа Синташты в Южном Зауралье⁹, начали высказываться мнения о наличии в Поволжье так называемых синкретических срубно-абашевских памятников¹⁰.

Надо полагать, что вопрос о срубно-абашевских элементах сходства следует оставить значительно шире. В настоящее время накоплен огромный материал, позволяющий ставить вопрос о выделении своеобразного покровско-абашевского, если не покровско-абашевско-синта-

итинского, этапа в развитии культур эпохи бронзы Поволжья и Приуралья. Обратимся в связи с этим к материалам.

Основная масса покровских курганов, а их в 1922-1927 гг. П.С. Рыковым в окрестностях г. Покровска (Энгельса) было раскопано 28, датируется не позже середины II тысячелетия до н.э. II Это были, главным образом, средней высоты (I-1,5 м) круглые насыпи (диаметр не более 20-25 м), под которыми обычно размещены одна, максимум 3 могильные ямы, не считая более поздних впускных. Ямы в большинстве случаев имеют подквадратную или близкую к ней форму и перекрыты накатом, опирающимся на боковые или центральные столбы. Ямы довольно глубокие. Погребенные нередко парами, обычно лежат скорчено на левом боку, изредка на правом или на спине, и ориентированы головой на север с отклонениями к западу или востоку. Заупокойные жертвы - лошади, крупный и мелкий рогатый скот. Инвентарь погребения разнообразен: различные виды металлического оружия (штульчатый наконечник копья), а также орудия труда (двулезвийные ножи с приостренным черенком, плоское тесло, четырехгранные шилья), украшения (височные подвески в 1,5 оборота, дробовые или желобчатые браслеты); костяные (наконечники стрел, бляхи, пряслицевидные пронизи) предметы; каменное оружие (наконечники стрел треугольно-черепшковые и треугольно-усеченные, сверланные топоры) и глиняная плоскодонная посуда с примесью в тесте толченых раковин и заглаженной штриховой поверхностью.

На территории Поволжья южнее и севернее Покровских курганов выявляется большая группа курганных мсильников, близких по культуре с Покровскими курганами. Так, южнее г. Покровска (Энгельса) в Саратовской области к числу подобных памятников следует отнести курган № II у с. Скатовка, исследованный И.В. Сивитциным¹², курган у ст. Карамыш на правом берегу Волги¹³ погребения № 4 и 5 из кургана 2 у д. Макаровка на р. Карамыш¹⁴, все пять погребений кургана № 2 у с. Краснополье¹⁵, погребение № 4 кургана 7 могильника у с. Ровное¹⁶, могилу № 3 из кургана I у с. Чересаево¹⁷. Несколько восточнее их, погребение покровского типа было обнаружено в центральной могиле кургана 5, раскопанного П.Д. Рау в 1929 г. у д. Усатово¹⁸.

Группа памятников покровского типа известна из северных и северо-западных приволжских районов Волгоградской области. Это погребение № 10 из кургана 10 у бывшего хутора Шульц на р. Торгун, исследованное в 1928 г. П. Рау¹⁹; погребение № 3 кургана I у с.

Новая Молчановка, раскопанное в 1955 г. И.В.Синицыным²⁰; группа погребений № I (курган 25, погребения № 2, 3, 4, 6) и II (курган 64, погребения № 4 кургана 80, погребение № 2 кургана 90)²¹ Бережновских могильников; погребение № 6 обширного кургана 4 у с. Политотдельское, исследованное К.Ф.Смирновым²², погребения № I и 5 кургана I и погребение № 4 кургана 5 у с. Быково²³.

Далее, к югу, в низовьях р. Волги, Дона, Манчской степи погребения покровского типа не известны²⁴. Очевидно, на этой территории в раннесрубное время располагалось инокультурное население, возможно, связанное с подднекатаконными племенами.

Юго-западные пределы распространения памятников покровского типа фиксируются двумя памятниками, изученными в бассейне р. Медведицы. Это погребение № 4 кургана 8 у с. Арчадино и курган I у с. Сидоры, исследованные В.П.Лиловым²⁵.

В материалах этих памятников, особенно в формах и орнаментации керамики, наблюдаются значительные параллели с памятниками абашевской культуры Подонья. Это и не удивительно, ибо почти вплотную к описанным памятникам с запада подходит территория распространения абашевских памятников, культура которых содержит несомненно покровские элементы²⁶.

Севернее г. Поворова (Энгельса) памятники покровского типа локализованы двумя группами: I — между Саратовом и Пензой; 2 — между Самарской Лукой и устьем р. Камы. Первая группа включает памятники, открытые в основном саратовскими археологами в 30-х годах XIX в. в бассейне рек Медведицы и Хопра. К ним можно отнести погребения, исследованные П.С.Рыковым, под курганами I и 2 у с. Чардым²⁷; ряд курганов, раскопанных у г. Аткарска в 1909 г. В.Глазным и в 1930 г. Н.К.Арзютовым²⁸; курганы у с. Надеждино-Куракино²⁹, Б.Верхи³⁰, Марьевка³¹ Пензенской области. Данная группа погребений покровского типа, очевидно, была наиболее северо-западной. Далее начиналась территория синхронных абашевских и балаоновских (агли-касинских) племен³².

Вторая большая серия памятников покровского типа известна в Среднем Поволжье, в основном севернее и восточнее г.Куйбышева³³. Так, в 1970 г. куйбышевские археологи исследовали семь курганов с погребениями покровского облика у с. Нацрик и три кургана у д.Широченка на р. Самаре³⁴.

Интересная группа курганов, давших погребения покровского ти-

па, был раскопан в 1972-1973 гг. И.Б.Васильевым в IV курганном могильнике у с. Утенка на р. Самара ³⁵.

Восточнее, в 1926 г. В.В.Гольмстен были исследованы курганы у с. Кротовка (курганы 2 и 3) и Пустовалово, содержащие погребения покровского типа ³⁶. Вероятно, покровского типа погребения имелись и под курганом № 2 к югу от г. Бугуруслана, а также в кургане, изученном в 1967 г. К.Ф.Смирновым у г.Бузулука ³⁷. Это, собственно, крайне северо-восточные памятники покровского типа. Далее начинается на северо-востоке область распространения синхронных абашевских памятников Башкирии, на юго-востоке - своеобразных приуральских памятников со смешанными покровско-алакульскими (синташтинско-кумакскими) чертами.

Наиболее северные памятники покровского типа обнаружены в бассейне р. Свияги и устье Камы. В 1969-1971 гг. Е.М.Буров раскопал два кургана покровского облика у с. Ишеево и курган этого же типа у с. Новый Урень Ульяновской области ³⁸. Погребения покровского типа были выявлены также и на территории II Новоурдовского курганного могильника, расположенного в устье р. Камы ³⁹. Наконец, на северо-востоке, в устье р. Белой покровского типа погребения исследованы в 1969-1970 гг. на Такталачукском могильнике ⁴⁰, где в свое время, очевидно, имелись небольшие курганные насыпи. Оба памятника располагаются в непосредственной близости с территорией расселения раннеприказанских племен ⁴¹, поэтому есть основание предполагать тесный контакт последних с покровским населением. Северными соседями покровских племен кроме приказанцев были абашевские, балановские, чирковско-сейминские и поздняяковские племена Поволжья, в культуре которых также отмечаются сходные с покровскими памятниками черты.

Мы выяснили территорию распространения памятников покровского типа - она увязана в основном с районами Поволжья от устья р. Камы на севере и примерно до района сближения р. Дона с р. Волгой на юге. Менее четкими были восточные и западные пределы этой территории.

Погребения покровского типа по обряду и инвентарю имеют несомненную общность между собой, что позволяет считать их оставленным родственным населением в среднем этапе развития срубной культуры ⁴². Это в основном захоронения в относительно небольших курганах круглой формы диаметром от 20 до 30 м при высоте 1-2,5 м. Преобладают сдвиганные могильные ямы, но встречены курганы и с

большим числом погребений (3-5), обычно детские или подростковые (см. Чардым, к. I; Краснополье, к. 2; I Бережневка, к. 25; Сидоры, Пустовалово, Утенка, Ишеевка). Могильные ямы относительно большие (в среднем 2 x 1,6 м), но есть и очень крупные (4 x 2,56; 4,5 x 3 м), подквадратной или близкой к квадрату формы. Почти все большие ямы имели перекрытия или в виде накатника, или в виде двускатной крыши (Покровка, к. 8; Усатово, к. 5:8; Быково, к. I:I и др.). Не исключено, что ямы представляли своеобразные камеры и заполнялись землей лишь после разрушения перекрытия, о чем свидетельствует нарушенность костяков.

Любопытно, что в ряде случаев захоронения, вероятно, являются семейными, т.е. погребены муж с женой (Покровка, к. 32, 34, 35; Быково, к. I), жена с детьми (Покровка, к. 25; Сидоры, к. I:3 и др.) или целая семья (Ишеево). Погребенные, как правило, лежат скорченно на левом боку и головой ориентированы на север, северо-восток, северо-запад. Но есть и некоторые отклонения - завал на спину (Покровка, к. 35:2; Усатово, к. 5:8; Быково, к. 5:4), завал на грудь (Скатовка, к. II; Краснополье, к. 2:5; Бережневка, к. 25:3,6; Политотдельское, к. 4:6 и др.). В ряде случаев (Караши, Макаровка, к. 2, Нов. Урень, п. 6) встречено трупосожжение.

Большинство ям по дну устилалось травой или соломой, редко деревом (берестой и лубом). Любопытно сохранение ритуала посылки два могилы красной краской (охрой) - Макаровка, к. 2; Усатово, к. 5:8; Пустовалово, к. I:I,3; Ишеевка.

Характерно сопровождение умерших ритуальной мясной пищей (ребра коровы и лошади, кожные части овцы), а иногда и жертвенными животными - целые туши лошадей (Быково, к. I; Усатово, к. 5:8), коровы (Сидоры, к. I:2). Нередки в могилах бараньи пальчики - в одном из погребений Ишеевского кургана их было 85.

Погребальный инвентарь курганов покровского типа хотя и достаточно разнообразный, но характеризуется выраженным культурным комплексом. Почти во всех погребениях встречены глиняные сосуды. Они изготовлены из глины с преимущественной примесью толченых раковин в тесте. Поверхность их как изнутри, так и снаружи обрабатывалась штриховой зачисткой, реже заглаживалась. Сосуды плоскодонные, изредка встречаются округлодонные. Характерно отсутствие закраин при переходе к дну. По форме выделяются небольшие сосуды с остросеребряным туловом. К ним близки горшки с вытянутым, но имеющим

ребро туловом. Изредка встречаются горшки в виде вытянутых банок. Почти во всех комплексах наблюдаются плоскодонные или уплощенно-донные горшки, верхняя часть которых имеет характерную колоколо-видную форму с утолщенным краем венчика. По верхней части сосуда обычно украшены не сложными узорами, в том числе и горизонтально прочерченными линиями.

Почти во всех могильниках обнаружены металлические изделия. Преобладает обилие бронзовых ножей — на 70 с небольшим погребений их встречено около 50. Они достаточно устойчивы по форме — это пластинчатые двулезвийные ножи с намеченным перекрестием и суженным черенком, обычно имеющим подпрямоугольное или прямое завершение. Многочисленны также бронзовые, почти всегда четырехгранные шилья. Из других орудий труда можно отметить бронзовые плоские тоеса, иглы, слабо изогнутый серп с узким полотном, а из оружия — бронзовые втульчатые наконечники копий с боковым ушком. Из металлических украшений особенно характерны браслеты из круглого в сечении дрота, или желобчатые, а также височные спиральные подвески из желобчатой пластины в 1,5 оборота. Из единичных металлических украшений можно выделить полукруглую бляху из Покровского кургана 7:3, оригинальное украшение из бронзовых ободочек из Покровского кургана 15:3, обломки пластинчатой гривны или налобного венчика (Покровск, к. 40; Пустовалово, к. 1:3), 3 пластинчатые подвески от наконечника (Чардым, к. 9), круглую бляху с шестиконечной звездой и три трубчатые пронизы (Бережновка, к. 25:6).

Характерно относительное обилие бус и бисера синего, серого цвета из египетской гонимы — 8 погребений (Покровск, к. 15:2, 3; к. 34; к. 35; 2; к. 40; Шульц, к. 10:10; Быково, к. 1:1; Пустовалово к. 1:2, 3). Последние по египетским образцам датируются в пределах XV-XIV вв. до н.э. (1450-1365 или 1475-1350 гг. до н.э.)⁴³.

Много изделий из кости. Это и своеобразные кольца, и трубчатые пронизки, нередко с украшенной поверхностью (17 экз.); крупные кольца-пряжки (4 экз.); прямоугольные дисали, по К.Ф. Смирнову первого типа, многочисленные наконечники стрел, трехгранные в сечении (20 экз.); костяные втулки к задним частям древков стрел (5 экз.).

Изделия из камня подразделяются на кремневые наконечники стрел треугольной формы с усеченным основанием (33 экз.), черешковые (18 экз.) и листовидноромбовидные (4 экз.); дисковидные или базаль-

товые сверленные топоры (3 экз.) и булавы - грушевидной и эллипсоидной формы.

П.С.Рыков⁴⁴, А.М.Тальгрэн⁴⁵, М. Гимбутас⁴⁶, Н.Я.Мерперт⁴⁷ справедливо полагают, что памятники покровского типа открывают собой собственно срубную культуру, непосредственно следуя в этом отношении за памятниками полтавкинского типа.

Правда, в последнее время Н.К.Качалова выступила с новой периодизацией срубных погребений Нижнего Поволжья, где она памятники покровского типа выделила во второй период (или горизонт), которому, по ее мнению, предшествуют погребения первого периода или горизонта, названного ею бережновским. Но к этому периоду она отнесла "захоронения в больших прямоугольных или подквадратных могильных ямах; обычно перекрытых бревенчатыми накатниками"⁴⁸. Это наиболее ранние погребения покровского типа. Поэтому выделение бережновского горизонта, мне кажется, не меняет общей схемы - срубная культура начинается с памятников покровского типа. Данное положение выступает еще более отчетливо, если мы сопоставим основные черты покровских памятников с полтавкинскими и даже позднейшими культурными особенностями.

С позднейшими и полтавкинскими группами погребения покровского типа обближают следующие особенности: круглые курганные насыпи с преимущественно одианными могилами под ними, положение умерших скорчено на левом боку, иногда с завалом на спину, их ориентация на север с отклонением к востоку или западу, спорадическое наличие красной краски, крупные ямы прямоугольной и подквадратной формы с почти обязательным накатником, или перекрытием, опирающимся на столбы, положение в могилу частей тул домашних животных (корова, овца); плоскодонные сосуды, изготовленные из глины с примесью толченных раковин и имеющие горшковидную форму с выраженным горлом, медно-бронзовые тесла вытянуто-трапециевидной формы, височные подвески в 1,5 оборота, бронзовые бусы, востяные кольца и кремневые наконечники стрел подтреугольной формы с выемкой у основания⁴⁹.

Приведенные параллели заставляют думать, что культура памятников покровского типа вырастает на основе культуры полтавкинско-позднейших племен. Не исключено, что на формирование этой культуры оказали воздействия и какие-то культурные образования, возможно, связанные с более восточными районами. Рассматривая памятники покровского типа, нельзя обойти вопрос о соотношении их культуры

с культурой абашевских памятников Восточной Европы. Последние по многим своим особенностям близки к покровским и в ряде случаев непосредственно граничат с территорией их распространения.

Наибольшую близость к памятникам покровского типа проявляют абашевские памятники Подонья, Среднего Поволжья и Приуралья. А. Д. Пряхин на этой основе даже пытался объявить памятники покровского типа абашевскими⁵⁰. Я не могу согласиться с этим, но считаю, что хотя покровские и абашевские памятники Поволжья и Приуралья в культурном отношении различались между собой, вероятно, имели генетически близкие корни.

Территориально наиболее близки к покровским памятники абашевского типа, занимающие бассейн среднего и верхнего течения р. Дона, причем на севере они, по мнению А. Д. Пряхина, заходят и в бассейн р. Цны (например, поселения под г. Тамбовом), где как будто-бы смыкаются с абашевскими памятниками, известными в бассейнах р. Оки, р. Мокши и верхнего течения р. Суры.

Памятники представлены как курганными могильниками, так и поселениями. Характерны преимущественно округлые, относительно небольшие курганные насыпи с одиночными захоронениями в неглубоких ямах, которые имеют перекрытия — накатники, обкладку стен и в этом отношении напоминают покровские погребальные камеры. Погребенные в большинстве случаев лежат скорченно на спине, но есть и на левом боку, и имеют восточную с северным отклонением ориентацию.

Характерной чертой культуры является керамика, представленная в основном плоскостенными сосудами колоколовидных форм — горшки, чашки, миски, изготовленные из глины с примесью толченых раковин и в большинстве случаев украшенные горизонтально прочерченными желобками. Среди относительно немногочисленных металлических изделий встречены характерные покровские типы — пластинчатые ножи с пристроенными черешками, четырехгранные шилья, браслеты из округлого или желобчатого дрота, желобчатые височные кольца в 1,5 оборота и т. п.

Многократно наблюдаемое перекрытие культурных отложений абашевских поселений слоями срубных памятников развитого периода позволяет говорить об относительно ранней датировке первых (средина и третья четверть II тыс. до н. э.)⁵¹. Совпадение многих черт их культуры с культурой покровских памятников заставляет говорить об их синхронности и определенной этнокультурной близости. Но все же мы не можем согласиться с попыткой полного отождествления аба-

шевских памятников Подонья и покровских памятников Поволжья. Культура первых отличается своеобразием как в погребальном обряде, так и инвентаре (вытянутое положение погребенных на спине, отсутствие следов трупосожжений, поминальной и погребальной мясной пищи, наличие специфических абашевских окисидных подвесок, сосудов с многоваликовыми реликтами и т.п.), что заставляет её рассматривать как самостоятельное образование. Последнее также подтверждается наличием на территории распространения абашевских памятников Подонья некоторых комплексов и чисто покровских, вероятно, оставленных отдельными группами, проникавшими в Подонье со стороны Волги после того, как уже сформировались культуры абашевских памятников Подонья и покровских памятников в Поволжье. Один из них происходит из разрушенных курганов, изученных у д. Сворняково Задонского уезда Воронежской губернии⁵². Здесь под курганами были расположены сложные погребальные камеры с перекрытиями, в которых скелеты лежали скорченно на левом боку головой на север. Погребальный инвентарь почти полностью повторяет классические покровские комплексы — плоскодонный острореберный сосуд с примесью толченой раковины, бронзовые пластинчатые ножи с приостренными черенками, четырехгранное шило, костяное кольцо, кремневые наконечники стрел с черешком и усеченными основаниями.

Второй комплекс, выявленный в курганах у с. Старая Тойда Аннинского района Воронежской области, происходит из погребений, совершенных в деревянных камерах с перекрытиями-накатниками⁵³. Погребенные лежали скорченно на левом боку головой на северо-восток. Здесь же находились плоскодонные горшкovidные и острореберные сосуды с примесью толченых раковин в тесте, и бронзовым пластинчатым ножом с приостренным черешком. Третий комплекс выявлен в кургане № 2 у с. Ст. Юрьево Тамбовской области в верховье р. Лесной Воронеж⁵⁴.

Несомненная близость к культуре покровских памятников просматривается и в памятниках абашевского типа, из бассейна р. Мокши (поселение "Красный восток") и Суры (Ст. Ардятовские курганы). В 1960 году М.Ф.Кигановым, а позднее М.Р.Полесских, были собраны многочисленные фрагменты от преимущественно округлодонных сосудов колоколовидной формы, изготовленных из глины с примесью толченой раковины и украшенных горизонтально прочерченными линиями. Второй памятник представлял собой невысокий курган, под которым П.Д.Степановым в 1968 г. было обнаружено и изучено коллективное погребение, состоявшее не менее чем из 6 костяков, положенных на

спине с подогнутыми ногами, головой на ЮВ. Погребенных сопровождали крупные сосуды с округлым или уплощенным дном, изготовленные из глины с примесью толченой раковины, с прочерченным орнаментом и бронзовые поделки: спиральные колечки и браслет ⁵⁵.

О хронологической и культурной близости ранних абашевских памятников Среднего Поволжья и памятников покровского типа уже были публикациями ⁵⁶. Следует заметить, что абашевские памятники Среднего Поволжья отличаются от покровских значительно больше, чем абашевские памятники Подонья. Это заметно и в погребальном обряде (устойчивое положение поволжских абашевцев на спине с подогнутыми ногами и с восточной ориентацией), и в погребальном инвентаре (абсолютное преобладание круглодонной посуды, специфичные металлические украшения и т.п.).

Обратимся к материалам абашевских памятников Приуралья. Последние, широко исследованные работами К.В.Сальникова и его учеников ⁵⁷ в бассейне р. Белой и у г. Магнитогорска территориально смыкаются с северо-восточными пределами распространения памятников покровского типа.

Для абашевских памятников Приуралья характерны как могильники, в основном курганные, так и поселения. Подкурганные захоронения обычно производились в бревенчатых срубках с перекрытиями и содержали от одного до нескольких (максимум 10) костяков. Последние, имевшие преимущественно северную ориентацию, лежат с подогнутыми ногами или на спине, или на боку. Отмечены случаи трупосожения. Керамика чаще всего плоскодонных форм с отогнутым краем горла, изготовлена из глины с примесью толченой раковины или талька, в чем К.В.Сальников справедливо усматривает проявление местных традиций. Она украшена преимущественно прочерченными узорами. Достаточно обширный набор металлических изделий в целом повторяет покровский комплекс, хотя и имеет ряд особенностей. В приуральских комплексах имеются также характерные для покровских памятников кремневые черешковые и подтреугольные наконечники стрел, костяные стрелы и даже сверленные каменные топоры, но эллипдно-ромбической формы.

На востоке, в районах Южного Урала, памятников абашевского типа нет. Но здесь, в бассейне р. Урал, выявлена оригинальная группа памятников, культура которых, в целом близкая андроновской или алакульской, проявляет несомненные покровские черты. Это курганные могильники у сел Кумак (курган № 1) ⁵⁸, Увак (курган № 6) ⁵⁹,

Герасимовка⁶⁰, Тангирова⁶¹ и у г. Орск⁶². Они, в основном, невысокие с большими подпрямоугольными ямами под ямами, костяки в которых лежат скорченно на боку, головой на СВ или ЮВ (Увак). Прослежены следы накатника, а также погребальной камеры. Наблюдались остатки поминальной пищи в виде костей коровы (Герасимовка) и лошади (Орск). Есть случаи парных (Орск) погребений. Погребальный инвентарь состоит или из сосудов алакульского типа (Кумак и Увак), или из сосудов покровского типа (Герасимовка). Есть и сосуды с андроновско-абашевско-покровскими чертами как, например, сосуд из Тангирова. Металлический и каменный инвентарь весьма сходен с покровским материалом. Здесь и втульчатые наконечники копий, и пластинчато-черешковые ножи, и плоские тоеса, и четырехгранные шилья, и желобчатые браслеты, и височные кольца и т.п. Характерны кремневые черешковые и подтреугольные наконечники стрел, костяные кольца и трубчатые пронизки. Вся эту группу памятников после открытия и изучения в последнее время Синташтинских могильников в Южном Зауралье, имеющих большую близость по погребальному обряду, погребальному инвентарю и вышеотмеченным памятникам⁶³, можно назвать синташтинской или синташтинско-алакульской⁶⁴.

Промоленные материалы позволяют утверждать, что наиболее близкими к памятникам покровского типа и по времени, и по культуре являются памятники абашевской культуры, которые как бы охватывают с запада, северо-запада и северо-востока территорию распространения покровских памятников.

Отмеченные черты сходства едва ли могут быть объяснены только взаимным влиянием двух культурных образований. Абашевско-покровские параллели следует объяснить как результат синхронного развития культурных традиций, сформировавшихся на близкой, если не единой основе. Однако не исключено и какое-то внешнее воздействие, приведшее к распространению и в покровской, и в абашевской среде однотипных металлических и кремневых изделий, аналогичных предметам лесостепных культур Евразии середины и третьей четверти II тыс. до н.э.

Почти все исследователи, изучавшие или привлекавшие материалы покровских памятников, обращали внимание на сходство некоторых элементов их культуры с культурой так называемого турбино-сейминского мира. Действительно, материалы Сейминского и Турбинского могильников содержат металлические и каменные изделия, аналогичные покровским.

Так, для Сейминского могильника обычны кремневые наконечники стрел подтреугольной формы с усеченным основанием и так называемый сейминский тип черешковых наконечников с боковыми шипами. Последние преобладают. Покровского типа металлические изделия представлены втульчатыми наконечниками копий с боковым ушком, пластинчатыми ножами с приостренными черенками, четырехгранными в сечении шильями и браслетами из круглого дрота⁶⁵. Весьма показательно, что все эти металлические предметы отнесены по составу металла Е.Н.Черныхом к группе 4, близкой к металлу покровских памятников⁶⁶.

Наличие в сейминских материалах других групп металлических изделий, сходных по составу с сибирскими, и отсутствие в покровских комплексах таких типично сейминских изделий, как наконечники копий с вильчатым стержнем, шестигранные кельты, вислообушные топоры и т.п. заставляет думать не о сейминском воздействии на население, оставившее памятники покровского типа, а скорее об обратном влиянии последнего на население бассейна р. Оки, где располагался Сейминский могильник. Это же подтверждает и анализ металла.

В пользу последнего предположения, кроме сходства форм и состава металла, свидетельствует обнаружение в бассейне нижнего течения р. Оки памятников, очень близких по погребальному обряду и инвентарю памятникам покровского типа. Имеются в виду некоторые ранние курганные захоронения позднязювской культуры, например, курганы у с. Борисоглебска в окрестностях г. Муром, изученные Т.Б.Поповой⁶⁷. Курган № 8 этого могильника выявил большую погребальную яму почти квадратной формы (3,8 x 2,8 м), в которой расчищены остатки костяка, лежавшего скорченно на боку (правом), головой на северо-запад. Погребенного сопровождали: бронзовый кинжал покровского типа, но с дополнительной фигурной рукоятью, лежавший в колчане или сумке вместе с 7 кремневыми наконечниками стрел (5 черешковых и 2 с усеченным основанием); 3 глиняных плоскодонных сосуда с примесью толченых ракошин в тесте и прочерченными орнаментом; кремневый нож и точильный брусок.

Волжское правобережье р.Оки и бассейн нижнего течения р. Суры в абашевско-покровское время занимали племена балановской культуры, переживавшие атли-касинский и ош-пандинский этапы своего развития. Памятники балановской культуры не обнаруживает какой-либо связи с памятниками покровского типа, кроме, пожалуй, распространения на атли-касинском этапе наконечников стрел сеймин-

ского типа ⁶⁸. Но последние едва ли могут быть признаны характерными предметами только покровских памятников. Видимо, они присутствуют почти во всех культурах лесостепной полосы Восточной Европы середины и III четверти II тыс. до н.э., но более характерны для относительно северных культур как поздняяковская, чирковско-сейминская, балановская, абашевская, приказанская, чем для культур степной полосы.

Как отмечалось выше, непосредственными соседями покровских племен на севере были ранние приказанские племена, в культуре которых также усматриваются определенные покровские черты. Так, на территории распространения ранних приказанских племен (займищенского этапа) обнаружены почти все характерные для памятников покровского типа металлические изделия ⁶⁹: ступчатые наконечники копий с боковым ушком, плоское тесло и ножи — кинжалы с пристреленными черенками. Обычны также кремневые наконечники стрел — черешковные сейминского типа и треугольные с усеченным основанием. Показательно, что и керамика имеет особенности, присущие покровско-абашевским плоскодонным сосудам с отогнутым горлом, с примесью толченых раковин в тесте и прочерченным орнаментом ⁷⁰.

На северо-востоке крайним памятником, в материале которого наглядно проявляются покровские параллели, является Турбиновский могильник ⁷¹. Здесь найдены все ведущие типы покровского металла: ступчатые наконечники копий, ножи с пристреленными черенками, плоские тесла, четырехгранные шпилья, браслеты из жалобчатой проволоки. Большинство этих предметов по составу металла входят в четвертую группу, по Е.Н. Черныш, которая близка к металлу покровских памятников ⁷².

Итак, мы выяснили, что на значительной части Восточной Европы в период развития срубной культуры покровского этапа существовала серия синхронных археологических культур со сходными отдельными элементами. Среди них наиболее близкими к покровским являются памятники абашевской культуры (Подонья, Среднего Поволжья, Приуралья), носители которых, вероятно, имели генетическое родство с покровскими племенами. Наличие в среде поздняяковской, чирковско-сейминской и приказанской культуре несомненных следов включения племен покровского типа заставляет предполагать участие последних в их формировании. Поэтому целесообразно выделить в развитии эпохи бронзы Восточной Европы своеобразный покровский этап, открывающий собой период развитой или поздней бронзы.

Время покровского этана, очевидно, надо ограничить серединой и третьей четвертью II тыс. до н.э.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Рыков П. С. К вопросу о культурах бронзового века в Нижнем Поволжье. Саратов, 1927; Рыков П. Die Chvalynsker Kultur der Bronzezeit an den Unteren Wolga // ESA, I, Helsinki, 1927; Tallgren A. M. La pontide precsyrique apres l'introduction der-metiaux // ESA, II, Helsinki, 1927. Криптова-Гракова О. А. Стенное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы // ММА, 1955. № 46; Мерперт Н. Я. Срубная культура Восточной Чувашии // ММА, 1962. № III.
- 2 Мерперт Н. Я. Из древнейшей истории Среднего Поволжья // ММА, 1958. № 61. С. 101.
- 3 Халиков А. Х., Лебединская Г. В., Герасимова М. М. Пенкинский курган // Тр. Марийск. арх. экспедиции. И-Ола, 1966. Т. III. С. 29.
- 4 Качалова Н. К. Абашевские элементы в срубной культуре Нижнего Поволжья // Археологический сборн. Эрмитажа. Л., 1976. С. 5.
- 5 Филиппенко П. П., Третьяков П. Н. Абашевская культура в Поволжье // ММА, 1961. № 97. С. 91.
- 6 Сальников К. В. Очерки древней истории Восточного Урала. М., 1967. С. 145; Качалова Н. К. Указ. соч. С. 12.
- 7 Лисеров П. Д. Племена Среднего Дона в эпоху бронзы. М., 1964. С. 148-151; Пухляк А. Д. Абашевская культура в Подонье. Воронеж, 1971. С. 136.
- 8 Советские по проблемам неолита и бронзового века Поволжья и Приуралья. Куйбышев, 1976.
- 9 Генинг В. Ф. Могильник Синташта и проблема ранних индоиранских племен // СА. 1976. № 4.
- 10 Пухляк А. Д. Погребальные абашевские памятники. Воронеж, 1977. С. 23.
- 11 Мерперт Н. Я. Срубная культура... С. 20-21; Gimbutas M. Bronze Age Cultures in Central and Eastern Europe. London-Paris, 1965. P. 546.
- 12 Синицын И. В. Работы Заволжского отряда Сталинградской экспедиции // КСМА. М., 1956. Вып. 63. С. 80 и далее.
- 13 Максимов Е. К. Памятник эпохи бронзы у ст. Карамыш Саратовской области // ТООКМ. Саратов, 1956. Вып. 1.
- 14 Синицын И. В. Археологические раскопки на территории Нижнего Поволжья // Учен. зап. Саратов, 1947. Т. XVII. С. 77-81.
- 15 Археологические исследования Заволжского отряда (1951-1953 гг.) // ММА. М., 1958. № 60. С. 155-157.
- 16 Синицын И. В. Древние памятники Саратовского Заволжья // Археологический сборн. Саратов, 1966. С. 47-48.
- 17 Синицын И. В. Археологические исследования Заволжского отряда... С. 42.

- 18 Синицын И.В. Археологические раскопки на территории Нижнего Поволжья ... С. 97-100.
- 19 Rau P. Neue Funde aus Hockergräbern des Wolgadeutschen Gebiets // ESA, Helsinki, 1929. IV. S. 54-55.
- 20 Синицын И.В. Древние памятники в низовьях Бруслана (по раскопкам 1954-1955 гг.) // ММА. М., 1960. № 78. С. 130.
- 21 Там же. С. 79-80, 92-93.
- 22 Смирнов К.Ф. Курганы сел Иловатка и Политотдальское Сталинградской области // ММА. М. 1959. № 60. С. 240-241.
- 23 Смирнов К.Ф. Быковские курганы // ММА. М., 1960. № 78. С. 171-174, 186-187.
- 24 Шилов В.П. Очерки по истории древних племен Нижнего Поволжья. Л., 1975. С. 109-110.
- 25 Шилов В.П. Проблемы освоения степей Нижнего Поволжья в эпоху бронзы // Археологический сборн. Эрмитажа. 1964. № 6. С. 92; Он же. Очерки по истории древних племен Нижнего Поволжья. Л., 1975. С. 109-110.
- 26 Пряхин А.Д. Погребальные абашевские памятники...
- 27 Рыков П.С. Археологическая экспедиция на Хопре. Сообщение ГАИМК. М.; Л., 1931. Вып. 8. С. 34.
- 28 Кривцова-Гракова О.А. Степное Поволжье и Причерноморье...
- 29 Полесских М.Р. В недрах времен. Пенза, 1956. С. 34-35.
- 30 Там же. С. 36-37.
- 31 Там же. С. 33-36.
- 32 Бадер О.Н., Халиков А.Х. Памятники балановской культуры // САИ. М., 1976. В I-25. С. 79-80.
- 33 См. об этом: Кузьмина О.В. Срубно-абашевские взаимоотношения в лесостепном Поволжье // Науч. тр. Куйбышевского пединститута. Куйбышев, 1978. Т. 221. С. 43-46.
- 34 Васильев И.Б. Раскопки курганов на р. Самара. АО-1970. М., 1971. С. 161-162.
- 35 Васильев И.Б. Раскопки в Куйбышевской области. АО-1973. М., 1974. С. 134.
- 36 Гольмстен В.В. Археологические памятники Самарской губ. // Тр. съезда археологии РАИОН. М., 1928. Т. IV.
- 37 Смирнов К.Ф., Попов С.А. Работы в Оренбургской области. АО-1967. М., 1968. С. 114.
- 38 Буров Г.М. Курганы бронзового века близ Ульяновки. Ульяновск, 1974.
- 39 Халиков А.Х. Ново-Мордовские курганы (ранние связи срубных и приказанских племен) // ММА. М., 1965. № 130. С. 148.
- 40 Казаков Е.П. Погребения эпохи бронзы могильника Такталачув // Древности Иско-Бельского междуречья. Казань, 1978.
- 41 Халиков А.Х. Древняя история Среднего Поволжья. М., 1969. С. 255-256; Он же. Приказанская культура // САИ. М., 1980. В I-24.

42 Качалова Н.К. Относительная периодизация срубных погребений Нижнего Поволжья // Науч. тр. Куйбышевского пединститута. 1978. Т. 221. С. 20.

43 Stone J.E., Tomas L. The use and distribution of faience in the Ancient East and prehistoric Europe // Proceedings of the prehistoric Society' New Series. V, XXII.

44 Rykov P.S. Die Chvalinsker kultur...

45 Tallgren A.M. La Pontide prescythique... P.90-91, 142.

46 Gimbutas M. Borodino, Seima and their Contemporaries // Proceedings of the prehistoric Society. New Series. V. XXII.

47 Мерперт Н.Я. Из древнейшей истории...

48 Качалова Н.К. Относительная периодизация ... С. 19.

49 Качалова Н.К. Племена Нижнего Поволжья в эпоху средней бронзы : Автореф. дис... Л., 1965; Мерперт Н.Я. Древнейшие скотоводы Волжско-Уральского междуречья. М., 1974. С. 151.

50 Пряхин А.Д. Абашевская культура в Подонье ... С. 130.

51 Пряхин А.Д. Указ. соч. С. 189.

52 Сизов И.В. Скорняковские курганы // Древности .М., 1988. Т. XII. Вып. 2.

53 Корнюшин Г.И. Курганы эпохи бронзы у с. Старая Тойда Воронежской области // КСИА. 1971. № 127.

54 Пряхин А.Д. Курганы поздней бронзы у с. Старосрьезо // СА. 1972. № 3.

55 Степанов П.Д. Памятник абашевской культуры в Мордовии. АО-1968. М., 1969. С. 153-154.

56 Халиков А.Х., Лебединская Г.В., Герасимова М.М. Пенкинский курган ... С. 30-31.

57 Сальников К.В. Очерки древней истории Южного Урала. М., 1967. С. 18 и далее.

58 Федорова-Давыдова Э.А. Андроновское погребение XV-XIII вв. до н.э. // Тр. ИИМ. М., 1967. Вып. 37.

59 Федорова-Давыдова Э.А. Новые памятники эпохи неолита и бронзы в Оренбургской области // ВАУ. Свердловск, 1962. Вып. 2. С. 19-20.

60 Федорова-Давыдова Э.А. Памятники эпохи бронзы на р. Кинделе // Экспедиция ИИМ. М., 1969. С. 74 и далее.

61 Мажитов Н.А. Исследования в Южной Башкирии // АО-1968. М., 1969. С. 163.

62 Формозов А.А. Археологические памятники в районе г.Орска // КС ИИМК. 1951. Вып. XXXVI. С. 120.

63 Генинг В.Ф. Могильник Синташта ...

64 Смирнов К.Ф., Кузьмина Е.Е. Происхождение индо-иранцев в свете новейших археологических открытий. М., 1977.

65 Бадер О.Н. Бассейн Оки в эпоху бронзы. М., 1970. С. 100 и далее.

- 66 Черных Е.Н. Из истории металлургии племен эпохи бронзы в Поволжье и Приуралье // Памятники эпохи бронзы юга Европейской части СССР. Киев, 1967. С. 203.
- 67 Попова Т.Б. Новый памятник поздняяковской культуры // СА. 1967. № 1. С. 243-245.
- 68 Бадер О.Н., Халиков А.Х. Памятники балазовской культуры...
- 69 Халиков А.Х. Древняя история Среднего Поволжья. М., 1968. С. 252-253.
- 70 Там же. С. 242-243.
- 71 Бадер Ю.Н. Древнейшие металлургии Приуралья. М., 1964.
- 72 Черных Е.Н. Указ. соч. С. 199-200.

Н.М. Малов

ПОГРЕБАЛЬНЫЕ ПАМЯТНИКИ ПОКРОВСКОГО ТИПА В НИЖНЕМ ПОВОЛЖЬЕ

В 20-е годы П.С. Рыков впервые выдвинул среди поволжских древностей эпохи бронзы своеобразную группу погребений "Стадия-С", которые сейчас рассматриваются исследователями как памятники покровского типа с абашевскими элементами. В Нижнем Поволжье они распространены преимущественно от пограничья лесостепи-степи вплоть до северных окраин полупустыни¹. В основном это бассейны Волги от устья Чагры и верховьев Терешки на севере, а на западе до верховьев Медведицы и Иловли. На юге они известны вплоть до Прикаспийской низменности, а на востоке до правого берега Урала. Самым восточным памятником является разрушенный курган близ с. Рубежа, откуда происходит колоколосидный горшок². В восточном ареале памятники покровского типа территориально смыкаются с южно-уральскими абашевско-алакульскими, западная граница которых очерчивается по верховьям Урала³. Имеющиеся к настоящему времени материалы свидетельствуют не только о непосредственном проникновении абашевско-алакульских племен в Нижнее Поволжье из Приуралья⁴, но и о территориальной близости, а также наличии прямых контактов между алакульцами и срубно-абашевскими племенами.

В данном исследовании учтены подкурганые захоронения с абашевской и срубно-абашевской керамикой, но здесь известны четыре грунтовых могильника, где встречена такая же посуда. Несколько срубно-абашевских сосудов найдены в могильнике около с. Н.Привольное на

левом берегу Волги и один горшковидный сосуд — близ с. Алексашкино на р. М.Узень ⁵.

К погребениям покровского типа можно отнести захоронения № I, 2 третьего Алексеевского правобережного грунтового могильника, около которых на жертвенной площадке встречена срубная и срубно-абашевская керамика ⁶. Очковидная привеска и долотоидное орудие данного памятника близки абашевцам ⁷.

Абашевская посуда происходит также с площади второго Алексеевского грунтового могильника и из погребения № 8, где на дне могилы помещена, вероятно, женщина и два младенца, а верхняя часть ямы, по мнению авторов, была разрушена вторичным захоронением ребенка с колоколовидным сосудом ⁸. Все четыре костяка, скорее всего, представляет собой единое ярусное престижное погребение, где в нижнем ярусе помещена женщина с двумя детьми, а в верхнем — третий ребенок. Подобное сочетание ярусных погребений наиболее характерно для племен алакульской культуры, где были сильны традиции матригенности ⁹. В данном случае алакульские параллели подкрепляются наличием в погребении новокумакской посуды.

Курганные могильники. Если грунтовые могильники единичны, то курганов известно 81, что позволяет считать подкурганный обряд погребения ведущим. Они неравномерно распределены между 45 курганными группами, расположенными вблизи воды, чаще всего на краю надпойменной террасы. Только в местности Лесной Кордон курган находился в пойме.

Обычай сооружать курганы и располагать их около воды известен в Нижнем Поволжье с эпохи ямной культуры и, вероятно, представляет собой явление характерное для какой-то части индоевропейских и индоиранских племен этого времени. Слово "курган" — общеиндоевропейское, а возведение насыпей над умершим близ воды прослеживается у индоиранцев ¹⁰. В скифской модели мира, восходящей еще к общезарийскому периоду, вода соотносится с хтоническим миром ¹¹. Возможно поэтому у срубных и срубно-абашевских племен вода также связывается с нижним миром, а река рассматривалась как одно из средств "переправы" и достижения "царства мертвых".

Характеристика могильных ям. Из 142 учтенных нами захоронений 100 (70%) расположено в материке, 30 (21%) — в насыпи, 12 (9%) — на древнем горизонте. Перекрытие прослежено только в 42 могилах и только в 13 отмечены его следы, а вид и способ не установлены.

Обычно оно представляет собой колотые плахи, реже — бревна. Доски, хворост и камыш использовались в единичных случаях.

Перекрытие чаще всего фиксируется в материковых взрослых захоронениях; в впускных, обычно детских, оно не прослеживается. Вероятно, некоторые могилы устраивались без перекрытия. Так, в курганах № 10, 12 второго Натальинского могильника ямы были забутованы глиной с прослойками сажки. Наиболее распространено поперечное перекрытие, зафиксированное в 23 могилах, а продольное только в 8. В кургане № 9 Покровского могильника продольные плахи помещались на поперечных, сверху же лежал ещё хворост. Подобные двойные накатники, хотя и известны в срубной культуре Поволжья, практиковались крайне редко, как и устройство рам-срубов¹². В ниже-волжских памятниках покровского типа остатки венца от сруба прослежены дважды: в группе Горюши — 5 (к. I, п. 2) и Ш. Карамыш (к. 4, п. 3). Кроме того, в одном случае покойник был накрыт широкими досками, а стенки могилы, возможно, обложены плахами (Иловатка, с.в. группа, к. 3, п. 2).

Выделяется группа из восьми наиболее престижных или социально значимых захоронений, где на дне могилы прослежены ямки, иногда с остатками столбов диаметром более 40 см (Покровск, к. 7, п. 2, 3; к. 8; Усатово, к. 5, п. 8; Иловатка в. гр., к. 2, п. 7; Бажово-I, к. 9, п. 4; Орошаемый, к. I; Бордаевка, к. I, п. 2I). Здесь обычно один-два столба вкапывались по центру могилы и подпирали длинную продольную маточную балку, на которую сверху помещалось поперечное перекрытие. Только в погребении № 3 кургана 7 близ Покровска было устроено три ряда столбов — по четыре по краям и два в середине.

Предпосылки для сложения идеологических представлений, связанных с устройством конструкции из дерева в лесостепном и степном Поволжье, начинают складываться ещё в полтавкинско-катакомбное время. В позднекатакомбном погребении Царьинского кургана, маточную балку также поддерживали опорные столбы¹³. В некоторых случаях деревянные конструкции и ямки от столбов фиксируются у средневолжских полтавкинцев и катакомбников юго-востока¹⁴. Позже сооружения, представлявшие собой модель "дома живых", встречаются у доно-волжских абашевских и андроновских индоиранских племен¹⁵, а в Нижнем Поволжье чаще всего в покровско-абашевских комплексах.

Ведущей формой погребальной камеры является прямоугольная мо-

гильная яма. Крайне редко бывают квадратные /5/, овальные или округлые /5/, а также трапециевидные /4/ в плане могилы. В десяти случаях вдоль края ямы устраивались ступеньки. Они располагались по всему периметру (Скатовка, к. II; Бородаевка, к. I, п. 20; Усатово, к. 5, п. 8), вдоль западной стенки (Осиновка, к. I, п. 3; к. 7, п. 4; Бородаевка, к. I, п. 7), в углу или вдоль одной из длинных и коротких стенок (Быково-I, к. 8, п. 8; к. 9, п. 4). Ступеньки наиболее характерны для захоронений "престижных" лиц. Различное положение уступов по отношению к стенкам могилы, находки на них костей жертвенных животных позволяют полагать, что они предназначались не только для размещения накатника.

Все перечисленные выше формы могильных ям известны в Нижнем Поволжье в ямной, полтавкинской и срубной культурах. Что касается ступенек, то они иногда встречаются в захоронениях абашевской общности¹⁶, срубно-абашевских памятниках лесостепного Поволжья¹⁷, а у ранних срубников лесостепного Заволжья рассматриваются как черты обряда, заимствованные от полтавкинских племен¹⁸. Следует отметить, что появление ступенек на раннем полтавкинском этапе связывается с влиянием катакомбников¹⁹, у которых такой элемент существует более длительное время, вплоть до второй половины II тыс. до н.э.²⁰

Длинной осью ямы чаще всего ориентированы на СВ-ЮВ (40) и С-Ю (33), реже на СЗ-ЮВ (II) и В-Ю (4). Ориентировка могил по сторонам света указывает на связь погребального культа с почитанием солнца²¹. Наиболее близкими к абашевской культуре по ориентировке являются немногочисленные ямы, направленные длинными стенками по линии СЗ-ЮВ, что встречается во всех абашевских регионах, но преобладают, в основном, в Среднем Поволжье²² и в большинстве центральных петровских захоронений²³. В целом, изменение ориентировки указывает на существование определенной сезонности совершения погребальных церемоний²⁴.

Стенки могильных ям обычно отвесные, а дно ровное. Только в погребении № 3 кургана 7 близ Осиновки вдоль трех стенок устроены небольшие канавки, что перекликается с элементами обрядности средневожских полтавкинцев²⁵.

В зависимости от размеров могильных ям, а также половозрастной принадлежности погребенных, они подразделяются на три компактные группы.

Первая группа представлена десятью ямами самого крупного раз-

мера со сложным перекрытием, предназначенными для социально значимых мужчин и сопровождающих их лиц, а также коллективных захоронений. Сюда вошли следующие комплексы: Покровск, Ю-В гр., к. 7, п. 3; к. 8; к. 15, п. 2; к. 35, п. 2; Скатовка, к. II; Бережновка, Ю-В гр., к. I, п. 13; Максимовка, к. 2, п. 3; Бородаевка, к. I, п. 21; Усатово, к. 5, п. 8; Медяниково, к. 6, п. 4. Длина могил здесь колеблется в пределах 3,3-5,3 м, ширина - 2-3,3 м, а глубина достигает в материке 2,85 м. Могильные ямы имеют наибольший объем и их сооружение требовало крупных трудовых затрат.

Взрослую группу составляют более пятидесяти ям среднего размера, длина 1,5-2,8, ширина около 0,9-2,3 м. Они содержат в основном взрослые и коллективные захоронения, кенотафы и трупосожения. В трех случаях встречены детские могилы. В целом же погребения в ямах среднего размера принадлежали, вероятно, лицам менее социально значимым, чем в могилах первой группы. Однако по инвентарю здесь можно проследить социальную и половозрастную дифференциацию, а также выделить погребения мужчин-воинов или родоплеменной знати.

Третья группа включает в себя достаточно выразительную серию из более тридцати ям самого меньшего размера, устроенных для детей и подростков. Исключение составляет женская и коллективная могилы. Длина могильных ям достигает 0,6-1,5, ширина 0,5-1,2 м.

Таким образом, могильные ямы сооружались в строгом соответствии с принадлежностью умершего к определенной возрастной и социальной группе. Следовательно, размер могилы не может в данном случае рассматриваться как хронологический показатель, а отражает социальную и половозрастную стратификацию, существовавшую у населения оставившего погребения покровского типа.

Ритуальные остатки в виде мела, органической подстилки, охры, вещей на краю могилы или на перекрытии, а также следов действия огня прослежены только в 46 могилах. Среди этих погребений преобладает взрослые - 26, а также неординарные (кенотафы, трупосожения, коллективные) могилы.

Остатки подобных ритуальных манипуляций отмечены в 36% взрослых и в 6% детских захоронений, но в престижных взрослых мужских они обязательны. Захоронения взрослых лиц чаще всего сопровождались сложными ритуальными действиями, а детские, напротив, отличались их простотой. Данная традиция начинает складываться в первобытном обществе очень рано. Более простой ритуал детских погребений, по сравнению со взрослыми, отличается с неакцентированной

эпохи ²⁶. Следует признать, что использование мела, охры и осуществление других ритуальных действий не типично для основной массы не только детских, но и взрослых захоронений.

Следы от мягкой органической подстилки выявлены в 18%, дерево, дуб и береста — в шести могилах, мел прослежен на дне 14 могил, красная охра — в 9. Все это вместе взятое указывает на спорадическое их применение. Вероятно, это связано с тем, что у индо-иранцев белый цвет соответствовал сану жрецов, а красный — воинам ²⁷. Обычно красная охра фиксируется в виде отдельных пятен на ступнях, костях рук и черепа, а в одном случае — на клинке ножа (Покровск, к. 7, п. 3). Охра других расцветок отмечена в четырех могилах.

На применение огня указывают остатки золы, угольков, сажи сохранившихся на дне или в заполнении могил. Кострища отмечены только при трех взрослых социально значимых погребениях. В Иловатке (С-В гр., к. 3, п. 2) костер расположен на дне ямы, а в Покровске (к. 7) — на краю двух могил. Возможно, с срубно-абашевским погребением связано кострище в кургане № 25 первого Бережновского могильника ²⁸. Свидетельства использования огня в погребениях покровского типа немногочисленны и отмечены только в 19 захоронениях.

В погребениях покровского типа обрядовые действия с огнем начинались после помещения покойника на дно могилы, как у поздних срубовиков, а не ранних, что, вероятно, отражает их хронологическое соотношение ²⁹. Применение огня во время погребальных церемоний известно было ямным и полтавядинским племенам ³⁰, а в последующем нашло отражение в срубной и абашевской культурах, как и использование растительной подстилки, охры и мела.

К трупосожжениям относятся: карамышское захоронение с наконечником копья и, видимо, впускное погребение на "Жареном бугре" близ Саратова, осуществленные на стороне. Сочетание, вероятно, двух трупосожжений на стороне и одного трупоположения встречено в могильнике Натальино-II (к. 17, п. 3).

Несмотря на то, что для абашевских культур в различной степени характерен культ огня, следов трупосожжений почти не встречено ³¹, поэтому их появление в Нижнем Поволжье вряд ли следует связывать с абашевцами ³². Трупосожжения спорадически встречается в Европе с неолитической эпохи, указывая на существование веры в загробную жизнь души и на попытки людей освободить от нее тело — дать ей возможность улететь на небо ³³, что восходит своими корнями к ре-

литговым представлениям индоевропейских и особенно индоиранских народов ³⁴.

Инвентарь содержали все погребения. Помещался он обычно на дно, крайне редко на перекрытие или на край могилы. Взрослые захоронения содержат большее число инвентаря, чем детские, и он, как правило, значительно разнообразнее.

Керамика и другая посуда. Обычно в погребении присутствует от одного (68%) до двух (30%) сосудов. В коллективных и иногда престижных захоронениях керамика представлена 3-6 экземплярами. Точное место положения удалось определять только у 167 сосудов, которые чаще всего ставались около головы и рук покойников (60%), то есть рядом с лицом, иногда рядом со ступнями ног (18%). В остальных случаях посуда помещалась у колена или за спиной умершего, на краю могилы и на перекрытии. Судя по нагару, имеющемуся на внутренней части стенок, и потекам на внешней поверхности сосудов, они ставились в могилу не пустыми, а с какими-то жидкими продуктами.

Кроме того в престижных взрослых захоронениях найдена фрагментированная деревянная посуда (Покровск, к. 7, п. 3; Скотонка, к. II; Быково- I, к. 9, п. 4; В.Балыклей-II, к. 2, п. 4) и днища от берестяных туесков и корбочек (Чардым, к. I, п. 9; Натальино-II, к. IО, I4, I8, п. 5). Погребения с деревянными чашами рассматриваются исследователями как вместилща Сомы и позволяют предположить наличие в срубной и одновременных с ней культурах людей, выполнявших жреческие функции. ³⁵ Существует точка зрения, согласно которой деревянная посуда была привнесена в Поволжье абашевско-катакомбными племенами Подонья и Украины ³⁶. Однако нельзя исключать и местные истоки её возникновения потому, что она известна в "богатом" ямном погребении Скотонского могильника ³⁷ и в полтавкинском захоронении с острова "Солнечный" близ г. Балаково ³⁸. Берестяные туески и корбочки, несомненно, являются элементами лесных племен и, судя по имеющимся данным, наибольшее распространение получают в Поволжье вместе с появлением абашевских и срубно-абашевских комплексов ³⁹. Аналогичный туесок был найден на Мало-Казыньском селище ⁴⁰.

Из остального инвентаря в могилах относительно много украшений и деталей одежды (27%), а также оружия (24%). Оружия труда помещались реже (13,3%) и только взрослым. Иногда украшения и оружие встречаются в могилах подростков, которые, видимо, вместе с мужчинами входили в состав военных отрядов ⁴¹.

Украшения и детали одежды обычно происходящие из женских могил изготавливались из бронзы: браслеты (14), бусы (13), пластины от наконечников (5), височные подвески (27), бляшка (1). Костяные предметы немногочисленны и обычно представлены кольцами и пронизями (6), "пряжками" (3), застежкой (9) и клыками животных (56), значительная часть которых происходит из Покровского могильника (к. 35, п. 2).

Характерной деталью женского костюма, а иногда и мужского, являются сурьмяные и пастовые бусы, обнаруженные в 2I захоронении. При этом в кенотафе кургана № 9 могильника Быково-I найдено 750 бусин из пасты, а в центральном женском погребении кургана № 4 близ Терновки их было 96, а сурьмяных - 146. В могиле они концентрируются около шеи, локтей, груди или пояса, но иногда встречаются в стороне от умершего. Пастовые и сурьмяные бусы - высокоценные для того времени изделия переднеазиатского, ближневосточного и кавказского импорта⁴², довольно часто входят в состав инвентаря захоронений первых двух этапов срубной культуры Нижнего Поволжья⁴³. Сурьмяные украшения поступали в Поволжье, вероятно, из восточного Предкавказья, где они встречаются с ямной эпохи⁴⁴. Скорее всего, бусы из пасты и сурьмы поступали к срубным племенам Поволжья от катакомбников, а затем и к алакульцам, потому что в южную и западную Сибирь пастовые бусы проникают позже⁴⁵. Во всяком случае, в алакуле изделия из пасты появляются достаточно рано (Верхняя Алабуга, Раскатица)⁴⁶; известны они также в культуре многовашиковой керамики⁴⁷.

Кроме пастовых бус катакомбные элементы представлены в виде подобной могил не только в КМК и Синташтинском могильнике⁴⁸, но и в срубной культуре пограничья степи-полупустыни Волго-Уральского междуречья, то есть на периферии катакомбного мира. Четыре подобной могилы известны на Еруслане⁴⁹, одна в кургане № 2 близ поселка Спартак на правом берегу Урала⁵⁰, а также вероятные остатки катакомбы с дромосом зафиксированы в Венгеловке (к. 3, п. I)⁵¹.

Катакомбные черты, в различной степени представленные в КМК, алакуле и срубной культуре Поволжья, являются для данных культурных образований одним из общих связующих генетических компонентов. Примечательно, что в степях Нижнего Заволжья погребения срубной культуры, совершенные в подбоях, не содержат абашевских вещей и керамики. Вероятно, они предшествуют во времени началу распространения покровско-абашевских памятников в степном Заволжье.

Оружие. Наиболее распространенной категорией оружия являются бронзовые ножи, происходящие из 29 погребений, а также наконечники стрел из камня и кости, имеющиеся в 10 могилах. Однако наконечники стрел отсутствуют в детских и женских захоронениях, поскольку они, как и ножи-кинжалы, являлись атрибутом взрослых мужчин. В виде исключения ножи имелись в трех женских и двух подростковых погребениях. В срубной культуре Нижнего Поволжья сейчас известно более 100 экземпляров ножей-кинжалов. Столь широкое их распространение следует объяснять тем, что они являлись повседневным мужским оружием пастухов-скотоводов, которым в случае необходимости могли пользоваться как кинжалом ⁵².

Относительно наконечников стрел следует отметить, что иногда они встречаются в могилах не в качестве инвентаря, а попадали сюда вместе с погребенным, пораженным из лука. В этих случаях наконечники стрел лежат между ребер (Покровск, к. 7, п. 3; Максимовка, к. 2, п. 3) или в области плеча (Покровск, к. 23). Имеются данные, позволяющие полагать, что стрелы хранились в берестяных тесках (Натальино-П, к. 14) или колчанах, остатки которых были встречены вместе с луком в скатовском кургане № II. Здесь колчан содержал наибольшее количество стрел - 13.

Из других предметов вооружения достаточно широко представлены бронзовые наконечники копий (Покровск, к. 7, 8, 15; Карамыш), навершия булав (Осиновка, к. 1, п. 2; В.Балыклей, к. 6, п. 6; Натальино-П, к. 10) и топор (В.Балыклей, к. 6, п. 6), изготовленные из камня, являвшиеся кроме того инсигниями власти. К категории оружия нами также отнесены "галыки", представлявшие собой, вероятно, пращевые камни.

В Покровском кургане № 7 (п. 3) копьё было воткнуто остриём в дно могилы. Несомненно, это связано с какими-то определенными религиозными представлениями, имевшими широкое распространение в различных регионах. В изголовье гроба Мес-калам-дуга в Уруке стоял ряд копий воткнутых остриями в землю ⁵³, а по этнографическим источникам такое положение предмета представляло собой освобождение души вещи или её "умерщвление" ⁵⁴.

Рассмотренная категория инвентаря в совокупности представлена оружием дистанционного (остатки лука, колчана, стрел, пращевые камни) и ближнего (древковое копьё, нож-кинжал, топор, булава) боя. Ножи, булавы и топоры могли успешно использоваться в рукопашной схватке.

Орудия труда и быта. Короткие четырехгранные бронзовые стержни, с одним или двумя заостренными концами, определяемые археологами как шилья или чеканы для выбивания орнамента на металлической посуде, происходят из 10 захоронений. В отдельных могилах их имеется до трех экземпляров, а на некоторых сохранились остатки деревянных ручек⁵⁵. Оригинальное предположение о том, что эти орудия служили для татуировки "... люди абашевской культуры ходили ... с узорами на лицах"⁵⁶, хотя и заманчиво, но его сложно доказать. Хотя кроме утилитарного применения в повседневной жизни шилья и нож могли использоваться в каких-то ритуальных действиях, например, связанных с обрядом инициации⁵⁷.

Бронзовое тесло из Покровского могильника (к. 35, п. 2) лежало на дне могилы ребром, и, вероятно, представляло собой орудие в виде кирки или мотыги с деревянной коленчатой рукоятью, использовавшееся также в качестве топора⁵⁸. Два серповидных орудия из бронзы (Аткарск, к. 27; Новолиповка, к. 29) связаны с земледельческой деятельностью, а каменные плитки (Бородаевка, к. I, п. 2I) служили абразивами или терочниками. Из деталей конской упряжи достаточно выразительны нащёчные бляшки (Иловатка С-В гр., к. 3, п. 2), три дисковидных псаля Старокривеньского типа (Бородаевка, к. I, п. 2I; Старицкое, к. I, п. 2) и прямоугольный псалий из Усатова (к. 5, п. 8).

Относительно трех костяных трубочек, следует признать, что к их интерпретации следует подходить более дифференцированно. Некоторые из них могли использоваться для стимулирования процесса доения молока⁵⁹. В погребении 3 покровского кургана № 7 было помещено костяное изделие, определенное П.С.Рыковым как музыкальный инструмент — в виде свирели с вставной плоской орнаментированной пластиной. Скорее всего, этот предмет напоминает рукоять плетки; а костяная трубочка из Карамыша⁶⁰ — съёмную головку от аналогичного изделия⁶¹.

Преимущественно из женских захоронений происходят предметы, связанные с прядильно-ткацким производством, изготовлением одежды и, вероятно, обуви: костяные пряслица (Наталино-П, к. 3, п. I; к. 4, п. 8; к. 18, п. 5), проколки (Старицкое; Бородаевка, к. I, п. 20), бронзовые иглы (С. Саратовка-I, к. 6, п. 4; Наталино-П, к. 4, п. 8).

Кости животных присутствуют в 68 (43,5%) погребениях. Из них:

во взрослых - 27 (13 мужских, 6 женских, остальные без определения пола), детских - 27, коллективных - 5, кенотафов - 3. Чаще всего кости лежат на дне (47), реже на краю (21) и в единичных случаях в заполнении могилы куда они, скорее всего, попали с рухнувшего перекрытия. В четырех могилах их помещали в сосуды или клали под них.

По видовому составу преобладают кости овец (22) и крупного рогатого скота (15). Меньшим числом представлены кости лошади (7), птицы (2) и рыб (1). Кроме того в пяти захоронениях были положены створки речных раковин, а в одном - яичная скорлупа. Подобные находки известны в более древних археологических памятниках и свидетельствуют о сборе моллюсков и употреблении в пищу яиц птиц ⁶². Единичные погребения с костями птиц и скорлупой яиц встречаются в Нижнем Поволжье в ямной, полтавкинской и срубных культурах, где кости рыбы также редки ⁶³. Присутствие в могилах почти исключительно костей домашних животных позволяет считать производящее скотоводческое хозяйство основным занятием срубно-абашевских племен.

Определенный интерес представляет то, что чаще всего при совершении захоронения клали череп (20), альчики (18) или обрубленные по колени ноги животных, что, в свою очередь, связано с обычаем оставлять шкуры домашних жертвенных животных, имевших распространение не только в срубной, но и в других, преимущественно скотоводческих, культурах лесостепной и степной Евразии ⁶⁴.

Останки погребенных свидетельствуют о том, что обряд ингумации или труположения (92,8%) был основным. Кроме того есть кенотафы (5%), трупосожжения (1,5%) и одно биритуальное (0,7%). Из числа могил с труположением преобладают индивидуальные (82,8%), коллективных - меньшинство (10%). Среди последних больше всего парных (6) и тройных (5); в двух могилах находилось по четыре скелета.

Кроме трупосожжений и кенотафов было учтено 152 костяка. При этом взрослых оказалось 71, а детских и подростковых - 79. К детским и подростковым были отнесены погребенные в возрасте до 15 лет. Максимальный возраст взрослых лиц достигал 45-55 лет. Из общего числа взрослых скелетов к женским можно отнести 19, а к мужским - 27. В остальных случаях пол не известен даже предположительно.

При труположении наиболее устойчивой ориентировкой умерших

является северная - 40 (31%) и северо-восточная - 60 (46%). Гораздо реже костяки ориентированы черепом на восток - 12 (19%) и северо-запад - 12 (9%). Небольшим количеством представлена западная - 1 (0,6%), южная - 3 (2%) и юго-западная - 3 (2,2%) ориентировки. Такие отклонения характерны, в основном, для скелетов, происходящих из коллективных могил. Северная и северо-восточная ориентировки в равной степени присущи как детским, так и взрослым погребениям. Ориентация на восточную и северо-западную сторону света пока ни разу не зафиксирована для женщин, но есть у мужчин и детей. Можно предполагать, что в эти стороны света ориентировали какую-то часть мужского населения и, вероятно, связанных с ним детей и подростков. Кроме того у мужчин северная ориентировка значительно преобладает (10) над северо-восточной (7), а у женщин наоборот. Однако являются ли эти наблюдения отражением какой-то закономерности, пока судить трудно из-за малочисленности материала.

Кенотафов всего зафиксировано - 7 (Покровск, к. 8; Быково-1, к. 9, п. 4; Осинковка, к. 1, п. 2; к. 1, п. 3; В.Балыклей-П, к. 6, п. 6; Новосуевск, к. 1, п. 12; к. 1, п. 16). Условные погребения редко встречаются в срубной культуре Поволжья, хотя в лесостепных районах они характерны именно для раннесрубного и срубно-абашевского периодов⁶⁵. Близкие параллели (могильные ямы без костяков) находят в абашевских культурах⁶⁶, а также в Турбинских могильниках, в которых господствовал обряд сооружения кенотафов⁶⁷. Это тем более симптоматично, поскольку "... для Турбина взаимосвязи с абашевской общностью являются практически единственными"⁶⁸.

Можно допустить, что наибольшее распространение в срубной культуре степного Поволжья кенотафы получили вместе с продвижением на эту территорию абашевского населения. Однако предпосылки для их возникновения на местной основе прослеживаются с эпохи средней бронзы. Так, например, у катакомбников юго-востока к середине 70-х годов было выявлено не менее 45 кенотафов⁶⁹. Следовательно, кенотафы вообще присущи многим культурам эпохи бронзы степной и лесостепной Евразии в какой-то определенный хронологический период. Ямы без костяков занимают в курганах обычно "престижное" место - ближе к центру, имеют крупные размеры, иногда сложное перекрытие и почти всегда содержат оружие, что позволяет полагать их принадлежность взрослым мужчинам-воинам или родо-племенной знати. Такие необычные захоронения предназначались для людей, занимавших почетное положение в коллективе⁷⁰.

При трупоположении умерших обычно помещали в скорченном положении на левом боку (II7), руки при этом согнуты в локтях, кисти находятся перед черепом или грудью (83), иногда на черепе или под ним (9). Иногда скелет заваливался на грудь (6) или на спину (8). Случай, когда еще не утрачена традиция класть на спину и слабоскорченное положение скелета на боку, с разворотом на спину, по мнению А.Д. Пряхина, — один из признаков синтеза традиции доно-воловской абашевской культуры и срубников ⁷¹.

Захоронения ничком являются нередкими в срубной культуре Поволжья и Приуралья ⁷². У народов Сибири погребения ничком применялись только избранно для умерших, посмертные действия которых вызвали спасения и могли принести живущим несчастья ⁷³. Поэтому люди стремились избавиться от души таких людей, путем погребения их ничком. Такая поза, на наш взгляд, в срубно-абашевских погребениях придавалась специально.

Очень редко в позах погребенных и расположении рук имеются некоторые отклонения от стандартного — скорченного на левом боку, и они фиксируются чаще всего в коллективных и парных могилах, а в индивидуальных гораздо реже. В 6 случаях скелеты находились в скорченном положении на правом боку, а в одном, вероятно, сидя.

У 24 костяков степень скорченности ног слабая, то есть они слегка подогнуты под тушим углом. Слабую скорченность А.Д. Пряхин также считает одним из ведущих элементов при выделении синкретических абашевско-срубных погребений ⁷⁴. Следует отметить, что, по нашим данным, слабоскорченное положение не является преобладающим в позах учтенных захоронений, поэтому судить о степени значимости этого признака для выделения гибридных комплексов с абашевскими элементами рано.

Появление позы "адорации" в Нижнем Поволжье трудно связывать с появлением "абашевцев", поскольку для них более типично иное положение погребенных. В основном это скорченное положение на спине или вытянутое. Следует также признать, что поза "адорации" крайне редко встречается у подтавкинцев степного Поволжья и по этому компоненту у них мало точек соприкосновения со срубниками ⁷⁵. В.И. Мельник предполагает, что появление в катакомбной среде позы "адорации" свидетельствует о начале распространения срубно-андроновской традиции с востока на запад, поскольку в Поволжье надежной базы для её появления нет ⁷⁶. Однако самих восточных

ных погребений Южного Приуралья с такой позой пока мало ⁷⁷. В этом плане весьма заманчивые параллели имеются в катакомбной культуре.

Так, костяки помещенных скорченно на боку с кистями перед лицом известны в катакомбных древностях Калмыкии ⁷⁸, Среднего Подонья ⁷⁹, в бахмутских ⁸⁰ и полтавкинских ⁸¹ захоронениях Волго-Донского междуречья. В предкавказской катакомбной культуре такая традиция не имеет местных истоков и её появление связывается с проникновением в эти районы населения срубной культуры ⁸². Появление данного обрядового признака у среднедонских катакомбников А.Т.Синик объясняет влиянием равнесрубного культурного ареала, хотя и не исключает местное его зарождение ⁸³.

Мы не склонны сводить проблему происхождения срубной культуры степного Поволжья исключительно к влиянию катакомбников, тем более к истокам позы "адорации". Так, на территории Украины подобная поза появляется у местных мезолитических племен относящихся к средиземноморской расе ⁸⁴. Решающим фактором, приведшим к изменению положения погребенного и постепенной трансформации от вытянутости до крайней скорченности, были коренные изменения идеологии местного населения, проникающие в Восточную Европу от племен средиземноморского круга, происходящие параллельно с заимствованием иных культурных достижений Переднего Востока и Средиземноморья ⁸⁵.

Проникновение идеологических представлений, связанных с позой "адорации", имело, скорее всего, эпохальный характер и протекало одновременно на обширной территории, не только к западу, но и к востоку от Волги. Например, аналогичное положение костяков ярко представлено в древнеземледельческой культуре эпохи бронзы Узбекистана ⁸⁶.

При определении пола и возраста погребенных мы использовали немногочисленные, имеющиеся в литературе палеоантропологические определения ⁸⁷. Материалы из наших собственных раскопок были обработаны А.В.Шевченко, любезно предоставившего нам половозрастные данные. К сожалению, нижеволжские памятники покровского типа до настоящего времени рассматриваются антропологами суммарно вместе с "чисто" срубными (Покровск, к. 7, п. 3; к. 21; к. 23; Угатово, к. 5, п. 8; Ровное, к. 10, п. 3).

Основные выводы Г.Ф.Дебеца, относительно черепов эпохи бронзы, в том числе происходящих из покровских могил, сводились к

тому, что они незначительно отличаются от древнейших только небольшой "традиционностью", поэтому нет оснований для предположения о приходе извне населения срубно-хвалынской культуры⁸⁸. В последующем эти данные подтвердились другими исследователями, отметившими неоднородность срубного населения, среди которого представлены два антропологических варианта: один долихокраний, где есть средиземноморские и протоевропейские типы, другой — мезобрахикраний с андроновским и близким к нему типом⁸⁹. А.В.Шевченко объясняет феномен градиллизации срубного населения Поволжья "... метисацией потомков древних ямников и полтавкинцев с пришедшими сюда с запада типоморфными средиземноморцами, морфологически идентичными украинским срубникам"⁹⁰. Нам представляется, что антропологические заключения можно будет конкретизировать только после того как из собственно срубных палеоантропологических материалов будут вычленены смешанные срубно-абашевские, а также полтавкинские комплексы, которые обычно анализируются суммарно.

Произведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что по своим ведущим обрядовым компонентам покровские погребения соответствуют комплексам срубной культуры данного региона. Срубная погребальная традиция здесь является преобладающей, а абашевские элементы представлены слабо. Ряд погребальных черт является нейтральным, то есть они в равной степени представлены в абашевской и в срубной культурах. Это можно объяснить как общими эпохальными явлениями, так и тем, что некоторые компоненты обряда данных культур имеют истоки в памятниках предшествующей ямной культуры и эпохи средней бронзы. Присутствие в целом ряде "престижных" захоронений оружия и символов власти позволяет допускать, что некоторые выходцы из абашевской среды принадлежали к родоплеменной верхушке, что уже отмечалось для алакульских древностей Приоболья⁹¹. Вероятно абашевское воздействие на срубную культуру, также как и на алакульскую, более всего проявилось в военном деле.

П Р И М Е Ч А Н И Я

¹ Малов Н.М. Историография вопроса о срубно-абашевском взаимодействии в Нижнем Поволжье // Древняя и средневековая история Нижнего Поволжья. Саратов, 1986. С. 21-38.

² Железчиков Б.Ф., Кригер В.А. Отчет об археологических работах в Уральской области в 1979 г. // Архив Ин-та ист., арх. и

- 3 Халиков А.Х. Покровско-абашевский этап эпохи бронзы Поволжья и Приуралья // Проблема археологии Поволжья и Приуралья. Куйбышев, 1976. С. 49; Потемкина Т.М. Алакульская культура // СА. 1983. № 2. С. 15-19.
- 4 Потемкина Т.М. Роль абашевцев в процессе развития алакульской культуры // Эпоха бронзы Восточно-Европейской лесостепи. Воронеж, 1984. С. 88, 99-103.
- 5 Дрёмов И.И. Разведки в Саратовской области // АО-1981. М., 1982. С. 145; Пятых Г.Т. Отчет о работе второго Малоузенского отряда в 1978 году // Архив ИА АН СССР. Ф. Р-1. Д. № 7016 (рис. 20, 41, 57).
- 6 Пестрикова В.И. Фатьяновский могильник на севере Саратовской области // Науч. тр. Куйбышев. пед. ин-та. 1979. Т. 230. С. 101 (рис. 2).
- 7 Там же. С. 102 (рис. 3-II); Пряжин А.Д. Погребальные абашевские памятники. Воронеж, 1977. С. III-115 (рис. 21-24, 64, 81).
- 8 Агапов С.А., Ватазина А.П., Пестрикова В.И. Работы на севере Саратовской области // АО-1977. М., 1978. С. 150-151.
- 9 Хлобистина М.Д. Ярусные погребения Евразийских степей в бронзовом веке // КСИА. 1982. № 169. С. 19-20.
- 10 Кузьмина Е.Е. Древнейшие скотоводы от Урала до Тянь-Шаня. Фрунзе, 1986. С. 80, 86.
- 11 Раевский Д.С. Модель мира скифской культуры. М., 1985. С. 27-28.
- 12 Синицын И.В. Древние памятники Саратовского Заволжья // Археологический сборник. Саратов, 1986. С. 10-11; Семенова А.П. Погребальный обряд племен срубной культуры лесостепной зоны левобережья Волги // Автореф. дис... канд. ист. наук. М., 1983. С. 13.
- 13 Круглов А.П., Подгаецкий П.В. Ротовое общество степей Восточной Европы // Изв. ТАИМК. М.; Л., 1935. Вып. 119. С. 134; Смирнов К.Ф. О погребениях с конями и трупосожжениях эпохи бронзы в Нижнем Поволжье // СА. 1957. № XXII. С. 211.
- 14 Фисенко В.А. Погребальный обряд племен катакомбной культуры юго-востока // Археологический сборник. Саратов, 1966. С. 70-71; Качалова Н.К. О локальных различиях полтавкинской культурно-исторической общности // АСИЭ. 1983. Вып. 24. С. 6.
- 15 Пряжин А.Д. Погребальные ... С. 90; Кузьмина Е.Е. Древнейшие скотоводы... С. 86.
- 16 Пряжин А.Д. Погребальные ... С. 88.
- 17 Кузьмина О.В. Взаимоотношения абашевских и срубных племен в лесостепном Поволжье : Автореф. дис... канд.ист. наук. М., 1983. С. 8.
- 18 Семенова А.П. Указ. соч. С. II.
- 19 Васильев И.Б. Среднее Поволжье в эпоху ранней и средней бронзы // Науч. тр. Куйбышев. пед. ин-та. 1979. Т. 230. С. 40-41; Качалова Н.К. О локальных различиях... С. 8.
- 20 Фисенко В.А. Погребальный обряд ... С. 68-69.

- 21 Токарев С.А. Религия в истории народов мира. М., 1976. С.39.
- 22 Прыхин А.Д. Погребальные памятники... С. 89-90.
- 23 Виноградов Н.Б. Южное Зауралье и Северный Казахстан в раннеалакульский период (по памятникам петровского типа) : Автореф. дис... канд. ист. наук. М., 1983. С. 16.
- 24 Иванов В.А. Погребальный обряд как средство реконструкции некоторых космогонических представлений у племен срубной культуры // Науч. тр. Куйбышев. пед. ин-та. 1978. С. 72-73; Шевченко А.В. Антропология населения южно-русских степей в эпоху бронзы // Антропология современного и древнего населения Европейской части СССР. Л., 1986. С. 137-139.
- 25 Качалова Н.К. О локальных различиях... С. 6.
- 26 Тендрякова М.В. Роль погребений в социогенезе сознания первобытного человека // Вестник МГУ. 1987. Серия № 14; Психология. № 1. С. 72-73.
- 27 Смирнов К.Ф., Кузьмина Е.Е. Происхождение индоиранцев в свете новейших археологических открытий. М., 1977. С. 56-57.
- 28 Качалова Н.К. Абашевские элементы в срубной культуре Нижнего Поволжья // АСГЭ. 1976. Вып. 17. С. 5.
- 29 Багаутдинов Р.С. Погребения с сожжением среднего и позднего бронзового века в Поволжье : Автореф. дис... канд. ист. наук. М., 1984. С. 9-16.
- 30 Багаутдинов Р.С. Применение огня в погребальном ритуале ямной и полтавкинской культур // КСИА. 1984. Вып. 177. С. 17-23.
- 31 Прыхин А.Д. Погребальные абашевские... С. 87.
- 32 Качалова Н.К. Абашевские элементы ... С. 6.
- 33 Токарев С.А. Указ. соч. С. 36-38.
- 34 Смирнов К.Ф., Кузьмина Е.Е. Указ. соч. С. 56-57.
- 35 Отрошенко В.В. Деревянная посуда в срубных погребениях Поднепровья // Проблемы археологии Поднепровья. Днепропетровск, 1984. С. 92.
- 36 Пятых Г.Г. О происхождении деревянной посуды срубной культуры Поволжья // СА. 1984. № 2. С. 146-154.
- 37 Черных Е.Н. История древнейшей металлургии Восточной Европы // МИА. 1966. № 132. С. 124 (рис. 34-453).
- 38 Попова Н.И. Отчет об археологических раскопках в 1984 г. // Архив арх. лаб. СГУ.
- 39 Халиков А.Х. Памятники абашевской культуры в Марийской АССР // МИА. 1961. № 97. С. 235; Прыхин А.Д. Погребальные... С.31.
- 40 Сальников К.В. Абашевская культура на Южном Урале // СА. 1954. № XXI. С. 92.
- 41 Прыхин А.Д. Погребальные... С. 151.
- 42 Лопатин В.А., Малов Н.М. Срубные погребения в подбоях на Еруславе // СА. 1988. № 1. С. 136-137.
- 43 Качалова Н.К. Периодизация срубных памятников Нижнего Поволжья // Срубная культурно-историческая общность. Куйбышев, 1985. С. 33; Лопатин В.А., Малов Н.М. Указ. соч. С. 136-137.

- 44 Шилов В.П. Курганный могильник у с. Цаца // Древности Калмыкии. Элиста, 1985. С. 152-153.
- 45 Итина М.А. Могильник бронзового века Какча-3 // Материалы Хорезмской экспедиции. М., 1961. Вып. 5. С. 88-89.
- 46 Потемкина Т.М. Бронзовый век лесостепного Притоболья. М., 1985. С. 164-167. Табл. 17. С. 206-207. Табл. 20.
- 47 Березанская С.С., Отрощенко В.В., Чередниченко И.Н., Шарфутдинова Н.Н. Культуры эпохи бронзы на территории Украины. Киев, 1986. С. 26-37 (рис. 8-1, рис. 9-8, рис. 11-1).
- 48 Там же. С. 37.
- 49 Лопатин В.А., Малов Н.М. Указ. соч.
- 50 Кригер В.А. Отчет об археологических раскопках на территории Уральской области в 1981 году // Архив ИИАЭ Каз. ССР. Ф-1. Д. № 417.
- 51 Лукашов А.В. Отчет о работе Заволжской экспедиции ВПИ в Палласовском районе Волгоградской области за 1982 год // Архив ИА АН СССР. Ф. Р-1 № 9247 (рис. 107).
- 52 Кривцова-Гракова О.А. Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы // МИА. 1955. № 46. С. 54.
- 53 Булли Л. Ур халдеев. М., 1961. С. 57.
- 54 Косарев М.Ф. Бронзовый век западной Сибири. М., 1981. С. 249.
- 55 Кривцова-Гракова О.А. Указ. соч. С. 55-57 (рис. 12).
- 56 Третьяков П.Н. Финны-угры, балты и славяне на Днепре и Волге. М., 1966. С. 96-97.
- 57 Бестужев Г.Н. Нож и шило - аксессуары обряда посвящения // Древности Кубани (Материалы семинара). Краснодар, 1987. С. 12-14.
- 58 Крутлов А.П., Подгаецкий Г.В. Указ. соч. С. 73-77.
- 59 Галкин Л.Л. Одно из древнейших практических приспособлений скотоводов // СА. 1975. № 3. С. 186-192.
- 60 Максимов Е.К. Памятники эпохи бронзы у станции Карамыш Саратовской области // ТСОМК. 1956. Вып. 1. С. 119 (рис. 62-2).
- 61 Отрощенко В.В. Костяные детали плато и культ коня у ираноязычных племен Средней Азии и других народов Старого Света // Средняя Азия в древности и средневековье. М., 1977. С. 28-53.
- 62 Крутлов А.П., Подгаецкий Г.В. Указ. соч. С. 50-54.
- 63 Шилов В.П. Очерки по истории древних племен Нижнего Поволжья. Л., 1976. С. 65. Табл. 2.
- 64 Грязнов М.П. Бык в обрядах и культурах древних скотоводов // Проблемы археологии Евразии и северной Америки. М., 1977. С. 80-88; Кузьмина Е.Е. Распространение коневодства и культ коня у ираноязычных племен Средней Азии и других народов Старого Света // Средняя Азия в древности и средневековье. М., 1977. С. 28-53.
- 65 Семенова А.П. Указ соч... С. 13; Кузьмина О.В. Указ. соч... С. 8.
- 66 Прякин А.Д. Погребальные абашевские... С. 40, 63.
- 67 Чернык Е.Н., Кузьминых С.В. Памятники сейминско-турбинского типа в Евразии // Археология СССР: Эпоха бронзы лесной полосы СССР. М., 1987. С. 87-88.

- 68 Черных Е.Н., Кузьминых С.В. Памятники сейсмическо-турбинского типа в Евразии // Археология СССР: Эпоха бронзы лесной полосы СССР. М., 1987. С. 100.
- 69 Фисенко В.А. Указ. соч... С. 81-82.
- 70 Смирнов К.Ф. Быковские курганы // МИА. 1960. № 78. С. 245-246.
- 71 Пряхин А.Д. Погребальные абашевские ... С. 34.
- 72 Сальников К.В. Очерки древней истории Южного Урала. М., 1967. С. 159-160.
- 73 Дьяконова В.П. Погребальный обряд тувинцев как историко-этнографический источник. Л., 1975. С. 150.
- 74 Пряхин А.Д. Погребальные абашевские... С. 9.
- 75 Мельник В.И. Об основании гипотезы о генетической связи полтавнинской и срубной культур // Науч. тр. Куйбышев. пед. ин-та. Т. 221. С. 56.
- 76 Мельник В.И. Памятники эпохи средней бронзы Степного Поволжья и проблема их связи с восточными культурами // Бронзовый век Урало-Иртышского междуречья. Челябинск, 1984. С. 24.
- 77 Мельник В.И. К вопросу о происхождении срубной культуры // КСИА. № 169. С. 24.
- 78 Пятых Г.Г. Общие компоненты сложения алакульской и срубной культуры Поволжья // Бронзовый век Урало-Иртышского междуречья. Челябинск, 1983. С. 114-115; Он же. К проблеме сложения срубной культуры в Поволжье // Культуры бронзового века Восточной Европы. Куйбышев, 1983. С. 83-88.
- 79 Синик А.Т. Курганы эпохи бронзы Среднего Дона (Павловский могильник). Воронеж, 1983. С. 146-148 (рис. 43).
- 80 Братченко С.Н. Нижнее Подонье в эпоху Средней бронзы. Киев, 1976. С. 60-62.
- 81 Мамонтов В.И. Племена эпохи бронзы степной части Волго-Донского междуречья: Автореф. дис... канд. ист. наук. Л., 1986. С. 4.
- 82 Сафронов В.А. Классификация и датировка памятников бронзового века Северного Кавказа // Вопросы охраны, классификации и использования археологических памятников. 1974. Вып. VII. С. 91.
- 83 Синик А.Т. Указ. соч... С. 154.
- 84 Телегин Д.Я. Об основных позициях в положении погребенных первобытной эпохи Европейской части СССР // Энеолит и бронзовый век Украины. Киев, 1976. С. 15-16.
- 85 Там же. С. 16.
- 86 Астаров А. Древнеземледельческая культура эпохи бронзы в г. Узбекистана. Ташкент, 1977. С. 165-178.
- 87 Дебац Г.Ф. Материалы по палеоантропологии СССР. Нижнее Поволжье // Антропологический журн. 1936. № 1. С. 65-81; Он же. Палеоантропология СССР // Тр. ин-та этнографии. Новая серия. 1948. Т. IV. С. 102-109; Фирштейн Б.В. Антропологическая характеристика населения Нижнего Поволжья в эпоху бронзы // Памятники эпохи бронзы в г. Европейской части СССР. Киев, 1967. С. 100-140.
- 88 Дебац Г.Ф. Материалы... С. 69; Он же. Палеоантропология... С. 106.

89 Фирштейн Б.В. Указ. соч. С. 140.

90 Шевченко А.В. Палеоантропологические данные к вопросу о происхождении населения срубной культурно-исторической общности // Проблемы антропологии древнего и современного населения севера Евразии. Л., 1984. С. 69.

91 Потемкина Т.М. Роль абашевцев... С. 100-101.

Б.Ф.Железчиков, А.А.Джубанов

ЖИВОТНОВОДСТВО НАСЕЛЕНИЯ ЭПОХИ РАННЕГО ЖЕЛЕЗА В СЕВЕРНОМ ПРИКАСПИИ

В литературе укрепилось название сарматов - ранние кочевники, что, несомненно, отражает специфику их хозяйственной деятельности. В археологической науке пока еще не сложилось единого мнения о времени возникновения производящего экстенсивного скотоводства. Но для нас важно лишь то, что савромато-сарматский период считается временем господства номадизма. Население этого времени уже имело навыки разведения сельскохозяйственных животных, их использования и владело технологией переработки получаемого сырья.

А.М.Хазанов выделил характерные черты перехода к номадизму:

- 1) соответствующая географическая среда (аридная зона, где наличие земледелия без ирригации экономически малоэффективно);
- 2) видовой состав стада, оптимально приспособленный к условиям степной зоны;
- 3) наличие верховых животных и колесно-упряжного транспорта;
- 4) определенная степень имущественной дифференциации общества, влекущая за собой частносемейную собственность на скот;
- 5) возможность общественного разделения труда между кочевниками и земледельцами I.

В данной работе мы главное внимание уделим расшифровке 1 и 2 черт номадизма в приложении к памятникам Северного Прикаспия.

Памятники раннего железного века типа поселений и стоянок в Северном Прикаспии пока не найдены, несмотря на довольно хорошую изученность района. Анализ остеологического материала из погребений савромато-сарматов показывает, что в условиях степных просторностей Прикаспия одним из главных, определяющим уклад населения, производящих видов хозяйства было животноводство. Сарматы разводили-

ли преимущественно коней и овец, изредка в погребениях отмечаются остатки коров.

Для определения масштабов хозяйства и его географической локализации важно знать естественно-географические условия, существовавшие на территории полупустынь края 2-2,5 тысячелетия назад.

Сопоставляя данные по споро-пыльцевому анализу, составу диких животных, по состоянию климата В.В.Иванов пришел к выводу, что за историческое время в наших районах (в Северном Прикаспии -Б.Ж.) климат заметно не изменился и, следовательно, великие климатогенные смены растительного покрова в наших степях вряд ли имели место². Это позволяет нам, при оценке условий хозяйствования, опираться на данные современных исследований по экологии.

Лошадь - самое ценное животное для степных кочевников. Она приспособлена к тебеневке, т.е. добыванию корма из-под снега, выбывая его крепкими копытами. Она может в течение круглого года находиться на подножном корме и не нуждается ни в стойловом содержании, ни в заготовке корма на зиму. Жеребенок уже через несколько минут после рождения следует за косяком при перекочевках.

Овца неприхотлива в отношении кормов и находит себе пропитание там, где не могут прокормиться другие виды домашних животных. При малом снеговом покрове они следуют за лошадьми, а кое-где и сами добывают корм из-под снега. Ягнята только два-три дня нуждаются в уходе, а затем свободно передвигаются за стадом.

Крупный рогатый скот мало приспособлен к постоянным перекочевкам. Там, где снежный покров бывает большим, он нуждается в стойловом содержании. Но в аридной зоне Южного Приуралья в небольших количествах мог участвовать и в перекочевках.

Верблюд, в областях полупустынного характера, особенно песчаных, является незаменимым животным для кочевников. Но он не может добывать себе корм из-под снега³. Поэтому разведение его в Южном Приуралье представляется маловероятным. Кстати, ни в одном погребении не были найдены кости верблюда.

На территории Северного Прикаспия не везде возможно совместное коневодство и овцеводство. Лошади и овцы имеют несколько различные требования к составу кормов. Лошадь предпочитает злаки и луговое разнотравье, овцы - прекрасно выпасаются на соляных пастбищах, которые распространены в крае повсеместно и преобладают в полупустынях. Участки, пригодные для выпаса лошадей, приурочены к лиманным понижениям, к долинам степных рек, к северным частям края.

подвоном настоящих ковыльных и типчаковых степей, к песчаным массивам, которые более 2 тысяч лет назад, видимо, еще не были разбиты.

В засушливых условиях пустынных степей лимитирующим фактором в использовании пастбищ является питьевая вода, потребности в которой, особенно у лошадей, велики. Не случайно, по-видимому, значительная часть археологических памятников расположена вдоль крупных водных массивов (Волга, Урал, Илек, Сагмара, Белая, Самара и др.), в местах выхода подземных вод, либо вблизи пресных степных речек и озер.

Исследование костных остатков домашних животных из погребений показывает, что у сарматов было широко развито совместное коневодство и овцеводство, возможно, при раздельном выпасе. Лошади в поисках подходящих кормовых угодий могут преодолевать большие расстояния. Только шагом, за 10-часовой переход лошади могут пройти расстояние в 60 км, рысью это расстояние в состоянии преодолеть за 2 часа. Найдя подходящий участок, лошади могут неделями выпасаться даже на небольшом пятачке пастбища. Овцы, в отличие от них, пасутся перебежками и задержать их на одном месте можно только принудительно. Обладая меньшей скоростью при перегонах, при выпасе они перемещаются быстрее лошадей. Поскольку травливание овец участков пригодных под выпас лошадей, при их малой площади и встречаемости не выгодно, то, следовательно, выпас названных видов должен быть раздельным.

В то же время, животноводство у сарматов не могло быть специализированным. Специализация привела бы к дезинтеграции родоплеменных связей, а это ослабляло бы оборонительные и наступательные возможности скотоводов. Они вынуждены были бы прибегать к обмену не только с земледельцами, но и к обмену продукцией животноводства между собой.

Особого внимания заслуживает климатический фактор снегового покрова. В пределах описываемой территории, по многолетним данным, он изменяется с юга на север на открытых участках в пределах 14-28 см, а в отдельные снежные зимы мощность его может достигать 40-50 см; в малоснежные зимы снежный покров изменяется от 1-10 см⁴. Другими словами, снежный покров чаще всего не позволял проводить самостоятельный выпас овец, так как при толщине снега 10-12 см и более, добыча корма телянковой для овец невозможна⁵. Кормление овец без искусственного кормодобывания возможно лишь вслед за телянковой лошадью. При продолжительности снежного покрова от 90

дней на иже до 130 на севере края, тебеневка была особенно трудна для животных⁶. Поэтому зимой выпас овец и лошадей чаще всего проводился совместный, а население должно было вести кочевой образ жизни.

В зимних условиях резко-континентального климата при частых метелях и буранах скотоводы должны были откочевывать в районы с расчлененным рельефом, где могли найти естественные укрытия для животных. Таковыми на описываемой территории являются южные и восточные песчаные массивы с бессточными речками, отроги Общего Сырта и долины крупных рек. В суровых условиях зимы нельзя сбрасывать со счета надежную топливную базу в этих районах. Поэтому кочевники должны были выбирать для зимовок участки с развитой древесно-кустарниковой растительностью. Мы считаем, что именно в раннем железном веке в подавляющем большинстве районов края были сведены на нет небольшие лесные массивы. Весной кочевники должны были покидать зимние пристанища, чтобы дать возможность восстановиться кормовым угодьям и обеспечить себе, таким образом, новую зимовку.

Некоторые дополнительные расчеты еще более подчеркивают невозможность оседлого экстенсивного животноводства. Например, в районе с. Лебеданка на востоке Прикаспия расположена группа могильников, подавляющая часть курганов которой относится к раннему железному веку. Предварительный прогноз показывает, что в группе примерно тысячи погребений. Средний возраст изученных погребений, по данным антропологов, равен 40 годам. Сарматы же здесь обитали примерно на протяжении пяти столетий. Используя формулу С.С.Сорокина для ориентировочной оценки численности населения находим, что в районе Лебеданки ежегодно в среднем обитало около 100 человек⁷. При ежесуточном потреблении мяса 1 кг на душу населения, они должны были съедать за день до 5 овец или одну лошадь. Если допустить, что за год рацион состоял на 2/3 из мяса овец и на 1/3 — лошадей, то в течение года население потребляло примерно 120 лошадей и 1200 овец. Таким образом, с учетом минимального прироста скота, только для пищи население должно было минимально иметь 500 лошадей и 3500 овец. Если допустить, что половина поголовья может обеспечить потребности торговли и обмена с земледельцами, то кочевники Лебеданки содержали (примерно) 1000 лошадей и 10000 овец. При этом мы не учитываем имеющую место имущественную дифференциацию сарматского общества.

По данным Т.К.Гордеевой и И.В.Ларина, по иже края ассоциации

полупустынь в среднем имеют урожайность сухого вещества корма 5,71 ц/га, а норма выпаса ими определена равной 0,85 га на одну овцу⁸. С 1970 по 1974 гг. мы проводили аналогичные исследования на севере подзоны, где средняя урожайность трав за год оказалась равной 11,78 ц/га, а норма выпаса — 0,44 га. При условии, что овцы стравливают площадь трижды за лето, средняя норма выпаса в полупустыне Прикаспия равна 0,75 га.

Примерное количество скота сарматы Лебедевки, при условии 3-х перекочевок за лето без возвращения на прежнее место и 4-й перекочевки к местам зимовки при норме 1 га на овцу (неполное стравливание), могли выпасать каждый раз на площади 10 тыс. га, т.е. стоянка должна была находиться в центре площадки со сторонами 10х10 км.

Таким образом, в раннем железном веке, шло лишь выборочное использование лучших кормовых участков. Когда они стравливались, сарматы откочевывали на новые пастбища. На прежний участок они, возможно, не возвращались совсем. В результате обширные равнинные пространства, расположенные вдали от водоемов, а также площадки в крае исключительно велики и использовались только случайно, главным образом при перегоне скота. Об этом косвенно свидетельствует то, что на равнинных участках обнаружено большое количество одиночных курганов и очень небольших групп по 2-5 насыпи. По мнению авторов, природно-географическая среда края и кочевой образ жизни не позволяли сарматам строить поселения и надежные укрытия для скота на зимнее время, делали невозможным искусственное заготовление кормов для всего поголовья.

П Р И М Е Ч А Н И Я

- 1 Казанов А.М. Социальная история скифов. М., 1975. С. 9.
- 2 Иванов В.В. Степи Западного Казахстана в связи с динамикой их покрова. М.:Л. 1958. С. 76.
- 3 Руденко С.И. К вопросу о формах скотоводческого хозяйства и о кочевниках: Материалы по отделению этнографии. Л., 1961. С. 4-5.
- 4 Агроклиматический справочник по Западно-Казахстанской области / Под ред. Р.Д.Кудрина. Алма-Ата, 1960. С. 33.
- 5 Федянович Б.А. Природные условия аридных зон СССР и пути развития в них животноводства // Счерки по истории хозяйства народов Средней Азии и Казахстана. Л., 1973. Т. ХСУШ. С. 45.
- 6 Агроклиматический справочник по Западно-Казахстанской области. С. 33.

⁷ Сорокин С.С. О хронологических формулах и значении термина "могильник" // Успехи среднеазиатской археологии. Л., 1975. Вып. 3. С. 20.

⁸ Гордеева Т.К., Ларин И.В. Естественная растительность полупустыни Прикаспия как кормовая база животноводства. М.:Л. 1965. С. 128.

В.Г.Миронов

ОЧЕРК ИСТОРИИ ИССЛЕДОВАНИЙ ГОРОДЕЦКИХ ПОСЕЛЕНИЙ
В САРАТОВСКОМ ПОВОЛЖЬЕ В 1918–1977 ГОДИ
(Материалы к археологической карте Нижнего Поволжья)

К 1918 году на указанной территории было выявлено 28 городищ и 3 селища, за 60 лет стало известно уже 35 городищ и 34 селища и местонахождения псевдорогожной керамики (см. карту и список памятников), принадлежавших племенам ниже-волжской локальной группы городецкой культуры (Миронов В.Г., 1976 и 1978) ¹. Большая часть памятников – нередко с фактическими погрешностями – нанесена на археологические карты Поволжья (Трубникова Н.В., 1953; Степанов П.Д., 1960 и 1962; Смирнов А.П., Трубникова Н.В., 1965; Третьяков П.Д., 1966), но история их изучения, на наш взгляд, недостаточно отражена в имеющейся литературе.

Предлагаемая статья ставит целью уточнение источниковедческих основ исследования саратовских памятников за время Советской власти, тем самым дополняя данные по их исследованиям в дореволюционный период (Миронов В.Г., 1978) ². Она основана на материале музейных коллекций и научных архивов, полевых отчетах ³ и публикациях исследователей. Составленная нами более полная библиография по памятникам позволяет создать их исчерпывающий список и уточнить карту размещения.

Довольный этап изучения поселений начался с разведок бывших ар-

¹ См. публикации за указанные годы в приложении к библиографии.

² В указываемой работе приведена вся доступная дореволюционная литература о саратовских городецких поселениях, поэтому здесь дана только библиография советского периода.

³ Значительная часть памятников вводится в научный оборот по неопубликованным источникам и это вызывает необходимость дать их полный список в приложении к библиографии.

хеологов Саратовской губернской Ученой Архивной Комиссии (СУАК): Б.В.Зайковского, А.А.Кроткова, В.Ф.Орехова, П.Н.Шипкина и других. В 1919-1929 гг. ими обследованы 4 городища (Алексеевское у Саратова, Ахматское, Вольское и Чардымское 2-е) и Ивановская стоянка. Но наибольшие заслуги в организации изучения памятников в 20-30 гг. принадлежат Саратовскому университету (СГУ) и возникшим на основе СУАК Саратовскому областному музею краеведения (СОМК) и Обществу истории, археологии и этнографии ("Истархэт", затем ОИАЭСаратК), а также - позже: Нижне-Волжскому областному научному обществу краеведения (НВНОК), Краевому институту изучения Юго-Восточной области (КИЮВО), Нижне-Волжскому институту краеведения (НВИК).

Профессор СГУ Ф.В. Баллод и Б.В.Зайковский в 1920 г. осмотрели Усть-Курдюмское городище. В 1922-1932 гг. профессор СГУ П.С.Рыков и его ученики: Н.К.Арзютов, А.Н.Кушева, Т.М.Минаева, И.В.Синицын, П.Д.Степанов и другие обследовали 10 городищ (то же Алексеевское, Ахматское, Вольское, Дурникинское, Танавское, Хвалынские I, I4, I7; Чардымские I и 2), I4 селищ и местонахождений городищевой керамики. Два городища (Алексеевское и Танавское) и I3 селищ и местонахождений (Старояблонские, Чардымское, Нестеровское и Рассказань) были выявлены впервые. Раскопки производились на Алексеевском и Чардымском I городищах и на Ивановской стоянке. Публикации Н.К.Арзютова и П.С.Рыкова полученных материалов заложили в научной литературе представления о специфике ниже-волжских городищевых памятников, во многом определив их последующую интерпретацию.

В 1945-1959 гг. Е.К.Максимов, И.В.Синицын, П.Д.Степанов и В.И.Трофимов эпизодически обследовали лишь известные памятники: Алексеевское, Вольское, Дурникинское и Чардымское I городища, Ивановскую стоянку и джон у с. Рассказань. На основе студенческой практики и экспедиции СОМК под руководством профессора И.В.Синицына и Е.К.Максимова в 1959-1964 гг. велись раскопки Алексеевского (в черте г. Саратова) и Танавского городищ; в состав совместной экспедиции СГУ и СОМК в разное время входили Ю.В.Деревягин, М.Д.Исхизов, Л.П.Крылова, В.Г.Миронов, В.А.Фисенко и другие. В 1965 году В.А.Фисенко и автор закончили раскопки Танавского городища (памятник исчерпан) и начали копать Усть-Курдюмское городище.

С 1961 года вновь началось выявление памятников. Ю.В.Деревягиным обнаружено новое селище у с. Рыбное, обследовано Ахматское

и Алексеевское городища. В.Г.Миронов и В.А.Непочатых в 1963-1965 гг. установили забытое уже местоположение семи Хвалынского городищ (под № I-6, IO) и провели их шурфовку. В 1965 году А.А.Кривонос и В.И.Матвеева в составе разведочного отряда Лесостепной скифской экспедиции ИА АН СССР снова обнаружили городищенную керамику на р. Хопре у с. Рассказань. Таким образом, в 1945 - 1965 гг. обследовано чуть более 23% ныне известных саратовских городищеских поселений.

Появление свода "Городищеская культура" сосредоточило внимание исследователей на местах на данных поселениях раннего железного века. По-прежнему в обследовании памятников преобладают разведки. Основное внимание уделяется правобережью Волги между гг. Хвалынский и Красноармейск (исключением являются работы Ю.В.Деревягина на Хопре в 1966 году, в ходе которых открыты два новых поселения у сел Красный Полуостров и Трубетчино). В 1968-1974 гг. разведками В.В.Деревягина и Д.С.Худякова (1967-1968 гг.), В.Г.Миронова, С.Е.Калиниченко, В.А.Непочатых и других осмотрены как известные городища (Алексеевское у Саратова, Алексеевское I - Хвалынского, Березниковское I, Усовское, Хвалынские 2 и 3, Чардымское I) и поселения (Ивановское и Чардымское), так и памятники с забытым местонахождением: хвалынские городища под № 7, 8, 13, 14, 17 и 18, поселения и местонахождения у с. Старая Яблонка. Открыто два новых городища: Березниковское 2 (Хлопков бугор) и у с. Денички Горки и десять поселений и находок керамики на берегу Волги между с. Алексеевка и северной окраиной г. Хвалынского.

В 1975 году Е.К.Максимов (СПУ), Н.М.Малов и Д.С.Худяков - сотрудники областной детской экскурсионно-туристской станции-обследовали ряд известных городищ (Алексеевское I в Хвалынском районе, Березниковское I, Кошелевское, Усовское, Чардымское I) и Березниковское местонахождение городищеской керамики; Н.М.Малов выявил два новых городища у сел Вторая Расловка и Натальино, а также два поселения и два местонахождения возле городища у с. Денички Горки; Д.С.Худяков нашел городищенную керамику у с. Сосновки - сравнительно недалеко от Ахматского городища. Авторами и В.А.Непочатыхи в 1977 году установлено местонахождение урочища Столы, возле которого до революции были собраны городищеская керамика.

Все чаще в эти годы становятся раскопки памятников. В.Г.Миронов в 1966-1968 и 1970 гг. работал на Хвалынских № I и № IO го-

городищах; Т.А.Хлебникова по заданию ИА АН СССР в 1971 году исследовала стратиграфию Алексеевского (саратовского) городища; Н.М. Малов с 1976 года стал копать Березниковское 2 (Хлопков бугор) городище.

С 1974 года в Хвалынском районе работает группа куйбышевских археологов (совместная экспедиция университета, пединститута и Областного музея краеведения). С.А.Агановым, И.Б.Васильевым, В.Н.Зудиной, А.П.Ватазиной, В.И.Пестриковой и другими раскапывались Алексеевское I городище, поселения в Горелом долу, разрушаемые водохранилищем поселения и могильники разных эпох у с. Алексеевка (верхние горизонты их культурного слоя содержат псевдороманную керамику).

Исследования городищских поселений за последние 20 лет прибавили на археологическую карту Саратовского Поволжья более 30% новых памятников — от их общего числа. На повестку дня выдвинулась необходимость систематических раскопок их для воссоздания более полной истории Поволжья в раннем железном веке.

ГОРОДИЩНЫЕ ПАМЯТНИКИ БАССЕЙНА ВОЛГИ (рис. I)

Городища

1. Алексеевское (северная окраина г. Саратова, на мысу барага) Исследовали: 1921 г. — С.Н.Чернов, П.Н.Машкин и др.; 1923 г. — А.А.Кротков, Т.М.Минаева, П.Н.Машкин и др.; 1925 и 1929 гг. — П.С.Рыков; 1928 г. — Н.К.Дражков и П.Д.Степанов; 1950 и 1959 гг. — И.В.Синицын; 1956 г. — Н.К.Максимов и В.И.Трофимов; 1965 и 1967 гг. — Ю.В.Деревягин, Д.С.Худяков и др.; 1971 г. — Т.А.Хлебникова.

Коллекции № в СМК: № 486-487, 1049-1051, 1067, 1157, 1189-1192, 1594, 1775-1778, 2639, 2712.

Архивные источники (см. пристатейную библиографию): 8, 24, 28, 30, 35, 36, 37.

Публикации: 39, с. 82; 42, с. 120; 48, с. 8; 54, с. 79-83; 56, с. 14; 62, с. 134; 63, под № 1; 66, с. 52, 77-79; 67, с. 70; 73, с. 110; 74, под № 174 и 175 (один памятник выдан за два); 77, под № 19; 78, под № 1-310; 79, под № 1-26; 80, с. 123-125; 81, с. 9; 82, под № 24(80); 83, с. 137, 152-153; 85, с. 156-157.

2. Алексеевское I (берег Волги к югу от с. Алексеевка)

Исследовали: 1912 г. — Б.В.Зайковский; 1974-1975 гг. — И.Б. Васильев, В.А.Непочатыч и др.; 1975 г. — Н.М.Малов.

Коллекции в СМК: 1071, 1096; см. также коллекции в Хвалынском и Куйбышевском краеведческих музеях и фонда КуйбышевПИИ.

Здесь и далее указаны номера коллекций в СМК до 1978 года.

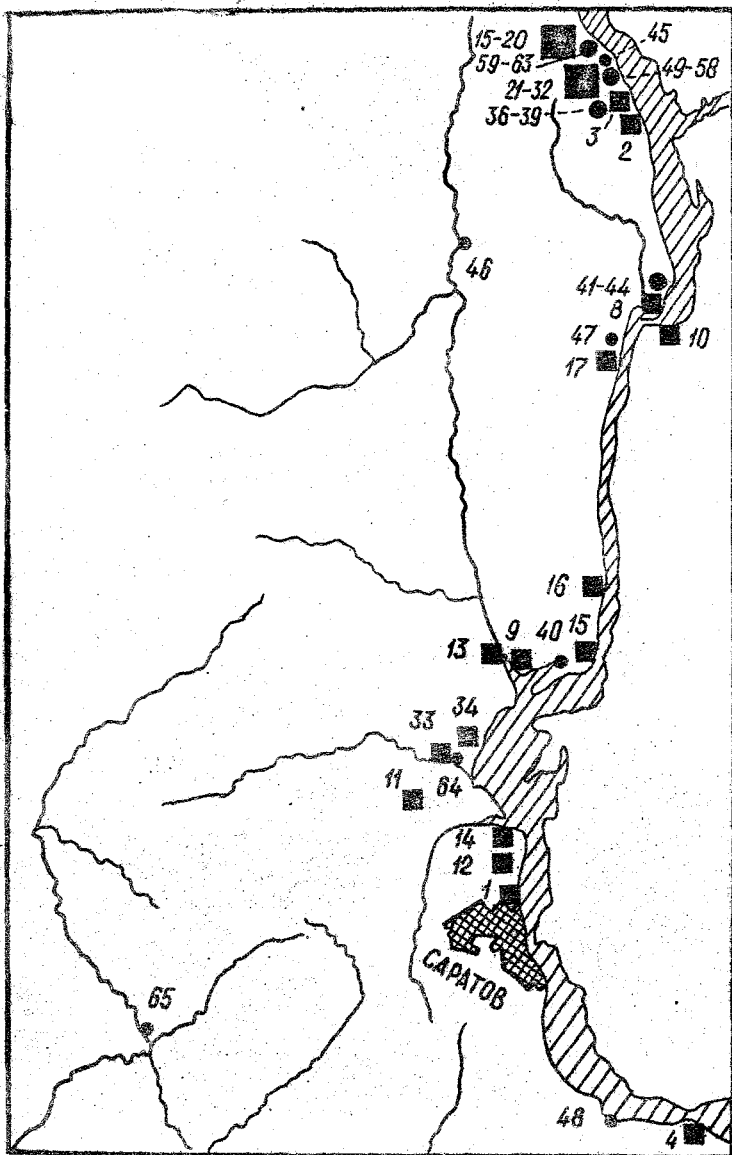

Рис. I. Городецкие памятники бассейна Волги

- Архивные источники: 2, 12, 35, 37.
 Публикации: 57, с. 130, 134; 74, под № 180; 77, под № 356; 78, под № 1-285; 82, под № 19 (75).
3. Алексеевское 2-е (к СЗ от с. Алексеевка Хвалынского района)
 Исследовали: 1912 г. - Б.В.Зайковский.
 Коллекции в Хвалынском музее и СОМК: № 1097.
 Архивные источники: 37.
 Публикации: 57, с. 130, 134; 74, под № 178.
4. Ахматское (в Красноармейском районе)
 Исследовали: 1909 и 1911 гг. - С.А.Шеглов; 1912 г. - Б.В.Зайковский, Д.Ф.Охлябинин, А.А.Синицын, С.Н.Чернов, С.А.Шеглов и др. 1919 г. - П.Н.Шимкин; 1930 г. - П.С.Рыков; 1965 г. - Ю.В.Деревятин, Д.С.Худяков и др.
 Коллекции в СОМК: 121-122, 124-136, 425, 820, 843, 845, 2657.
 Архивные источники: 5, 8, 31, 34, 35, 37.
 Публикации: 42, с. 120; 44; 45; 57, с. 130, 134; 63, под № 7; 65, с. 31; 72; 74, под № 176; 77, под № 78; 79, под № X-27; 82, под № 25 (81).
5. Березниковское I (в Воскресенском районе)
 Исследовали: 1908 г. - С.Н.Чернов; 1911 г. - Б.В.Зайковский; А.А.Кротков, С.Н.Чернов, С.А.Шеглов; 1913 г. - С.А.Шеглов; 1969 г. - В.Г.Миронов; 1975 г. - Н.М.Малов.
 Коллекции в СОМК: 349, 351-354, 361, 363, 383, 817, 1024, 1052-1056, 1064-1066, 1209, 1276-1277, 1279-1280, 1319.
 Архивные источники: 12, 20, 33-35, 37.
 Публикации: 53; 54, с. 81, 83; 63, под № 5; 72; 74, под № 169; 77, под № 12; 78, под № 1-294; 80, с. 123-125; 82, под № 21 (77); 83, с. 152; 85, с. 156.
6. Березниковское 2 ("Хлопкова гора", "Хлопков бугор" - там же)
 Исследовали: 1968 г. - Д.С.Худяков; 1969 г. - Ю.В.Деревятин; 1975 г. - Н.М.Малов, Е.К.Максимов.
 Коллекции в СОМК: № 2791.
 Архивные источники: 8, 12, 37.
 Публикации: 46; 59.
7. Вольское (в черте г. Вольска)
 Исследовали: 1913 г. - В.Н.Беседников и Б.В.Зайковский; 1914 г. - С.А.Шеглов; 1927 г. - В.Ф.Орезов; 1950 г. - И.В.Синицын и П.Д.Стапанов; 1955 г. - Е.К.Максимов и П.Д.Стапанов.
 Коллекции в Вольском и Хвалынском музеях, в СОМК: № 336, 361, 365-368, 1057, 1058.
 Архивные источники: 22, 33, 35, 37.
 Публикации: 39, с. 82; 57, с. 130 и 134; 63, под № 4; 67, с. 70; 71, с. 72-73; 74, под № 168; 75; 76; 77, под № 127; 78, под № 1-291; 79, под № X-22; 80, с. 123; 82, под № 20 (76).
8. Деничы Горки (в Вольском районе, к гордицам отнесены условно)
 Исследовал: 1968 г. - Д.С.Худяков
 Коллекции в СОМК: № 2790.
 Архивные источники: 9, 37.
 Публикации: 46.
9. Комалевское ("Пименова гора") - в Воскресенском районе
 Исследовали: 1911 г. - Б.В.Зайковский, С.А.Шеглов; 1975 г. - Н.М.Малов.
 Коллекции в СОМК: № 353, 354.
 Архивные источники: 12, 37.

Публикации: 42, с. 117; 54, с. 83; 57, с. 130 и 134; 72, 74,
под № 179; 77, под № 26; 79, под № X-23.

10. Натальинское (пока единственное на левом берегу Волги)

Исследовал: 1976 г. — Н.М.Малов.

Коллекция в СОМК.

Архивные источники: 13.

Публикации: 59.

11. Расловское (к городищам отнесено предварительно)

Исследовал: 1975 г. — Н.М.Малов.

Коллекция в СОМК.

Архивные источники: 12.

Материал не опубликован.

12. Танавское (в Саратовском районе)

Исследовали: 1927-1928 гг. — Н.К.Арзютов, П.С.Рыков, И.В.Синицын, П.Д.Шешанов и др.; 1960-1965 гг. — Ю.В.Деревятин, Л.П.Крылова, Е.К.Максимов, В.Г.Миронов, И.В.Синицын, В.А.Фисенко и др.; 1956 г. — Е.К.Максимов и В.И.Трофимов.

Коллекция в СОМК: № 907, 908, 1010, 2470-2566.

Архивные источники: 8, 29, 35, 37.

Публикации: 43; 47; 54, с. 75, 78-81; 56, с. 14; 63, под № 2; 64, с. 136-137; 67, с. 70; 74, под № 177; 77, под № 18; 78, под № 1-309; 79, под № X-25; 82, под № 23 (79).

13. Усовское (на правом берегу р. Терешки в её устье)

Следы культурного слоя незначительные. По всей вероятности, представляют собой тип городищ-убежищ, известных в других районах городской культуры; на этом основании отнесено к городищам памятникам.

Исследовали: 1911 г. — Б.В.Зайковский, С.А.Щеглов; 1969 г. — В.Г.Миронов; 1975 г. — Н.М.Малов.

Коллекция в СОМК: № 1627.

Архивные источники: 12, 37, 20.

Публикации: 57, с. 130; 77, под № IV-55.

14. Усть-Курдюмское (в Саратовском районе)

Судя по сложной системе укреплений и незначительной мощности культурного слоя с редкими находками, представляет собой тип городищ-убежищ.

Исследовали: 1910 г. — А.А.Кротков, П.Н.Пашкин; 1920 г. — Ф.В.Баллод и Б.В.Зайковский; 1961 г. — И.В.Синицын, В.А.Фисенко, В.Г.Миронов и др.; 1965 г. — В.Г.Миронов и В.А.Фисенко.

Коллекция в СОМК.

Архивные источники: 37.

Публикации: 40, с. 82; 57, с. 130, 134; 67, с. 69; 74, под № 172; 77, под № 14; 78, под № 1-306.

15. Хвалынское № 1

Исследовали: 1912 г. — В.Ф.Орахов и М.А.Радищев; 1922 г. — П.С.Рыков; 1963-1964 и 1966-1967 гг. — В.Г.Миронов, В.А.Непочатых и др.

Коллекция в Хвалынском музее и СОМК: № 1085.

Архивные источники: 14, 15, 17, 18, 26, 27, 35, 37.

Публикации: 39, с. 81; 49, с. 68-73, 82; 54, с. 79; 57, с. 130; 60; 61; 67, с. 52, 70; 72; 74, под № 153; 77, под № 100; 78, под № 1-262; 79, под № X-20; 82, под № 1(57).

16. Хвалынское № 2
Исследовали: 1912 г. - В.Ф.Орехов и М.А.Радищев; 1963 и 1970 гг. - В.Г.Миронов, В.А.Непочатых и др.
Коллекции в Хвалынском музее и СОМК: №№ 1086, 2609.
Архивные источники: 14, 35, 37.
Публикации: 49, с. 68-73, 83; 54, с. 79; 57, с. 130; 72; 74, под № 154; 77, под № 101; 78, под № 1-263; 79, под № X-21; 81, с. 8; 82, под № 2 (58).
17. Хвалынское № 3
Исследовали: 1912 г. - В.Ф.Орехов и М.А.Радищев; 1963 и 1970 гг. - В.Г.Миронов, В.А.Непочатых и др.
Коллекции в Хвалынском музее и СОМК: №№ 1073, 2608.
Архивные источники: 14, 35, 37.
Публикации: 49, с. 68-73, 83; 57, с. 130; 72; 74, под № 155; 77, под № 102; 78, под № 1-264; 79, под № X-21; 82, под № 3(59).
18. Хвалынское № 4
Исследовали: 1912 г. - В.Ф.Орехов и М.А.Радищев; 1963 г. - В.Г.Миронов, В.А.Непочатых и др.
Коллекции в Хвалынском музее и СОМК: № 1074.
Архивные источники: 14, 35, 37.
Публикации: 39, с. 79, 82; 40, с. 68-73; 57, с. 130; 72; 74, под № 156; 77, под № 103; 78, под № 1-265; 79, под № X-21; 82, под № 4 (60); 83, с. 129; 85, с. 147.
19. Хвалынское № 5
Исследовали: 1912 г. - В.Ф.Орехов и М.А.Радищев; 1963 г. - В.Г.Миронов и В.А.Непочатых.
Коллекции в Хвалынском музее и СОМК: №№ 1072, 1075, 2610.
Архивные источники: 14, 35, 37.
Публикации: 49, с. 68-73; 57, с. 130; 72; 74, под № 157; 77, под № 104; 78, под № 1-266; 79, под № X-21; 82, под № 5 (61).
20. Хвалынское № 6
Исследовали: 1912 г. - В.Ф.Орехов и М.А.Радищев; 1964 г. - В.Г.Миронов, В.А.Непочатых.
Коллекции в Хвалынском музее и СОМК: № 1076.
Архивные источники: 15, 35, 37.
Публикации: 49, с. 68-73; 57, с. 130; 72; 74, под № 158; 77, под № 105; 78, под № 1-267; 79, под № X-21; 82, под № 6 (62).
21. Хвалынское № 7
Исследовали: 1912 г. - М.А.Радищев; 1970 г. - С.Е.Калиниченко, В.Г.Миронов, В.А.Непочатых.
Коллекции в Хвалынском музее и СОМК: № 1077.
Архивные источники: 35, 37.
Публикации: 57, с. 130; 72; 74, под № 159; 77, под № 106; 78, под № X-21; 82, под № 7 (63).
22. Хвалынское № 8
Исследовали: 1912 г. - М.А.Радищев; 1970 г. - С.Е.Калиниченко, В.Г.Миронов, В.А.Непочатых.
Коллекции в Хвалынском музее и СОМК: № 1078.
Архивные источники: 35, 37.
Публикации: 57, с. 130; 72; 74, под № 160; 77, под № 107; 78, под № 1-269; 79, под № X-21; 82, под № 8 (64).
23. Хвалынское № 9
Исследовал: 1912 г. - М.А.Радищев.
Коллекции в Хвалынском музее и СОМК: № 1081.

Архивные источники: 35, 37.
Публикации: 57, с. 130; 72; 74, под № 161; 77, под № 108; 78,
под № 1-270; 79, под № X-21; 82, под № 9 (65).

24. Хвалыинское № 10

Исследовали: 1912 г. - М.А.Радищев; 1965, 1967, 1968, 1970 гг. - В.Г.Миронов и др.; 1976 г. - В.Н.Зудина, В.Г.Миронов и др.
Коллекции: в Хвалыинском музее, в СОМК, в фондах КуйбышевПИ.
Архивные источники: 49, с. 68-73, 82; 51; 57, с. 130; 72; 74,
под № 162; 77, под № 109; 78, под № 1-271; 79, под № X-21; 81,
с. 8; 82, под № 10 (66).

25. Хвалыинское № 11

Исследовали: 1913 г. - М.А.Радищев.
Коллекции в Хвалыинском музее и СОМК: № 1080.
Архивные источники: 35, 37.
Публикации: 57, с. 130; 72; 74, под № 163; 77, под № 110; 78,
под № 1-272; 79, под № X-21; 82, под № 11 (67).

26. Хвалыинское № 12

Исследовано в 1913 году по поручению М.А.Радищева (егерем).
Коллекции в Хвалыинском музее.
Архивные источники: 35, 37.
Публикации: 57, с. 130; 74, под № 164; 77, под № 111; 78, под
№ 1-273; 79, под № X-21; 82, под № 12 (68).

27. Хвалыинское № 13

Исследовали: 1913 г. - М.А.Радищев; 1973 г. - В.А.Непочетых.
Коллекции: в Хвалыинском музее.
Архивные источники: 26, 27, 35, 37.
Публикации: 57, с. 130; 60; 61, с. 12; 69, с. 42; 74, с. 32;
77, с. 50-59; 78, под № 1-277; 79, под № X-21; 82, под № 13 (69)

28. Хвалыинское № 14

Исследовали: 1913 г. - М.А.Радищев; 1922 г. - П.С.Рыков и др.;
1970 г. - С.Е.Калиниченко, В.Г.Миронов, В.А.Непочетых.
Коллекции в Хвалыинском музее, в СОМК: № 1082.
Архивные источники: 26, 35, 37.
Публикации: 57, с. 130; 74, под № 165; 77, с. 54, 58, 87; 78,
под № 1-276; 79, под № X-21; 82, под № 14 (70).

29. Хвалыинское № 15

Исследовал: 1913 г. - М.А.Радищев.
Коллекции случайных сборов в Хвалыинском музее.
Архивные источники: 35, 37.
Публикации: 57, с. 130; 74, под № 166; 77, под № 112; 78, под
№ 1-284; 79, под № X-21; 82, под № 15 (71).

30. Хвалыинское № 16

Исследовал: 1913 г. - М.А.Радищев.
Коллекции: в Хвалыинском музее.
Архивные источники: 35, 37.
Публикации: 57, с. 130; 74, под № 167; 77, с. 54, 57, 85; 78,
под № 1-275; 79, под № X-21; 82, под № 16 (72).

31. Хвалыинское № 17 (некоторые считают это салищем)

Исследовали: 1914 г. - М.А.Радищев; 1922 г. - П.С.Рыков и др.;
1973 г. - В.А.Непочетых.
Коллекции в Хвалыинском музее, в СОМК: № 67-72, 82-86, 1088,
1090.

Архивные источники: 26, 27, 35, 37.
Публикации: 39, с. 79, 80, 83; 57, с. 130; 61, с. 17; 69, с. 38; 77, с. 50; 54, 58, 59; 78, под № I-274; 79, под № X-21; 82, под № 17 (73).

32. Хвалыньское № 18 (некоторые не считают городищем)
Исследовали: 1914 г. - М.А.Радищев; 1973 г. - В.А.Напочатых.
Коллекции в Хвалынском музее и СОМК: 370-377, 564, 1593.
Архивные источники: 37.
Публикации: 54, с. 79; 57, с. 130; 60; 77, с. 50, 54, 58; 78, под № I-273; 79, под № X-22; 82, под № 18 (74).

33. Чардымское I (в Воскресенском районе, мыс на берегу Волги)
Исследовали: 1910, 1913, и 1915 гг. - Б.В.Зайковский, А.А.Кротков, П.Н.Шикан, С.А.Шеглов; 1929, 1930 и 1932 гг. - Н.К.Арзютов, И.С.Рыков, И.В.Смирнин, П.Д.Степанов; 1969 г. - В.Г.Миронов; 1956 г. - Е.К.Максимов и др.; 1975 г. - Н.М.Малов.
Коллекции в СОМК: № 1045, 1048, 1203, 1205, 1699-1708.

Архивные источники: 12, 20, 30-32, 35, 37.
Публикации: 42, с. 120; 49, с. 81, 83; 56, с. 13-14; 57, с. 130, 134; 63, под № 3; 65, с. 31; 66, с. 77; 67; 68; 73, с. 110; 74, под № 170; 77, под № 20; 78, под № I-300; 79, под № X-24; 81, с. 10-11, 15; 82, под № 22 (78); 83, с. 129, 152, 154; 84, с. 178; 85, с. 147, 156-157; 86, с. 67, 71.

34. Чардымское II (там же, северо-восточнее села - через овраг)
Публикации: 54, с. 81; 57, с. 130; 67, с. 74; 77, под № 21; 78, под № I-299; 79, под № X-24; 82, под № 27 (83).

Селища и местонахождения псевдорогожной керамики

35-39 (I-5). Алексеевские (в Хвалынском районе).
На менее пяти селищ и местонахождений городищевой керамики на разрушаемом берегу Волги между ремонтно-механическим заводом у с. Алексеевка и с. Старая Яблонка. Памятники погибли.
Исследовали: 1970 г. - С.Е.Калнычченко, В.Г.Миронов, В.А.Напочатых; 1974-1977 гг. - И.Б.Васильев, А.Н.Ватазина, В.Н.Зудина, В.Г.Миронов (1976 г.), В.И.Нестрикова и другие.
Архивные источники: I-4, 21, 25, 37.
Коллекции: в Куйбышевском и Хвалынском музеях.
Публикации: 38; 41.

40(6). Березниковское ("У кирпичных сараев", Воскресенский район).

Исследовали: 1911 г. - Б.В.Зайковский, А.А.Кротков, С.А.Шеглов; 1975 г. - Н.М.Малов.

Коллекции в СОМК: № 1065.

Архивные источники: 12, 37.

Публикации: 57, с. 130; 78, под № I-295.

41-44 (7-10). Девичьи Горки (в Вольском районе).

Два селища и два местонахождения городищевой керамики.

Исследовал: 1976 г. - Н.М.Малов.

Коллекции в СОМК.

Архивные источники: 13, 37.

Материал не опубликован.

45 (11). Ивановское (в Хвалынском районе, многослойное поселение к 1970 году погибло от эрозии берега Волги).

Исследовали: 1914 и 1927 гг. - В.Ф.Орехов; 1922 г. - П.С.Рыков и др.; 1945 и 1950 гг. - И.В.Синицын; 1970 г. - С.В.Калиниченко, В.Г.Миронов, И.В.Синицын; 1974-1976 гг. - И.Б.Васильев и другие.

Коллекции в Хвалынском музее, археологической лаборатории КуйбышевИИ и СОМК: № 1008.

Архивные источники: 2, 23, 26, 27, 33, 37.

Публикации: 57, с. 130; 70, с. 175; 71; 75; 78, под № 1-281.

46 (12). Осиновское ("Длина в урочище Столы" в Вольском районе, левый берег р.Терешки) - последними разведками городенский слой здесь не обнаружен.

Исследовали: 1912 г. - А.А.Кротков, П.Н.Шинкин, С.А.Петлов; 1977 г. - В.Г.Миронов и В.А.Непочатыч.

Коллекции в СОМК: № 358-360, 559, 833, 1208.

Архивные источники: 37.

Публикации: 57, с. 130; 58; 78, под № IV-39.

47 (13). Рыбовое (в Вольском районе на берегу Волги).

Исследовал: 1961 г. - Ю.В.Деревацкий.

Коллекции в СОМК: № 2604.

Архивные источники: 37.

Материал не опубликован.

48 (14). Сосновское местонахождение (в Красноармейском районе).

Исследовал: в 1975 г. - Д.С.Худяков.

Коллекции в СОМК.

Архивные источники: 12.

Материал не опубликован.

49-58 (15-24). Старояблонские I-X (в Хвалынском районе).

Не менее десяти селищ и местонахождений псевдороговой керамики к западу и СВ от с. Старая Яблонка на берегах свратов, начинающихся в восточных отрогах Хвалынской возвышенности ("Липовый (он же "Горелый") дол" и другие; памятники в большинстве случаев погребены).

Исследовали: 1922 г. - А.Н.Кушера, П.С.Рыков и др.; 1969 - 1974 гг. - В.А.Непочатыч; 1975 г. - И.Б.Васильев, В.А.Непочатыч и другие.

Коллекции в Хвалынском и Куйбышевском музеях.

Архивные источники: 26, 35, 37.

Публикации: 87, с. 164; 75.

59-63 (25-29). Хвалынские I-У.

Не менее пяти селищ и местонахождений городенской керамики на участке берега Волги от Ивановской стоянки (см. № 45) и до северной границы дома отдыха "Просвещенец" в черте г.Хвалынска; памятники погребены от эрозии берега.

Исследовали: 1969-1972 гг. - С.Е.Калиниченко, В.Г.Миронов, В.А.Непочатыч.

Коллекции в Хвалынском музее и СОМК.

Материал не опубликован (личный архив автора).

64 (30). Чардымское (в Воскресенском районе, между 1 и 4 городищами).

Исследовали: 1929 г. - П.С.Рыков; 1969 г. - В.Г.Миронов.

Коллекции П.С.Рыкова в СОМК не обнаружены.

Архивные источники: 30, 37.

Публикации: 57, с. 58.

ГОРОДЕНСКИЕ ПАМЯТНИКИ БАСЕЙНА ДОНА (рис. I и 2)

Бассейн реки Малыедини (рис. : I)

65 (31). Нестеровское местонахождение (в Аткарском районе).

Карьер возле железнодорожного моста через реку Медведицу унес-
тожил памятник (селище ?) ещё в конце XIX века.
Исследовал: 1923 г. - П.С. Рыков.
Коллекции П.С. Рыкова в СОИГ не обнаружены.
Архивные источники: 27, 37.
Публикации: 61.

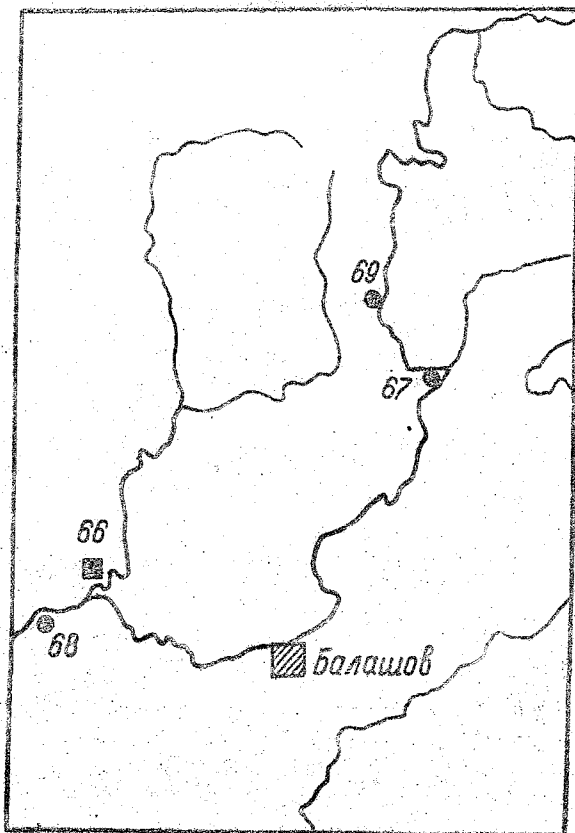

Рис.2. Бассейн реки Копер

Городища

66 (35). Дурникинское (в Романовском районе, в устье р. Карей).
Исследовали: 1930 г. - П.С.Рыков; 1959 г. - Е.К.Максимов.
Коллекции П.С.Рыкова в СМК не обнаружены.
Архивные источники: II, 31, 37.
Публикации: 57, с. 134; 63, под № 18; 65.

Селища и местонахождения псевдороговой керамики:

67 (32). Красный Полуостров (в Аркадакском районе, местонахождение).

Исследовал: 1966 г. - Ю.В.Деревятин.

Коллекции в СМК.

Архивные источники: 37.

Материал не опубликован.

68 (33). Длны у с. Рассоказань (в Балашовском районе).

Исследовали: 1930 г. - П.С.Рыков; 1959 г. - Е.К.Максимов, В.И.Трофимов; 1965 г. - А.А.Кривонос и В.И.Матвеева; 1977 г. - А.А.Крекв.

Коллекции в Балашовском музее и фондах ИА АН СССР.

Архивные источники: IO, II, 31, 37.

Материал не опубликован.

69 (34). Трубетчино (в Турковском районе).

Исследовал: 1966 г. - Ю.В.Деревятин.

Коллекции в СМК: № 2680.

Источники: 6, 37.

Публикации: 46, с. 122.

Примечание к списку городищских памятников:

Нумерация их совпадает с нумерацией на картах I и 2. Цифры в скобках означают порядковый счёт городищ, селищ и местонахождений. Все названия памятников даны по близлежащим населенным пунктам или по авторским данным. Более точное местоположение и описание памятников содержатся в упомянутых архивных источниках и публикациях. Перечень в публикациях дан по алфавиту авторов; архивные и опубликованные источники указаны под данными номерами в сводной библиографии к статье.

БИБЛИОГРАФИЯ

I. Архивные источники*ж)

— I. Агапов С.А., Пестрикова В.И. Отчет о раскопках Алексеевского II грунтового могильника в Увальинском районе Саратовской области (1977). - Архив ИА № 6701 (с альбомом).

*ж) В основном использованы архивы Института Археологии АН СССР (в ИА полевые отчеты идут под шифром Р-1) и Ленинградского отделения Института Археологии АН СССР (в ЛОИА отчеты с 1918 по 1937 гг. хранятся в фонде 2, описи I). Если в названии отчёта не указан год исследования, он восстанавливается по его тексту и дан в скобках следующих за заголовком.

2. Васильев И.Б. Отчёт о работах II-го отряда Средневолокской археологической экспедиции в 1974 году // Архив ИА. № 5426.
3. Ватазина А.П. Отчёт о раскопках в Хвалынском районе Саратовской области (1976). // Архив ИА. № 6778 (с альбомом).
4. Ватазина А.П., Пестрикова В.И. Отчёт о раскопках в Привольском районе Куйбышевской области, Хвалынском районе Саратовской области и разведках в Оренбургской области в 1976 году // Архив ИА № 6138, Ч. I и № 6139. Ч. 2.
5. Деревягин Ю.В. Отчёт об археологических разведках в Саратовской области (1965) // Архив ИА. № 3059.
6. Деревягин Ю.В. Отчёт об археологических разведках в Саратовской области в 1966 году // Архив ИА. № 3228.
7. Деревягин Ю.В. Отчёт о находках в Саратовской области (1967) // Архив ИА. № 3430.
8. Деревягин Ю.В. Отчёт об археологических разведках в Саратовской области (1968) // Архив ИА. № 3655.
9. Деревягин Ю.В. Отчёт о раскопках и разведках в Саратовской области (1969) // Архив ИА. № 3990.
10. Либеров П.Д., Пузикова А.И. Отчёт о раскопках в Бальгортской и Воронежской областях, произведенных Лесостепной скифской археологической экспедицией (1965) // Архив ИА. № 3126.
11. Максимов Е.К. Отчёт об археологических разведках в Саратовской области (1959) // Архив ИА. № 2169.
12. Малов Н.М. Отчёт об археологических разведках, произведенных в Саратовской области в 1975 году // Архив ИА. № 6058.
13. Малов Н.М. Отчёт об археологических разведках, произведенных в Саратовской области в 1976 году // Архив ИА. № 6154.
14. Миронов В.Г. Отчёт об археологической разведке окрестностей г. Хвалынска Саратовской области (1963) // Архив ИА. № 2657.
15. Миронов В.Г. Отчёт об археологической разведке окрестностей г. Хвалынска (1964) // Архив ИА. № 2855.
16. Миронов В.Г. Отчёт об археологической разведке в районе г. Хвалынска (1965) // Архив ИА. № 3074.
17. Миронов В.Г. Отчёт об археологических работах на Хвалынских городищах (1966) // Архив ИА. № 3237.
18. Миронов В.Г. Отчёт об археологических работах в окрестностях г. Хвалынска (1967) // Архив ИА. № 3500.
19. Миронов В.Г. Отчёт о работах на Хвалынском городище № 10 Саратовской области (1968) // Архив ИА. № 3790.
20. Миронов В.Г. Отчёт об археологических разведках, произведенных поисковым отрядом СТУ в Саратовской области (1969) // Архив ИА. № 3860.
21. Непочатых В.А. Отчёт о разведках в Хвалынском районе Саратовской области в 1975 году // Архив ИА. № 6039.
22. Орехов В.Ф. Разведка на месте погибшего городища в меловом карьере "Полово Блище" в г. Вольске Саратовской губернии в 1927 году // Архив ЛОИА. 1927. № 140. Л. 23-26.
23. Орехов В.Ф. Третья раскопка на бывшей церковной земле села Ивановка бывшего Хвалынского уезда Саратовской губернии (Ирановская стоянка) в 1927 году // Архив ЛОИА. 1927. № 140. Л. 27-29.
24. Ответ на анкеты ГАИМК по учёту археологических памятников. Саратовская губерния (П.С.Рыков) // Архив ЛОИА. 1925. № 99.
25. Пестрикова В.И. Отчёт о разведках в Привольском районе Куйбышевской области и работах в Хвалынском районе Саратовской области в 1975 году // Архив ИА № 5847.
26. Рыков П.С. Археологические разведки в Хвалынском районе Саратовской губернии с 20 по 26 июня 1922 года // Архив ЛОИА. 1922. № 87.

27. Рыков П.С. Отчет об археологических раскопках и разведках в Саратовской губернии и Области Немцев Поволжья, произведенных летом 1923 года // Архив ЛОИА. 1923. № 116.
28. Рыков П.С. Отчет о раскопках и разведках, произведенных в Нижнем Поволжье и Уральской губернии летом 1925 года // Архив ЛОИА. 1925. № 204.
29. Рыков П.С. Археологические разведки и раскопки в Нижне-Волжском крае 1928 года // Архив ЛОИА. 1928. № 154.
30. Рыков П.С. Отчет об экспедиционных работах по археологическому и этнографическому обследованию Калмыцкой области, произведенному проф. П.С.Рыковым летом 1929 года и о раскопках в Саратовском округе за то же время (с приложением дневника раскопок) // Архив ЛОИА. 1929. № 189.
31. Рыков П.С. Отчет об археологических работах 1930 года, произведенных в Нижне-Волжском крае проф. П.С.Рыковым // Архив ЛОИА. 1931. № 795.
32. Рыков П.С. Отчет об археологических разведках и раскопках, произведенных летом 1932 года в Нижне-Волжском крае проф. П.С.Рыковым // Архив ЛОИА. 1932. № 128.
33. Сидицын И.В. Отчет об археологических работах в Саратовской области и Западном Казахстане в 1950 году // Архив ИА. № 433.
34. "Корочки" А.А. Сидицына (см. Саратовская губерния) - фонд 5 в архиве ЛОИА.
35. Трубинова Н.В. Племена городищной культуры : Канд. дис... М., 1953 // Архив ИА. Р-2. № 1053.
36. Клебошникова Т.А. Отчет о работах на Алексеевском городище у г. Саратова (1971) // Архив ИА. № 4397.
37. Миронов В.1. Памятники городищной культуры и проблема её локальных вариантов : Канд. дис... М., 1977 // Архив МГУ.

2. Публикации

38. Агапов С.А., Ватазина А.П., Пестрикова В.И. Работа на севере Саратовской области // АО. 1977 (1978). С. 150-151.
39. Арзютов Н.К. К вопросу о так называемой "рогожной" керамике // ТИВОНОК. 1926. Вып. 35. Ч. I. С. 79-84.
40. Баллод Ф.В. Приволжские "Помпей". Опыт художественно-археологического обследования части правобережной Саратовско-Царицынской приволжской полосы. М.; Пг., 1923.
41. Васильев И.Б., Ватазина А.П., Миронов В.Г., Пестрикова В.И. Раскопки в Саратовской области // АО. 1976 (1977). С. 132-133.
42. Гуляев В.И. К вопросу о связях городищных племен с Клом в УП-IV вв. до н.э. / Историко-археологический сборник. В честь А.В. Арциховского. М., 1962. С. 114-120.
43. Деревягин Ю.В. Танавское городище // Большая Волга. 1965. № 22.
44. Деревягин Ю.В. Акматское городище // Новая жизнь. 1965. № 107.
45. Деревягин Ю.В. Тайна урочища Мартышкино // Новая жизнь. 1967. № 59.
46. Деревягин Ю.В. Разведки в Саратовской области // АО. 1967. (1968). С. 122.
47. Деревягин Ю.В. Исследования в Саратовской области // АО. 1968 (1969). С. 129-131.
48. Ковылова Л.П., Миронов В.Г. Танавское городище по раскопкам 1960-1962 гг. // Сборник тезисов докладов на IX Всесоюзной археологической студенческой конференции. М., 1963. С. 19-20.

49. Медлякин В.И. Городецкая культура и древняя мордва : Автореф. дис. канд. ист. наук. М., 1971.
50. Миронов В.Г. Хвалынские городища и их роль в истории городских племен Поволжья // Исследования по археологии и этнографии Мордовской АССР // ТИИИИИЭ. Саранск, 1970. Вып. 39. С. 67-83.
51. Миронов В.Г. Археологические памятники бассейна р.Терешки // АО. 1969 (1970). С. 157-158.
52. Миронов В.Г. Сосуд с Хвалынского городища № 10 // СА. 1971. № 1. С. 238.
53. Миронов В.Г. О некоторых закономерностях в размещении и концентрации раннегородецких памятников // Некоторые вопросы отечественной и всеобщей истории. Изд-во Сарат. ун-та, 1971. С. 137-139.
54. Миронов В.Г. Посуда городянского слоя Березниковского городища (предварительное сообщение) // АИИА. Межвузовский научный сборник. Изд-во Сарат. ун-та, 1972. Вып. 1. С. 37-45.
55. Миронов В.Г. К истории хозяйственной и духовной жизни финно-угорских городянских племен Волго-Оско-Донского междуречья в I тысячелетии до новой эры // УЗПетрозаводскГУ. 1974. Т. 19. Вып. 4. С. 73-84.
56. Миронов В.Г. К вопросу об орнаментике городянской посуды // УЗПетрозаводскГУ. 1974. Т. 19. Вып. 4. С. 85-95.
57. Миронов В.Г. Памятники городянской культуры и проблема её локальных вариантов : Автореф. дис... канд. ист. наук. М., 1976.
58. Миронов В.Г. Изучение городянских памятников Нижнего и Среднего Поволжья в дореволюционный период (историографический очерк) // Проблемы отечественной и всеобщей истории. Изд-во Ленингр. ун-та, 1978. Вып. 4. С. 126-135.
59. Миронов В.Г., Челочатых В.А. Работы Хвалынской экспедиции // АО. 1977 (1978). С. 186-187.
60. Петрова Н.Ф., Малов Н.М. Работы Саратовского областного музея краеведения // АО. 1977 (1978). С. 195.
61. Розенфельд Р.Л. О глиняных "жертвенниках" // МИА. 1970. № 176. С. 60-63.
62. Рыков П.С. Результаты археологических исследований в Покровском и Хвалынском уездах Саратовской губернии в 1922 году // ТОИАЭСартк. 1923. Вып. 34. Ч. 1. С. 3-19.
63. Рыков П.С. Археологические раскопки и разведки в Нижнем Поволжье и Уральском крае летом 1925 года (Предварительный отчет) // ИКИИВВО. 1926. Т. 1. С. 89-134.
64. Рыков П.С. Культурно-исторические (археологические) экскурсии по Нижне-Волжскому краю, Саратов, 1928. (Сост. при участии Н.К. Арзютова и Т.М. Минаевой).
65. Рыков П.С. Археологические раскопки и разведки в Нижне-Волжском крае, произведенные в 1928 году // ИСаратНВМК. 1929. Т. 3. С. 129-155.
66. Рыков П.С. Археологическая экспедиция по Хопру // СТАИМК. 1931. № 8. С. 30-35.
67. Рыков П.С. Отчет об археологических работах, произведенных в Нижнем Поволжье летом 1929 года // ИСаратНВМК. 1931. Т. 4. С. 49-79.
68. Рыков П.С. Чардымское городище // ИСаратНВМК. 1933. Т. 6. С. 51-88.
69. Рыков П.С. Очерк по истории мордвы. По археологическим данным. М., 1933.
70. Рыков П.С. Очерк по истории Нижнего Поволжья по археологическим материалам. Саратов, 1936.
71. Синаицын И.В. Археологические работы в Саратовской области в 1945 году // КСИИМК. 1947. Вып. 17. С. 173-175.

72. Сивинцын И.В. Археологические исследования в Саратовской области и Западном Казахстане // КСИИМК. 1952. Вып. 45. С. 62-73.
73. Смирнов А.П. О возникновении государства волжских булгар // ВДИ. 1938. № 2(3). С. 92-112.
74. Смирнов А.П. Железный век Чувашского Поволжья // МИА. 1961. № 95.
75. Смирнов А.П., Трубникова Н.В. Городецкая культура // САИ. М., 1965. Вып. Д 1-14.
76. Спикин А.А. Саратовские стоянки медного века // ТОИАЭСаратк. 1923. Вып. 34. Ч. I. С. 32-38.
77. Степанов П.Д. Вольское городище // ТСаратОМК. 1956. Вып. I. С. 5-21.
78. Степанов П.Д. Хвалынские городища // ТСаратОМК. 1960. Вып.3. С. 50-89.
79. Степанов П.Д. Материалы для археологической карты западной части Среднего Поволжья // МИА. 1962. № III.
80. Третьяков П.Н. Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге. М.; Л., 1966.
81. Трубникова Н.В. Городецкие племена и связь их со скифами и сарматами // КСИИМК. 1950. Вып. 34. С. 122-128.
82. Трубникова Н.В. Племена городецкой культуры : Автореф. дис... канд. ист. наук. М., 1951.
83. Трубникова Н.В. Племена городецкой культуры // ТИИМ. 1953. Вып. 22. С. 63-96.
84. Трубникова Н.В. Раскопки на городище Ножа-Вар близ д. Сараяво в 1958-1959 гг. / Археологические работы в Чувашской АССР в 1958-1961 годах // УЗЧНИИЯЛИЭ. Чебоксары, 1964. Вып. 25. С. 117-156.
85. Трубникова Н.В. Раскопки городища Пичка-Сорче в Чувашии // УЗЧНИИЯЛИЭ. 1964. Вып. 25. С. 163-195.
86. Трубникова Н.В. Городище Ножа-Вар в Чувашии // СА. 1965. № 4. С. 144-157.
87. Цалкин В.И. К истории животноводства и охоты в Восточной Европе // МИА. 1962. № 107.

СООБЩЕНИЯ

Г. А. Кушаев

ВКЛАД П. С. РЫКОВА В АРХЕОЛОГИЮ КАЗАХСТАНА

Археологические исследования памятников Казахстана, в том числе Западного, вплоть до 1940-х гг. носили эпизодический характер. Между тем, материалы раскопок послевоенных лет на территории республики показали, что ее памятники имеют прямое отношение к древней истории сопредельных территорий - Средней Азии, Южной и Западной Сибири, Южного Приуралья и Поволжья.

После победы Великой Октябрьской социалистической революции с именем П. С. Рыкова связаны первые археологические исследования в Казахстане. В 1925-1927 гг. он организовал первые раскопки по линии Общества изучения Казахстана при содействии Нижне-Волжского краеведческого института и Саратовского областного музея краеведения в Западном Казахстане, а в 1932-1933 гг. им было положено начало изучения памятников в Центральном Казахстане.

Таким образом, П. С. Рыкова с полным основанием можно считать основоположником казахстанской археологии. Им были открыты и введены в оборот с научной периодизацией многие памятники бронзового и раннего железного века и средневековья. Значение произведенных им разведок и раскопок курганов у с. Шипова (совхоз Каменка), у с. Зеленого, у г. Уральска (Кордон Даркульский), у Меневого двора (пос. Подстешный) исключительно велико, по значимости не уступает проведенным в Западном Казахстане работам М. П. Грязнова, М. Н. Комаровой, Б. Н. Гракова.

Археологические раскопки 1968-1984 гг. на территории Уральской области в значительной степени устранили накопившиеся пробелы в познании древней истории края. В совокупности с работами М. К. Кадырбаева в Актыбинской и Уральской областях новые материалы позволяют рассматривать вопросы взаимосвязей, преемственности дока-

лизации многих археологических культур Западного Казахстана и сопредельных территорий.

Нами предлагается Гурьевскую и Уральскую области выделить в особый регион "Степное Приуралье", наряду с вошедшим в обиход понятием "Южное Приуралье". Основания для подобного выделения таковы: во-первых, своеобразие рельефа местности, во-вторых, отсутствующая за ее пределами общность природной зоны, в-третьих, своеобразие материалов, использованных при сооружении погребальных и ритуальных памятников, в-четвертых, топография самих памятников. Локальные особенности археологических культур вытекают из вышеназванных специфических особенностей региона.

Памятники эпохи бронзы, открытые ещё П.С.Рыковым и в настоящее время, в силу их недостаточной изученности пока не поддаются четкой классификации по этнокультурным признакам (андроновские, подтапкинские, срубные и т.д.). Памятники же раннего железного века по обоим берегам р. Урал расчленяются на культуры: савроматскую, прохоровскую и два периода сарматской. Многочисленные здесь памятники средневековья, связанные с эпохой поздних кочевников классифицируются нами по трем периодам: 1) Огузско-печенегский; 2) Половечий (кипчакский); 3) Монгольский.

Таким образом, работы, начатые П.С.Рыковым, заложили прочный фундамент для дальнейших археологических исследований в степном Приуралье.

А.А.Хряков

О ВОРОТНИКОВОЙ КЕРАМИКЕ С ГРИБЕНЧАТО-ЯМЧНОЙ ОРНАМЕНТАЦИЕЙ

Открытие энеолитических культур маргупольской области предполагало взаимодействие последних с поздними (или пережиточными) неолитическими культурами более северных лесостепных и лесных районов. Учитывая подобное обстоятельство, особую значимость приобретает коллекция керамики, полученная на днепровской стоянке у с. Шапкино Мученского района Тамбовской области.

В рассматриваемую группу входят сосуды с более или менее профилированным туловом, главным гзреходящим в прямой или чуть отогнутый воротничковый венчик. Некоторые венчики с внутренней стороны имеют

желобчатость. Днища не обнаружены, но, судя по пропорциям, сосуды имели острое или маленькое плоское дно. Тесто плотное, с примесью песка и мелких камешков. Внешняя поверхность хорошо заглажена, на внутренней имеются горизонтальные и наклонные расчёсы. Цвет черепков серый или коричневато-серый. Большая часть сосудов покрыта гребенчато-ямочным орнаментом при подчиненной роли ямок. Некоторые ямки наносились с наклоном по отношению к поверхности сосуда. Но в обоих случаях на внутренней стороне стенки оставались негативы от этих ямок.

Гребенчатый штамп имеет некоторые вариации в виде коротких и более длинных оттисков. В композиционных построениях преобладает горизонтальная зональность. Это редкие, иногда спаренные горизонтальные пояски и зигзаги ямок, опоясывающие шейку сосуда и переходящие на тулово. Свободные зоны между ямками заполнены горизонтальными и наклонными оттисками гребенчатого штампа. Венчики украшались как с внешней, так и с внутренней стороны.

Воротничковая керамика Шапкинской стоянки своеобразна и пока не находит полного сходства ни в одной из энеолитических культур, хотя одиночные параллели отмечены в материалах Ивановской стоянки на Волге и на дне у с. Озименки в Пензенской области. Известная близость наблюдается при сопоставлении с керамикой марьяновской культуры на левобережной Украине, которая датируется XIII-XII вв. до н.э. и имеет "неолитоидный" облик. Особенно близка манера орнаментации — чередование поясков округлых ямок и оттисков гребенчатого штампа. Но марьяновская посуда не имеет воротничковых венчиков. Шапкинская керамика, в первую очередь, выделяется своим синкретическим характером, в котором лесные и лесостепные традиции, связанные с поздним неолитом Волго-Окского междуречья (способ нанесения орнамента, композиционные построения), сочетаются с элементами (воротнички, форма сосудов), истоки которых следует искать в сопредельных нижнедонской или самарской культурах.

И.Б.Васильев уже ставил вопрос о неоднородности воротничковой керамики и возможности пережиточного существования культурных традиций представителей Мариупольской области в каких-то отдельных районах (особенно в лесостепных) в более позднее время. Вероятно, шапкинская воротничковая керамика является пережиточным типом, сформировавшимся под воздействием более северных позднеэнеолитических культур Волго-Окского междуречья и предварительно датируется концом III — началом II тыс. до н.э.

О СВЯЗИ ПОГРЕБАЛЬНЫХ ОБРЯДОВ
И КОСМОЛОГИЧЕСКИХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ
ПЛЕМЕН ЭПОХИ РАННЕЙ И СРЕДНЕЙ БРОНЗЫ
НИЖНЕГО ПОВОЛЖЬЯ

Строительство курганов в эпоху бронзы требовало огромных усилий. Такие затраты общественного труда могли расходоваться только на объекты, считавшиеся первоначально необходимыми и выражавшие глобальные и основные космогонические представления древних людей. Наиболее родственными сооружениями по отношению к курганам являются пирамиды и зиккураты, семантика которых известна благодаря письменным источникам и произведениям искусства.

Погребальные сооружения древнего Египта и Месопотамии, а также древнейшие храмы и более поздние церкви, ступы и мечети олицетворяют собой представления их создателей о вселенной. Даже в жилищах многих народов пространство соотносится с древнейшими космологическими представлениями. В связи с этим напрашивается вывод о том, что курганы так же, как пирамиды, зиккураты, ступы являются символами мироздания.

Степные курганы эпохи ранней и средней бронзы оставлены ямными, катакомбными и полтавкинскими племенами, которые считаются ираноязычными. В основе космологических представлений древних индоевропейцев лежал миф о поединке бога громовержца со змеем. В центре мироздания, на горе, вблизи от воды расположено дерево, имеющее четырехчленную структуру по горизонтали (восток, запад, север, юг) и трехчленную по вертикали (небесный, земной и подземный миры). Эти элементы космологии являются основными и общими для всех древних индоевропейцев.

Миф о поединке громовержца со змеем отражает не только пространственные представления, но и идею цикличности смены времен года и противопоставляет мир живых миру мертвых. В связи с этим культ умерших занимает столь важное место в жизни племен эпохи бронзы и поглощает огромные затраты общественного труда на сооружение курганов — символов мироздания, мест проведения обрядов.

Общими элементами погребальных обрядов ямных, катакомбных и полтавкинских племен являются: сооружение могильной камеры, трупоположение, возведение насыпи, обязательная близость курганов к

воде. Все эти совпадающие элементы соответствуют общим космологическим представлениям древних индоевропейцев. Однако имеются и существенные различия в погребальных обрядах.

В захоронениях ямной культуры отражена преимущественно горизонтальная модель мирового дерева. Могилы имеют форму прямоугольника, близкого к квадрату, ориентированного по четырем основным сторонам света: восток - запад - север - юг. Погребенные лежат головой на восток, лицом на запад. Мир умерших, соответственно, расположен на западе. Подчеркивается горизонтальная четырехчленная структура мира.

У катакомбных племен могила не имеет определенной ориентировки, к тому же она часто бывает не прямоугольной, а овальной, ориентировка погребенных не регламентирована. Устройство катакомбы соотносится с жилищем змия - противника громовержца, хозяина мира мертвых, живущего в корнях мирового дерева. Ступеньки в катакомбу символизируют лестницу - эквивалент мирового дерева, что для сравнения можно сопоставить со ступенчатостью древнейших пирамид и зиккуратов. Таким образом, погребальные обряды катакомбных племен связаны, в первую очередь, с трёхчленной, вертикальной пространственной организацией, что подтверждается и вертикальным расположением орнамента на катакомбных сосудах. Мир мертвых, таким образом, располагается под землёй.

Полтавкинские племена не имеют статичного погребального обряда. Широкий диапазон в ориентировке и позе погребенных, различия в формах и конструкциях могильных ям, наличие как вертикальной, так и горизонтальной орнаментации посуды сближают представления полтавкинцев с космологией ямников и катакомбников. Самостоятельные пространственно-временные космологические и эсхатологические представления у полтавкинских племен, по-видимому, не успели сформироваться.

И. С. Клейн

ПРОБЛЕМА ПРЕЕМСТВЕННОСТИ И ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ОБРЯД

Прослеживая генетические связи культур, археологи исходят из устойчивости погребального обряда: столкнувшись со сменой способа погребения, констатируют разрыв преемственности (этнической).

или, по крайней мере, религиозной). Между тем, и способ погребения порою переживает радикальные смены в рамках одной этнической традиции и даже одной религии. Поэтому не всегда можно полагаться на формы погребения как индикатор преемственности и смены этнических культур или религиозных систем.

Однако нередко под несколькими разными способами погребения скрыта одна и та же эсхатологическая концепция (ЭК) — часть миро-воззрения, лежащая в основе каждого из этих способов погребения. Такая концепция может допускать разные формы реализации в обрядах, стало быть, выражаться в разных способах погребения, оставаясь инвариантной в своей сущности и отличая определенную этническую традицию от других в очень масштабном охвате. Она может генетически связывать культуры, казалось бы, совершенно несхожие по способам погребения. Зато если уж ЭК различны, то это коренное различие. Так, в корне различны ЭК индоариев и иранцев.

У иранских народов на заре истории положено было отдавать мертвых собакам или птицам для очистки скелета от плоти, а очищенные кости хоронить в глиняном сосуде или подвешивать в мешке. Кроме этих способов (зороастрийская традиция) применялись и другие способы очистки скелета: выставление на солнце, срезание плоти, вываривание, похоронный каннибализм. Все это формы реализации одной и той же ЭК: труп считался ритуально нечистым, и надлежало предохранить священные стихии — землю, воду и огонь — от осквернения мертвечиной, предотвратить соприкосновение трупа с ними. Значит, зороастрийская (и шире: маздаистская) регламентация похорон — только разновидность общеиранского подхода.

Ту же цель преследовали покрытие трупа воском (у персов), обшивка стен могилы деревом или камнем, посыпка дна галькой или стерильным песком и т.п. А это значит, что каменные ящики андроновских погребений и бревенчатые домины срубных и андроновских укладываются в нормы иранской ЭК.

Прямо противоположна этому индоарийская ЭК. Кругооборот жизни ведийских ариев предусматривал возвращение телесной субстанции человека непосредственно в землю и растворение в ней. Приобщение мертвой телесной субстанции к воде и огню тоже не исключалось. До введения кремации труп предавали земле и просили землю тасково принять его в свои объятия. У памирцев саван разрезали, чтобы тело прикасалось к земле, комья земли кляли под саван. Только

группы "земля не приемлет". Очевидно, что эти представления выработались вне срубно-андроновского круга культур, допустимо - в ареале ямных и катакомбных памятников.

В скифо-сарматском мире наблюдается смешение обеих традиций, причем у сарматов заметнее проступает иранская ЭК (обшивка стен могил деревом, срубы, помосты, подстилка и т.п.), а у скифов - индоарийская (нередко трупы слуг и лошадей брошены на голую землю).

А. В. Шевченко

О ПРОИСХОЖДЕНИИ НАСЕЛЕНИЯ БРОНЗОВОГО ВЕКА ИПА ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

(по палеоантропологическим данным)

Сопоставление суммарных краниологических серий трех выделенных В. А. Городцовым курганных культур, наряду с чертами несомненного их сходства, выявило последовательное уменьшение во времени общей массивности черепа, в том числе средней величины скулового диаметра и уменьшение черепного указателя, то есть дебрахицефализации. Внутригрупповой анализ обнаруживает сложность антропологического состава каждой из них, показывая, что суммарные различия вовсе не являются следствием эпохальной, не записавшей от метисации изменчивости единого для всех исходного краниологического комплекса. Единого физического типа нет ни у ямников, ни, тем более, у катакомбников или срубников. Размах внутригрупповой варибельности в пределах любой из трех суммарно рассматриваемых выборок заметно превышает межгрупповой, что ставит под сомнения существование каждой из этих культур как единого целого, более соответствующая представлению о них как о культурно-исторических общностях. И хотя антропологически ни на суммарном, ни на локальном уровнях, они не могут быть выведены друг из друга, отдельные исключения все-таки имеются. С одной стороны, к их числу относятся такие случаи, как, по-видимому, генетически связанные друг с другом носители так называемой полтавкинской культуры и локальная группа срубников степного Поволжья. Интересно, что беспорочных связей полтавкинцев со срубниками лесостепных районов Поволжья, Южного

Прикамья, Дона и Украины пока не обнаружено. С другой стороны, наличие в антропологическом составе всех трёх членов городиловской триады морфологически почти тождественных компонентов, скорее всего, свидетельствует не только об общности происхождения последних, но в какой-то степени также и об изначальных родственных связях самих этих культурно-исторических общностей. Критерий морфологически близких компонентов позволяет включить в круг родственных городиловских племен ещё и другие синхронные им группы Евразии, в том числе, и не имеющие, как фатьяновцы, курганной традиции. Дело в том, что последние представлены черепными сериями классического протоевропейского облика, делающими их неприменимым членом огромного сообщества созданных протоевропейцами археологических культур. Поскольку носители курганной традиции — абашевцы — представлены преимущественно черепами средиземноморского, конкретно сиро-палестинского (по Карниери) типа, то это делает невозможным присоединение их к вышеупомянутому сообществу, не будь в их составе низколицего и долихокранного, гиперморфного протоевропейского компонента, имеющего в Восточной Европе чрезвычайно близкие морфологические аналогии, начиная с древнейшей эпохи. Вообще при обсуждении проблем происхождения различных групп населения бронзового века впа России палеоантропологический материал позволяет отдать предпочтение миграционистским представлениям, почти всякий раз указывая на запад. Это происходит потому, что ни Средняя Азия, ни Закавказье до сих пор не смогли представить убедительных доказательств существования там в древности массового или сколько-нибудь огутного наличия гиперморфных краниологических комплексов протоевропейского облика, тогда как в Средней Европе, например, они довольно широко распространены. Но тот же материал свидетельствует, что появление новых культур не было связано с полной сменой населения. Для древнейшей эпохи это вполне доказанный факт. Нет оснований считать исключением и другие культуры этого региона. Решение проблемы соотношения пришлых и местных компонентов в составе населения каждой культуры дело недалекого будущего. Особое внимание следует обратить на выяснение роли автохтонов уралодонного облика в расхождении пришлых групп протоевропейского и средиземноморского типа, а также на евро-африканские связи.

ВОСТОЧНАЯ ПЕРИФЕРИЯ КАТАКОМНОЙ ОБЩНОСТИ

Катакомбные памятники Поволжья, образующие восточную периферию катакомбной общности, до недавнего времени рассматривались, как правило, суммарно и обычно включались в состав предкавказской катакомбной культуры, а значительная их часть — в полтавкинскую. В то же время отмечалась неясность культурной принадлежности некоторых из них (Братченко С.Н.).

Заметная пестрота катакомбных памятников этого района обусловлена тем, что он находился на стыке трех катакомбных культур: среднедонской, донецкой и предкавказской. Это и нашло отражение в памятниках соответствующего облика, хотя они здесь и не имеют широкого распространения.

Памятники среднедонского типа характеризуются, прежде всего, вертикально вытянутыми сосудами с раструбными горловинами. С поселений правого берега Волги известна также многоваликовая керамика, которая связывается здесь со среднедонской катакомбной культурой.

Памятники донецкого типа характеризуются стройными округлобкими горшками с четко выраженной прямой шейкой (отдел П, группа Б по С.Н. Братченко), которые чаще всего покрыты многорядовой горизонтальной ёлочкой.

Памятники предкавказского (маньчского) типа представлены погребениями, среди инвентаря которых выделяются сосуды как приземистых форм (реповидные горшки), так и вертикально вытянутые сосуды с высокими цилиндрическими горловинами. Специфичны также глиняные воронки.

Значительная часть катакомбных комплексов Поволжья (преимущественно керамика) не вписывается в рамки известных катакомбных культур, но обнаруживает близость с массовым материалом донецкой катакомбной культуры, как это утверждалось. Не противоречат этому N-образные катакомбы и деформация черепа погребенных, которая обычно связывалась с предкавказской катакомбной культурой.

Главные отличия поволжской керамики состоят в отклонении от пропорций донецких сосудов и в редком употреблении или полном отсутствии шнурового орнамента в виде округлых фестонов и концев-

трических кругов. Поволжские сосуды чаще всего сильнее вытянуты либо по вертикали, либо по горизонтали, округлость у них выражена гораздо слабее, чем у донских, по плечу часто проходит ребро. Широко распространен орнамент в виде многорядовой горизонтальной флочки.

Некоторые короткошейные горшки обнаруживают близость с полтавскими сосудами. Вместе с тем, устойчивый набор катакомбных признаков не позволяет рассматривать данные памятники как полтавские.

Следует заметить, что наряду с ними, известны смешанные комплексы с полтавскими и катакомбными признаками. С другой стороны, близость к донским памятникам, а также отсутствие ярких особенностей не дает основания для рассмотрения их в качестве самостоятельной катакомбной культуры. В данной ситуации применимо рассмотрение поволжских и близких им по типу донских памятников, отличных от известных культур, в рамках доно-волжского варианта катакомбной общности.

Э.С.Шарафутдинова

ПАМЯТНИКИ КУЛЬТУРЫ МНОГОВАЛИКОВОЙ КЕРАМИКИ НА НИЖНЕМ ДОНУ

Погребальные памятники этой особой культуры первоначально считались позднекатакомбными, что правильно определило их хронологическую позицию. Лишь после работ А.В.Добровольского и С.С.Верезанской на Украине было выдвинуто положение о выделении самостоятельной культуры многоваликовой керамики (КМК).

В Нижнем Подонье в 60-х годах были впервые открыты поселения КМК, и по многослойному памятнику Ливацонка I установлена периодизация культур бронзового века (С.Н.Братченко); КМК здесь занимала положение между катакомбной и срубной культурами. Но погребения КМК в этом регионе еще не были известны. Большую роль в изучении КМК сыграли открытия на Северском Донце в 70-х годах, где обнаружены погребения КМК в срубах с типичным инвентарем и западной ориентировкой (И.А.Писларий).

На Северном Донце скромность обряда погребений КМК затруднила выделение их из состава других древностей. Но рост материала позво-

или теперь выделить здесь около 130 впускных курганных захоронений (Шарафутдинова З.С., 1978), куда входят и комплексы Мусского п-ва (Ильков Л.С.).

Погребальный обряд и инвентарь. Могильные ямы прямоугольные или овальные; подбой и каменные заклады редки (последние в узком регионе: в дельте и на Мусском п-ве). Костяки на левом боку, реже на правом (22%); скорченность от слабой до сильной; руки чаще согнуты, кисти у лица (65%); господствующая ориентация — запад, реже — восток. Охра, "мал", кости животных, культ огня (угельки или небольшие острица на уцелевших перекрытиях) редки; кремация на стороне — один случай. Инвентарь в 70% могил, но керамика встречается редко (34% могил) и иногда в насыпи. Сосуды делятся на шесть типов: I — горшки с ребром, трехчастного профиля, с врезным или валиковым орнаментом, типичные для КМК лесостепи и встречающиеся в степи; II — сосуды с ослабленной трехчастностью профиля, орнамент небрежно прорисован; III — биконические сосуды плавного профиля; IV — своеобразные горшочки без орнамента с высокими покатыми плечиками, над которыми иногда резко выделяется венчик; V — бляшки; VI тип — миски, опоясанные расчлененными валиками (раскопки П.А.Ларенка). Отсутствие типологической связи керамики КМК с местными катакомбными сосудами указывает на пришлый характер КМК. Другие категории вещей редки (35% могил): 34 костяные круглые пряжки (I тип — с одним, II — с двумя разновеликими отверстиями) в 25% могил; костяные — два колечка и пластина (раскопки А.И.Семенова); бронзовые подвесочки и три ножа (раннесрубные и однолезвийный сеймино-турбинского типа); каменные топор, булава с выступами, осалок и терочники; кремневые скребки и три наконечника стрел.

Поселений открыто пока немного (20 пунктов); одно частично раскопано (Ливенцовка I). Сосуды III и IV типов — поздние степные формы керамики КМК (форма III типа, возможно, зародилась на юге днепровской лесостепи). Сосуды II (частично), III и IV типов имеют аналогии от Поингуля до Попрутья, где распространена более поздняя КМК. Выделяются две основные группы погребений. Первая, более ранняя и многочисленная группа содержит сосуды I, III и V типов; пряжки I типа сочетаются с традиционной ориентировкой костяка на запад. Вторая группа — сосуды II и IV типов, сочетающиеся с ориентировкой костяка на восток и север, реже — на запад; VI тип (миски) — с ориентировкой костяка на север; пряжки II типа, связанные

в основном с ориентировкой на восток и редко — на север. Хронологический характер обеих групп подтверждается их соответствием основным хронологическим группам погребений КМК в Северном Причерноморье (Привалов А.И., 1980; Отроченко В.В., 1981).

Черты других культур в КМК, отмеченные в ряде случаев исследователями, скорее результат воздействий в период стыка пришлого пласта (КМК) с местным, а также с соседями. Генетическим фоном КМК является лесостепная позднекатакомбная культура. Оформление КМК в самостоятельное культурное образование произошло после вытеснения абашевцами части позднекатакомбного населения Среднего Подонья на запад, в лесостепь (Донеччина, Орел—Самара). Бронзовые ножи, костяные пряжки и дисковидные псалмы, кремневые наконечники черешковых стрел синхронизируют КМК с абашевской, раннесрубной Поволжья и предкавказской культурами, на что указывалось в литературе, а материалами Нижнего Подонья подтвердилось. Учитывая это и место КМК в периодизации культур эпохи бронзы в лесостепи и степи, представляется, что КМК Нижнего Дона и Северного Причерноморья синхронны (и сменяются срубной), но более поздняя чем КМК лесостепи (Средний Дон, Северский Донец), которая сменяется абашевской культурой, а последняя — срубной. Следовательно, КМК Нижнего Дона, как и Северного Причерноморья, синхронизируются с абашевской культурой указанных регионов. Датировка КМК Нижнего Подонья укладывается в пределах: конца XVII — начала XV вв. до н.э.

А.Д.Пряхин, В.И.Баседин

ВОРОНЕЖСКАЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА

Выделенная в последнее время воронежская культура средней бронзы ныне представлена более ста памятниками: поселениями, погребениями, отдельными находками, которые локализуются в лесостепных районах бассейнов Дона, Верхнего Сейма, нижних притоков Оки. Основное их число составляют поселения. Среди них преобладают поселки, расположенные на высоких мысах берегов рек. Размеры их варьируют в пределах от I—I,5 до 20 тыс. м². Мощность культурного слоя редко превышает 15—20 см, насыщенность находками незначительная. На ряде поселений выявлены остатки наземных жилищ столбовой конструк-

пии. Поименные поселения — явление более редкое. Это, вероятно, кратковременные стоянки.

Известные погребения данной культуры малочисленны. Как правило, они подкурганные. Встречаются как основные, так и впускные захоронения. Есть и грунтовые погребения, совершенные на окраинах поселений. Погребальный обряд характеризуется трупоположением в ямах, вытянуто на спине или скорченно на боку. Характерной чертой погребального обряда воронежской культуры является ориентировка погребенных в пределах сектора 45° — запад.

Отчетливо выраженной спецификой обладает керамика. Она представлена преимущественно горшками удлинённых пропорций. В орнаментации, покрывающей почти всю поверхность сосудов, а иногда и дно, преобладают горизонтальные ряды вдавлений и защипов. Весьма часто присутствует прочерченный "паркетный" орнамент и другие треугольные композиции. Крайне редко употреблялись различные штампы, орнаментация валиками и прочие.

Другой инвентарь включает кремневые изделия: наконечники стрел и дротиков, серпы волынского типа, сруidia на отщепках; каменные сверленные топоры обухового усеченно-конического типа, мотыги, тесла; серию изделий из металла, глины и кости. Известны свидетельства собственной металлообработки: обломки литейных форм, тиглей, льячка.

Имеющиеся стратиграфические данные позволяют помещать памятники воронежской культуры между древностями развитого этапа среднедонской катакомбной культуры (по Ю.П. Матвееву) и поздним этапам доно-волжской абашевской культуры (по А.Д. Пряхину), что хронологически соответствует времени середины II тыс. до н.э.

Культурно-исторически эта культура тяготеет к кругу постнеуровых культур. В целом она обнаруживает много общих черт с памятниками раннего этапа сосницкой культуры, что позволяет предполагать наличие общей подосновы в формировании воронежской и сосницкой культур. В качестве такой подосновы, скорее всего, выступало население среднеднепровской культуры при известном влиянии носителей среднедонской катакомбной культуры.

Дальнейшее развитие воронежской культуры шло на фоне взаимодействия с доно-волжским абашевским населением. Во время ее сложения в начале второй половины II тыс. до н.э. на этой территории доноской лесостепной срубной культуры четко фиксируемых проявлений воронежской культуры уже не отмечается.

О Появлении в срубной культуре характерной особенности погребального обряда

Одним из характернейших элементов срубной культуры считается поза погребенных — скорченно на левом боку, с руками у головы (по Д. Я. Телегину, "поза адорации"). Очень важно поэтому определить от какой культуры унаследован данный элемент.

Сторонники полтавкинской концепции происхождения срубной культуры традиционно уклоняются от ответа на вопрос о появлении данного элемента. Это не случайно: для "полтавкинской культуры" погребение в "позе адорации" не характерно. Погребенные "полтавкинской культуры" лежат не только на левом, но и на правом боку, а также в положении скорченно на спине. Кроме того, у погребенных на боку руки протянуты к ногам, что является отличиям принципиального порядка от позы погребенных срубной культуры. Следовательно, для решения вопроса о происхождении в срубной культуре специфической позы погребенных необходимо определить культуру (или культуры), в которых данная обрядовая особенность существовала бы в досрубное время и была бы представлена в значительно большей степени, чем в "полтавкинской культуре".

Изучение материалов среднего бронзового века показывает, что погребенные в "позе адорации" встречаются среди памятников практически всех ареалов катакомбной области (от Причерноморья до Поволжья). Особенно широко данный обряд представлен в Волго-Донском междуречье. Только здесь, среди катакомбных погребений Восточного Маньча, погребенных в "позе адорации" на левом боку и ориентированных в пределах северо-запад-восток насчитывается больше, чем вообще всех "позднеполтавкинских" погребений Нижнего Поволжья. Иными словами, в Волго-Донском междуречье "типичная срубная" поза погребенных в катакомбных памятниках представлена очень широко, часто сочетаясь с "типично срубными" ориентировками. Показательно, что в ареале катакомбных культур данная обрядовая особенность встречается еще в культурах предшествующей, энеолитической эпохи.

Следовательно, можно ставить вопрос о том, что формы религии и соответствующие им каноны погребальной обрядности, характерные для срубной культуры, повсеместно существовали уже в среде ката-

комбинных культур и получили дальнейшее развитие у срубных племен. Спандифическая поза погребенных является одним из основных элементов срубной культуры. Наличие этой детали у культуры катакомбного ареала позволяет считать их одним из компонентов ее сложения.

В.А.Лопатин

ОБ ОДНОМ ИЗ ТИПОВ РАННЕСРУБНЫХ ПОСЕЛЕНИЙ ЗАВОЛЖЬЯ

Вопрос генезиса срубного керамического комплекса поселений степной левобережной зоны Нижнего Поволжья в настоящее время не может быть решен до конца, поскольку материалов для большой сравнительной работы накоплено еще очень мало. Раскопки последних лет и анализ керамических комплексов, хранящихся в СМК, позволяют пока сделать лишь некоторые эпизодические наблюдения, а выводы оставлять на уровне предварительных предположений. Основная задача наших исследований — максимально точно проследить процесс становления и развития срубного поселенческого комплекса керамики. Данная работа касается первых наблюдений за самым ранним этапом этого становления.

Поселения срубной культуры являются в интересующем нас регионе первыми памятниками оседлого типа на протяжении всей эпохи бронзы. В связи с этим чрезвычайно важен вопрос о том, какие оседлые земледельческие тенденции воздействовали на скотоводческий протосрубный субстрат (позднеямная и полтавкинская культуры Нижнего Поволжья). В XIII—XVII вв. до н.э. традиции оседлости и земледельчества в эту среду могли принести только две культуры эпохи бронзы — абашевская и катакомбная. И если связи местной полтавкинской культуры с внешним катакомбным миром выглядят традиционными, что еще более понятно при их объединении в рамках катакомбной культурно-исторической общности, то абашевские влияния представляются чуждыми и спорадическими, принимавшими на стадии раннего становления срубной культуры нижеволжского левобережья характер не компонента, а случайных явлений.

Среди срубных поселений региона выделяется компактная группа памятников, преимущественно дачного типа, со слабо развитым кера-

мическим комплексом раннесрубного облика (подавляющее большинство баночных и полное отсутствие остроресберных форм, примитивная орнаментация), в котором присутствуют реликтовые местные элементы (керамика со шуровым и влочным орнаментом), а также посуда сопредельных культур (абашевская колоколовидная и катакомбная, зачастую с валиковой орнаментацией), причем в этом импорте преобладает катакомбная струя. Подобные керамические комплексы обнаружены на днах в урочище Прапорский Бугор, на днах у с. Тонкошуровка, на поселениях у с. Чапаевка (Чапаевка 2) и на р. Берёзовка.

Керамика поселения Чапаевка 2 уже довольно близка посуде Успенского селища, первичному, чисто срубному комплексу (три основные формы с преобладанием баночной, примитивизм орнаментации), занимающему наиболее раннее положение в относительной периодизационной шкале известных поселений Заволжья (Успенка-Макситово - Покровск - Мирный - Осинов-Гай).

Наиболее действенным абашевское влияние становится приблизительно в середине II тыс. до н.э., когда формируется вторичный (срубно-абашевский) комплекс, характеризующийся тремя основными срубными и колоколовидной формами керамики, многочисленным набором элементов и пышностью сюжетов орнаментации, что должно частично накладываться на так называемый покровский этап в срубной культуре Нижнего Поволжья. Из известных памятников этого времени Макситово представляет собой непосредственно срубно-абашевский период, или его финальную часть, а Покровск, Чапаевка 3 и Мирный приходится на последующий этап нивелировки абашевских элементов и становления третичного (вновь чисто срубного) керамического комплекса, выражением которого является комплекс Осинов-Гай (три основные формы примерно с равным соотношением баночной и округлобочной посуды, некоторое сохранение пышности орнаментации).

Таким образом, появление в степной левобережной зоне Нижнего Поволжья раннесрубных поселений с неразвитым керамическим комплексом и наличием керамики местных реликтовых и сопредельных культур совпадает здесь с процессом утверждения принципа оседлости и земледельчества. Этот процесс проходил здесь под преимущественным влиянием культур катакомбного типа, что в принципе не противоречит общим тенденциям развития циркумпонтийской этнокультурной зоны в период активного воздействия древних земледельческих очагов на ее скотоводческие окраины.

СРУБНО-АЛАКУЛЬСКИЕ МАТЕРИАЛЫ
ПАМЯТНИКОВ БАШКИРИИ

Территория Южного Урала обычно рассматривается исследователями как зона контактов между племенами срубной и андроновской культурно-исторических общностей. Многолетние раскопки на территории Башкирии полностью подтверждают этот тезис. В настоящее время здесь выявлено более 400 памятников срубной культуры, на 63 из которых в погребальном обряде, керамическом материале или металлических изделиях обнаружены черты федоровской и в большей степени алакульской культур. 36 памятников находятся в Приуралье и 27 в Зауралье, в бассейнах рек Сакмары и Урала.

Среди раскопанных могильников срубной культуры в Приуралье выделяется Старо-Ябалаклинский, в котором в 83 курганах обнаружено 165 погребений, 30 из них срубно-алакульского облика. В Зауралье в I и II Тавлыкаевских могильниках из 76 исследованных погребений в 23 отмечено влияние алакульской и федоровской культур.

Алакульские черты в погребальном обряде прослеживаются в сооружении курганной насыпи, могил, ориентировке погребенных. Каменные оградки, вымостки из камня или наличие каменных плит в насыпи отмечены в могильниках Зауралья. Курганы, содержащие могилы с перекрытием из каменных плит, а иногда и каменной обкладкой стен встречаются как в Зауралье, так и в Приуралье. Их, в свою очередь, можно разделить на две группы: 1) курганы, содержащие могилы с перекрытием из каменных плит и срубной керамикой; 2) курганы с могилами, перекрытыми камнем и содержащими срубно-алакульскую керамику. Обычной для данных могильников является северо-восточная ориентировка. В 10 могилах костяки лежали головой на северо-запад, в 5 на запад, 2 погребенных были ориентированы головой на юго-восток, один на юго-запад.

Основной инвентарь погребений срубно-андроновского типа — керамика. Реже встречаются металлические изделия. Можно отметить два наконечника украшений Старо-Ябалаклинского и II Тавлыкаевского могильников и уникальное украшение, состоящее из наконечника и нагрудника из Ново-Ябалаклинского могильника. Спектральный анализ, проведенный С.В. Кузьминых доказывает связь этих изделий с андроновским миром.

Наиболее заметно смешение срубных и андроновских черт в керамике. Выделено III сосудов. Преобладающей является срубно-алакульская керамика (30,6% в Приуралье и 50,5% в Зауралье). Только в Зауральских памятниках встречены алакульские сосуды (3,6%). Единичны находки сосудов, в изготовлении которых наблюдаются федоровские и алакульские традиции (1,8%). Выделяется небольшая группа керамики срубно-федоровского облика (4,5% в Зауралье и 2,7% в Приуралье), а также петровского типа (4,5% в курганах Зауралья и 1,8% в Приуралье).

Из 16 селищ рассматриваемой группы памятников наиболее полно исследованы только два — I Береговское в Приуралье и в Зауралье Тавлыкаевское. I Береговское поселение дало материал срубной, абашевской, алакульской культур. На Тавлыкаевском поселении обнаружена керамика срубной, алакульской, федоровской, черкаскульской культур. На остальных произведены незначительные раскопки или сделаны сборы.

Предварительный анализ срубных памятников Башкирии показал, что в Приуралье проникало, в основном, алакульское население, оказавшее незначительное влияние на срубников. Сильнее оно проявилось на памятниках Зауралья. Необходимость исследования подобных памятников очевидна как для уточнения вопросов хронологии отдельных культур, так и для выяснения характера их взаимоотношений.

Д. А. Морозов

ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИЗУЧЕНИЯ ПЛЕМЕН СРУБНОЙ КУЛЬТУРЫ В БЕЛЬСКО-УРАЛЬСКОМ МЕЖДУРЕЧЬЕ

Значительным историческим регионом во II тыс. до н.э. была Евразийская лесостепная и степная полоса, где в развитии культур эпохи бронзы по обе стороны Урала отмечается много общих черт, что объясняется в известной мере единством исторического процесса. Одно из центральных мест исследуемого региона занимает "срубная" проблема — происхождение, передвижение, история культуры, связи с сосуществующими культурами.

В настоящее время имеется хорошая серия исследованных памятников срубной культуры, на материале которых можно решать многие поставленные вопросы. По географическому положению эти памятники

Наиболее заметно смещение срубных и андроновских черт в керамике. Выделено III сосудов. Преобладающей является срубно-алакульская керамика (30,6% в Приуралье и 50,5% в Зауралье). Только в Зауральских памятниках встречены алакульские сосуды (3,6%). Единичны находки сосудов, в изготовлении которых наблюдаются федоровские и алакульские традиции (1,8%). Выделяется небольшая группа керамики срубно-федоровского облика (4,5% в Зауралье и 2,7% в Приуралье), а также петровского типа (4,5% в курганах Зауралья и 1,8% в Приуралье).

Из 16 селищ рассматриваемой группы памятников наиболее полно исследованы только два — I Береговское в Приуралье и в Зауралье Тавлыкаевское. I Береговское поселение дало материал срубной, абашевской, алакульской культур. На Тавлыкаевском поселении обнаружена керамика срубной, алакульской, федоровской, черкаскульской культур. На остальных произведены незначительные раскопки или сделаны сборы.

Предварительный анализ срубных памятников Башкирии показал, что в Приуралье проникало, в основном, алакульское население, оказавшее незначительное влияние на срубников. Сильнее оно проявилось на памятниках Зауралья. Необходимость исследования подобных памятников очевидна как для уточнения вопросов хронологии отдельных культур, так и для выяснения характера их взаимоотношений.

Д. А. Морозов

ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИЗУЧЕНИЯ ПЛЕМЕН СРУБНОЙ КУЛЬТУРЫ В БЕЛЬСКО-УРАЛЬСКОМ МЕЖДУРЕЧЬЕ

Значительным историческим регионом во II тыс. до н.э. была Евразийская лесостепная и степная полоса, где в развитии культур эпохи бронзы по обе стороны Урала отмечается много общих черт, что объясняется в известной мере единством исторического процесса. Одно из центральных мест исследуемого региона занимает "срубная" проблема — происхождение, передвижение, история культуры, связи с сосуществующими культурами.

В настоящее время имеется хорошая серия исследованных памятников срубной культуры, на материале которых можно решать многие поставленные вопросы. По географическому положению эти памятники

концентрируются в двух районах. Одним из них является Зауралье, территория заключенная между Уральскими горами и р.Урал, где проявляется влияние андроновского мира. Другой расположен в Приуралье, т.е. в междуречье Ик и Белой. Предложенное деление не искусственно, а вполне закономерно, так как указанные районы разделены естественными преградами — Уральскими горами, лесными массивами и сравнительно большим расстоянием. Со временем на этих территориях в материальной культуре и ритуале захоронений складываются отличительные черты. В связи с этим, нашей задачей является попытка выделения керамических комплексов и элементов погребальной обрядности в интересующих нас районах на основе сочетания признаков, устойчивость или изменчивость которых определяется статистически.

К сожалению, очень мало исследовано памятников в северных и южных районах Башкирского Приуралья, материалы которых позволили бы шире провести сравнительный анализ.

Материалы последних лет дали возможность представить не только общий облик культуры, но и выделить отдельные локальные варианты, а также периоды развития данного региона. При исследовании срубной культуры наметились характерные особенности раннего (XVI—XV вв. до н.э.), развитого (XIV—XIII вв. до н.э.) и позднего (XII—X вв. до н.э.) этапов культуры. Предлагаемое деление на этапы проведено на основании изменений погребального обряда, эволюции форм и орнамента керамики; стратиграфических данных, а также сопоставления материалов сосуществующих культур.

В результате широких раскопок хорошо сохранившихся поселений мы имеем убедительные стратиграфические данные о залегании срубной, абашевской и андроновской керамики. Установлено, что ранне-срубная керамика залегает в нижних горизонтах нередко с абашевской, что указывает на синхронность отмеченных комплексов. Определенная закономерность наблюдается в совместном залегании срубной керамики развитого периода и алакульской, которые нередко перекрываются межковской посудой.

Материалы Тавлыкаевского, Казантуловского, Чипминского и других поселений позволили осветить новые стороны деятельности срубного населения. Находки глиняльных печей, больших серий костяных орудий и концентрация их на отдельных памятниках позволили говорить о наличии специализации отдельных общин или большесемейных

объединений по металлургии, кожевенному производству, косторезному делу.

Дальнейшее накопление археологических источников позволит выделить на основе керамических комплексов локальные группы населения, шире осветить хозяйственные стороны деятельности срубных племен, поможет углубить и уточнить характеристику исторических процессов, имевших место на Южном Урале в период II — начала I тыс. до н.э.

Н.М.Малов, О.В.Кочерженко

ПЕРВИЧНАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ КЕРАМИКИ СРУБНЫХ ПОГРЕБЕНИЙ ПРАВОБЕРЕЖНЫХ РАЙОНОВ ПОГРАНИЧЬЯ СТЕПИ-ЛЕСОСТЕПИ НИЖНЕГО ПОВОЛЖЬЯ

В результате исследований, проведенных Саратовскими археологами (П.С.Рыковым, П.Д.Рау, Н.К.Арзютовым, И.В.Синицыным, В.А.Фисенко, Е.К.Максимовым, В.Г.Мироновым, М.Г.Кимом, Н.М.Маловым) в правобережных районах Нижнего Поволжья, получена коллекция, состоящая из 287 сосудов срубной культуры и происходящая преимущественно из курганных захоронений и Танавского грунтового могильника территориально расположенных в пограничье степи-лесостепи. (Срубно-абашевские погребения здесь не рассматриваются).

Согласно общепринятой классификации, первоначально все сосуды были подразделены на три группы: баночные (55%), остророберные (25%) и горшковидные (20%), а затем внутри данных групп были выделены подгруппы. Членение на подгруппы производилось на основе программы В.Ф.Геннинга с учетом и сопоставлением таких категорий показателей, как форма, орнаментация, обработка поверхности, состав глины и ёмкость сосудов. В конечном итоге для каждой из подгрупп и групп керамики были определены наиболее характерные детали и категории формы — параметры, ёмкость и орнаментация.

Баночные сосуды с прямым или загнутым внутрь венчиком, не имеющие выделенной шейки (рис. I-5). Большинство экземпляров без орнамента, а если он и встречается, то простейших сюжетов и, как правило, располагается в верхней части тулова сосудов. Выделено три подгруппы:

1. Банки с открытым устьем (11%), прямыми расширяющимися кверху стенками и прямо срезанным венчиком (рис. 1, 2).

2. Банки с закрытым устьем (65%), у которых диаметр по тулову всегда больше диаметра по венчику. Край венчика округлый или скошенный вовнутрь сосуда (рис. 3, 4).

3. Банки с округлыми боками и выделенным венчиком (24%). Край венчика прямо срезанный или имеет грибовидное утолщение (рис. 5).

Острореберные сосуды имеют четко выраженную грань (ребро) при переходе от тулова к плечикам (рис. 6-II). Орнамента керамики данной группы отличается наибольшим разнообразием технических приёмов исполнения и сложностью сюжетов, среди которых преобладают четкие геометрические композиции зубчатых штампов и прочерченных линий. Выделено пять подгрупп:

1. Сосуды, не имеющие выделенной шейки и отогнутого венчика. Ребро располагается в верхней трети тулова и переходит в прямое плечо. Венчик прямо срезанный (48%), часто с грибовидным утолщением (рис. 6).

2. Сосуды средних пропорций с выделенной шейкой и отогнутым венчиком (30,1%). Венчик тоньше стенок, срезан прямо. Ребро располагается около середины тулова и переходит в прямое или вогнутое плечо (рис. 7).

3. Сосуды высоких пропорций с коротким вогнутым плечом (5,5%), прямо срезанным венчиком, отогнутым наружу, и ребром в верхней четверти сосуда (рис. 9).

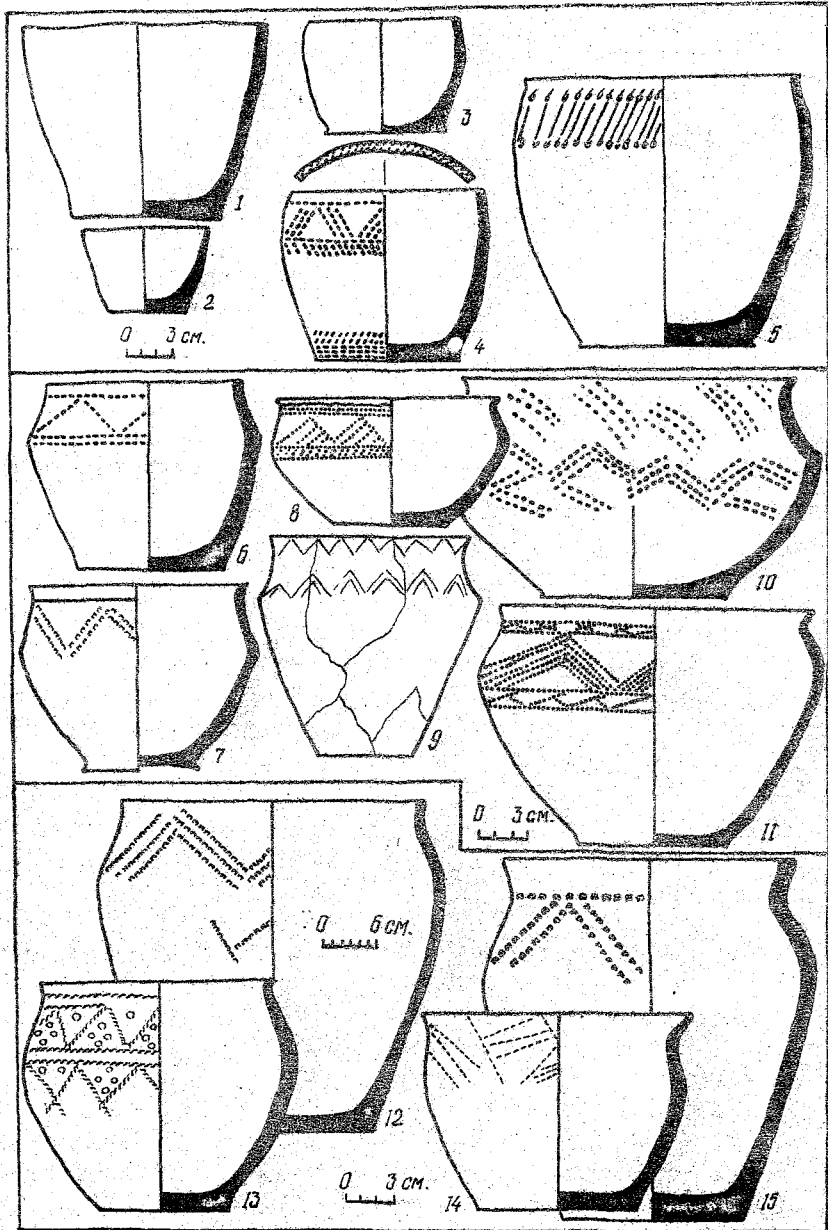
4. Сосуды приземистых пропорций с очень низким расположением ребра (8,2%), вогнутым плечом, высокой шейкой и округлым или слегка приостренным венчиком, отогнутым наружу (рис. 10).

5. Сосуды средних пропорций с выпуклым плечом и очень коротким утолщенным округлым венчиком отогнутым наружу (8,2%). Ребро слажено и расположено в верхней трети сосуда (рис. 8, II).

Горшковидные сосуды имеют округлые плечики, выделенную шейку и венчик (рис. 12-15). Орнамента горшков присущи простые сюжеты и несложная техника выполнения. Только в редких случаях встречаются сосуды богато орнаментированные оттисками "веревочки" и мелкозубчатого штампа. Выделено четыре подгруппы горшков:

1. Сосуды высоких пропорций с высокими выпуклыми плечиками (7,3%), высокой шейкой переходящей в неотогнутый прямой венчик (рис. 12).

2. Сосуды средних пропорций с выпуклыми плечиками (47,3%), выделенной шейкой и коротким округлым или приостренным отогнутым венчиком (рис. 13).

3. Сосуды средних пропорций со слабо выпуклыми плечиками и сильно отогнутым прямосрезанным венчиком (21,7%). Диаметр устья больше максимального расширения тулова (рис. 14).

4. Сосуды высоких пропорций с выпуклыми плечиками, выделенной шейкой и отогнутым прямосрезанным высоким венчиком (20%). Высота сосуда превышает диаметр наибольшего расширения тулова (рис. 15).

Измерение объемов показало, что каждая подгруппа всех трех групп посуды имеет свою определенную ёмкость. Вероятно, форма и объем взаимосвязаны и, в конечном итоге, определяются областью функционального назначения и применения того или иного сосуда. Это позволяет допускать существование у срубных племен определенных стандартов ёмкости.

Корреляция выделенных групп и подгрупп посуды с погребениями показала, что в захоронения помещалась строго определенная керамика, в соответствии с принадлежностью умершего к той или иной половозрастной, а также социальной группе коллектива. Так, только во взрослых погребениях встречены остросеребряные сосуды третьей подгруппы и горшки четвертой подгруппы с богатой орнаментацией. Остросеребряные сосуды второй и третьей подгруппы ставились преимущественно в женские, а крупные банки второй подгруппы - в мужские захоронения.

В детских погребениях, как правило, помещались небольшие остросеребряные сосуды первой и второй подгрупп в сочетании с небольшими баночными с закрытым устьем второй подгруппы. Только в погребениях подростков обнаружены остросеребряные сосуды четвертой подгруппы, имеющие сходство по форме и орнаментации с андроновской керамикой.

Керамика срубных погребения

Танавское городище: I - п. 12, 3 - п. 24, 4 - п. 17, 7 - п. 15;
Медяниково: 2 - к. 8, п. 1, 5 - к. 8, п. 21, 8 - к. 8, п. 3, 10 - к. 8,
п. 16, 14 - к. 8, п. 12; Пристанное: 6 - к. 1, п. 5; Макаровка: 9 -
62:5; Пролейка: II - к. 2, п. 1; Чардым: 12 - к. 2, п. 1; Адоевщина:
13 - к. 2; Кольшлей: 15 - к. 2

О ПОЗДНЕМ ПЕРИОДЕ СРУБНОЙ КУЛЬТУРЫ
ЛЕСОСТЕПЕЙ ЮЖНОГО УРАЛА И ПОВОЛЖЬЯ

За последние годы экспедицией Башкирского университета исследовано несколько многослойных поселений позднего бронзового века в Приуральской Башкирии. Изученные поселения располагались по берегам рек Белой (Часноковское I, Тюбяк, Юматузинское I), Демы (Жуковское, Старо-Яшаровское I, Казангуловское I, Казангуловское Нижнее) и Ика (Русско-Шуганское III, Батраковское).

Топографическое расположение памятников различно. Часть из них расположена в пойме, другие на террасах, третьи на мысах, образованных невысокими террасами. Площадь этих памятников также различна — от I до IV тыс. м². Жилищные впадины не более 3-4 фиксировались только на четырех поселениях. Степень изученности их раскопками тоже различная. Наиболее полно изучены поселения Тюбяк (вскрыто II 64 м²), Казангуловское I (580 м²); часть площади вскрыта экспедицией ИИАЛ БФ АН СССР под руководством Ю. А. Морозова, Старо-Яшаровское I (470 м²), Юматузинское I (468 м²). Жилые постройки исследованы на четырех поселениях — по две на Старо-Яшаровском I и Тюбяк и по одной на Казангуловском I и Казангуловском Нижнем. Все постройки принадлежали населению межовской культуры.

Керамика срубной и межовской культур имеет четкие характеристики, что не позволяет ошибиться при определении их принадлежности. Нечеткими являются признаки небольшой группы сосудов синкретического облика.

Основная масса срубных памятников в лесостепном Приуралье относится к раннесрубному периоду, датируемому по северопрichernоморским аналогам XVI-XV вв. до н.э. К этому времени относится целый ряд кладов бронзовых вещей: Ильдеряковский, Тимофеевский, Ново-Красноярский, Миловский, Овсянка, Ерыклинский, Волостниковский, Дубинина, Васильевский, Москательниково, Абзакowski, Бахчинский, Майоровский.

Верхнюю границу срубных древностей северных лесостепных районов Заволжья и Приуралья определяют памятники приказанской и межовской культур, появление которых на срубной территории относится к XIV-XIII вв. до н.э. Следствием этого являются синкретиче-

ские срубно-межовские комплексы на поселениях. Население обеих культур жило на одной территории, вело сходное хозяйство и имело, очевидно, одинаковый уровень общественного развития.

Таким образом, финал срубной культуры в северных лесостепных районах Приуралья и отчасти Заволжья был связан с межовской культурой конца бронзового века, население которой заняло территории расселения срубных племен в этих районах, а отдельные проявления межовской культуры фиксируются далеко на юге, в степных районах. К этому периоду, совпадающему по времени с раннесабатиновским (XIV в. до н.э.), относятся клады Алексашино, Дербедневский и Кармановский. Межовская керамика была встречена в небольшом количестве только на Кармановской стоянке, где был найден клад. Но по находкам серпов дербедневского типа на межовско-черкаскульских памятниках и другим вещам эти клады можно уверенно отнести к межовской культуре.

В.И. Мамонтов

ПОСЕЛЕНИЕ СРУБНОЙ КУЛЬТУРЫ В ОКРЕСТНОСТЯХ ХУТОРА Б. НАБАТОВ

Поселение у х. Б.Набатов расположено в излучине реки Большой Голубой (приток р. Дон), на правом берегу её надпойменной террасы. Оно было зафиксировано Г.В.Подгаецким, который предположительно отнес его к XV-X вв. до н.э.

На памятнике собрана коллекция фрагментов керамики, кости животных (мелкий и крупный рогатый скот), отщепы из песчаника, абразивные камни, терочники, глиняное присплице. Анализ керамического материала показал, что Набатовское поселение существовало небольшой промежуток времени. Посуда с поселения представлена тремя видами керамики: остроредерные, горшковидные и баночные. Однако это поселение нельзя отнести к самому раннему периоду существования срубной культурно-исторической общности, поскольку у так называемых "остроредерных" сосудов отсутствует четко выраженное ребро, резкое деление верхней и нижней части сосуда. Они имеют значительно сглаженный профиль, нет резных полос или проходов штампа вкруговую у венчика и по ребру сосуда - элементов, характерных для керамики ранних этапов.

Сосуды с поселения у Б.Набатова более вытянутой формы, орнамент нанесен небрежно. Чаще используется конец острия для нанесения косых ударов, рисунок по площади у венчика сосуда или по верхней части тулова, пальцевые нажимы. Фрагменты баночных и горшкovidных сосудов украшены иногда такими же приёмами. Глина темная в изломе, с большой примесью песка, что характерно для придонских районов.

На поселении нет фрагментов керамики с маленьким валиком, наличие которого на посуде, как считают, характерно для поздних хронологических пластов. Полагаем, что по всем признакам поселение относится к периоду XIV-XIII вв. до н.э.

Рядом с поселением находились две группы курганов, которые были исследованы в это же время. Два кургана в непосредственной близости от поселения служили местом погребения жителей. Следует отметить, что керамика, встречаемая здесь, по всем признакам соответствует находкам с поселения. В одном из курганов находилась большая погребальная яма, где обнаружено захоронение человека, звание которого, видимо, вышлое погребенного среди соплеменников. Об этом говорят размеры ямы, инвентарь, вторая дощечка насыпи. Рядом с ним были устроены захоронения рядовых жителей селища.

В курганных насыпях, расположенных несколько выше первой террасы р. Б.Голубой, находятся погребения только ямной и катакомбной культур, совершенно отсутствуют срубные захоронения.

Поселение принадлежит небольшому коллективу "срубников", который обитал здесь в течение непродолжительного времени в период освоения племенами срубной культурно-исторической общности задонских районов.

А.Д.Прахин, В.В.Килейников

ХОЗЯЙСТВО ЖИТЕЛЕЙ МОСОЛОВСКОГО ПОСЕЛКА
ЭПОХИ ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ (ДАННЫЕ ЭКСПЕРИМЕН-
ТАЛЬНО-ТРАССОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА ОРУДИЙ ТРУДА)

Определение уровня хозяйственного развития древнего населения является одной из основных задач археологического исследования, предполагающей всесторонний анализ материальных источников и,

прежде всего, орудий труда. Выявление функционального назначения орудий труда с использованием трассологического метода позволяет наиболее объективно судить о технико-технологической специфике отраслей хозяйства и домашних производств. Известный опыт функциональной оценки орудий труда, а на их основе и хозяйственных комплексов с чертами ранней производящей экономики, показал целесообразность применения экспериментально-трассологической методики в общем анализе массового археологического материала.

Проблема реконструкции хозяйства населения срубной культурно-исторической общности требует комплексного изучения разнообразных свидетельств материальной культуры, среди которых значительное место занимают орудия труда. Широкие возможности для исследования представляют поселения, раскопанные на большой площади, где можно зафиксировать целостную картину существования древнего поселения, проследить динамику его развития, общую хозяйственную направленность и внутреннюю специализацию. В лесостепном Подонье таким памятником является Мосоловское поселение, на котором за более чем десятилетний период раскопок найдено около полутора тысяч орудий труда и их обломков. Осуществление их трассологического анализа, планиграфическое и стратиграфическое распределение функциональных типов орудий позволило уточнить не только практиковавшиеся на поселении отрасли хозяйства, но и производственную специализацию отдельных построек или участков поселения.

Трассологическое изучение каменных орудий связывает большую их часть с функционированием металлургического производства, включая горнометаллургические операции по добыче и переработке медной руды и кузнечную обработку металлических изделий. Группа горнометаллургических орудий состоит из кайл и молотов, применявшихся в процессе горнорудных работ для извлечения и первичного дробления руды, а также пестов и терочных плит для измельчения рудного минерала. Функциональная группа металлообрабатывающих орудий включает кузнечный и абразивный инструментарий, необходимый для проковки и заточки бронзовых предметов. На поселении широко представлены наковальни, различные типы кузнечных ударных орудий (кувалды, молотки, молоточки), абразивные камни. Крайне ограничено количество каменных орудий, выполнявших функции, прямо не связанные с металлургическим производством. Среди них наибольшим числом представлены отбойники.

В керамический инвентарь поселения входят фрагменты керамики с заточенным краем и пряслица. Трассологический анализ фрагментов керамики с заточенным краем показал на преимущественное использование их в качестве абразивов для шлифовки бронзовых орудий. На это функциональное определение указывает не только характер микропризнаков рабочих участков, но и ряд макропризнаков, возникших на поверхности керамических абразивов от соприкосновения с металлическими предметами. Небольшая часть фрагментов керамики с заточенным краем служила скребками для обработки шкур.

Большинство костяных изделий применялось в скотоводческой отрасли хозяйства и при переработке её продуктов. К ним относятся струги из ребер и тушки из челюстей крупного рогатого скота, шилья, пряслица-маховики, псалми. Невелико число орудий иного функционального назначения: совки из лопаточных костей, формовочные шпатели для изготовления керамики, рукоятки.

Микроанализ орудий труда Мосоловского поселения конкретизирует представление о ряде отраслей хозяйственной деятельности его обитателей. Бесспорны свидетельства развитого скотоводства, зафиксированные как обилием остеологического материала, так и специфическими инструментами и изделиями. Не менее важную роль играла металлургия, включая все процессы этого технологически сложного производства. Выделение группы горнометаллургических орудий позволяет в новом аспекте реконструировать металлургию бронзы населения донской лесостепной срубной культуры. Обращает на себя внимание отсутствие каких-либо данных функционального анализа орудий труда относительно существования земледелия на поселении.

Планиграфическое распределение орудий труда, связанных с металлургией и скотоводством, определило хозяйственную принадлежность ряда построек Мосоловского поселения, имеющих однотипный или многоотраслевой производственный характер. Изучение функциональных типов металлургического инвентаря показало наличие специализированных орудий труда, компактно концентрирующихся на площади памятника, что говорит о высоком уровне организации производства.

ПАМЯТНИКИ НУРСКОГО ТИПА И ПРОБЛЕМА КУЛЬТУР
ЭПОХИ ФИНАЛЬНОЙ БРОНЗЫ

В середине 60-х годов К. В. Смирновым на территории Нижнего Поволжья и степного Приуралья были выделены памятники так называемого переходного типа. Он предполагал, что они охватывают период с конца эпохи бронзы до начала раннего железа (VIII-VII вв. до н.э.), сочетая в культурном отношении срубные и савроматские элементы. Однако в большинстве комплексов, где им отмечались срубные черты, именно погребальный обряд (положение на спине со слегка подогнутыми ногами) и керамика (профилированные в разной степени сосуды, орнаментированные "жемчужинами") совершенно не типичны для этой культуры, признаки которой очень монолитны и стандартизированы на всем её хронологическом протяжении.

Современные исследования свидетельствуют, что культура срубных племен перестает существовать в степях Нижнего Поволжья не позднее начала XI в. до н.э., а, возможно, и несколько раньше. Следовательно, имеющиеся данные обнаруживают, что, во-первых, савроматская культура не могла быть прямым продолжением срубной, а, во-вторых, указывают на наличие промежуточного звена между ними.

В 1976 году И. Б. Васильевым и С. А. Атаповым было раскопано поселение у с. Нур на юге Куйбышевской области, содержащее очень своеобразный керамический комплекс и давнее название аналогичным памятникам. Картирование нурских памятников показывает, что они занимают степные и полупустынные районы Заволжья и представлены, в основном, стоянками открытого типа. Их керамика характеризуется тремя группами баночных и горшочковых сосудов. Объединяющим их фактором являются технологические приемы изготовления (тесто, примеси, обжиг), формы (банки, различные варианты горшков с высоким горлом, иногда грибовидным венчиком), орнамент (наколы, "жемчужины", пальцевые защипы).

Памятники нурского типа ещё не обнаруживают прямых хронологических индикаторов и их дата в Поволжском регионе пока остаётся открытой. Но анализ керамики уже доказывает, что памятники эти имеют известную длительность бытования, а также фиксируют черты переходного характера.

Если рассматривать нурские памятники на фоне смежных территорий евразийского континента, обнаруживается следующее. К западу от Волги они не встречаются себе подобных, за исключением отдельных находок на северо-западном побережье Каспийского моря, где они фиксируются крайне спорадически. Совершенно иная картина вырисовывается в восточном направлении от Поволжья, при сопоставлении с районами Казахстана и Средней Азии. По всем показателям (технология, форма, орнамент) нурская керамика имеет прямые аналогии в памятниках Восточного (Трушкиново, Усть-Нарым и др.) и Центрального Казахстана (Каркаралинское, Тагибай-Булак, Мыржик). При продвижении на юг нурские памятники оказываются подобными по керамике ранним комплексам Кокча-тенгизской культуре Хорезма и джетьнасарской Восточного Приаралья, а также соответствуют поздним кайрак-кумским поселениям.

Восточные параллели нурским комплексам Поволжья чрезвычайно важны в разных планах, в том числе и для определения времени их существования. Согласно суммированным и перекрестным датировкам С.С.Черникова, А.Х.Маргулана, М.К.Кадырбаева, С.П.Толстова, М.А.Итиной, Л.М.Лавиной, Б.А.Литвинского, казахстанские и среднеазиатские аналогии намечают время их существования в пределах X-VIII вв. до н.э. Особое значение в этом вопросе приобретает данные относительной хронологии. Прямая стратиграфия на поселении Трушкиново подтверждает, что керамика, аналогичная нурской, оказывается более поздней, чем та, что относится к кругу саргаринско-алексеевско-ивановской. В одном из багавинских мавзолеев сосуд нурского типа является впускным по отношению к основному комплексу.

Хронологическое и культурное соотношение памятников типа нур с теми, что обычно именуются комплексами с валиковой керамикой, конечно, не может быть однозначным, его предстоит ещё повсеместно установить, но те факты, которые известны уже сейчас, ориентировочно намечают пути исследований. Ни в коей мере не претендуя на категоричность суждений и лишь ограничиваясь постановкой вопроса, следует констатировать, что проблемы культур финальной бронзы в связи с открытием нурских памятников получают несколько иное освещение.

На огромной территории Поволжья, Казахстана и Средней Азии намечается выявление единого культурно-хронологического пласта. Внутри него прослеживается последовательная связь региональных групп,

близость которых устанавливается по несомненному сходству керамики. В географическом отношении они совпадают с той территорией, где в последующие периоды формировались культуры савроматов и саков. Не исключено, что они в какой-то степени и составляли базовую основу их сложения.

А.Х.Халиков

РАННИЕ АНАНЬИНЫ И КИММЕРИЙЦЫ

В последнее десятилетие работами казанских и марийских археологов достаточно четко определилась археологическая культура населения Волго-Камья и особенно северной половины Среднего Поволжья эпохи раннего железа, увязанная с начальными этапами развития ананьинской историко-культурной общности^{1, 2, 3}.

Этот период, датированный VIII-VI вв. до н.э., активно характеризует такие широко исследованные могильники, как Старший Ахмыловский (более 900 погребений; А.Х.Халиков и В.С.Патрушев) и Аюзинский (более 200 погребений; А.Х.Халиков и В.С.Патрушев) в Марийской АССР, Пусто-Морквашинский (более 100 погребений; В.Ф.Смолин, А.Х.Халиков, В.С.Патрушев), Тетинский (более 200 погребений; А.Х.Халиков, В.С.Патрушев), II Полянский (около 30 погребений; Е.А.Халикова, А.Х.Халиков), I Новомордовский (до 30 погребений; А.Х.Халиков) и другие в Татарской АССР.

Многие особенности погребального обряда и инвентаря этих могильников, с одной стороны, продолжают традиции предшествующих племен приказанской культуры⁴, а с другой — имеют ярко выраженный облик, свойственный для погребальной обрядности и инвентаря ананьинской культуры эпохи раннего железа⁵, что не оставляет сомнения в местном этносе, оставивших их племен.

Вместе с тем наблюдаются и новые явления, не свойственные для местного как предшествующего, так и последующего населения, но имеющие выраженные параллели в синхронных древностях степей Причерноморья, Северного Кавказа, увязываемых рядом исследователей, особенно А.И.Тереножкиным⁶ и Е.И.Крупновым⁷, с исторически известными киммерийскими племенами. Археологической основой культуры последних справедливо считаются племена позднесрубной культуры

Поволжья и Причерноморья, перешедшие на грани II-I тысячелетий до н.э. в условиях наступившего ксеротерма к кочевому образу жизни.

В числе этих явлений можно указать следующие особенности: в погребальном обряде — наличие на большинстве раннеананьинских могильников (см. особенно I Новомордовский, Татковский, Пустоморквашинский) каменных стел (их классические формы имеют на лицевой стороне изображение оружия); погребения, нередко со скорченными костяками и западной ориентацией в крупных деревянных камерах-склепах; нередко рядом с умершим находили останки коня и т.п.; в инвентаре — специфические типы оружия (биметаллические кинжалы и мечи с прямым перекрестием, наконечники копий с лавролистым пером, ступльчатые двуперные железные и бронзовые наконечники стрел, последние нередко с боковым шипом у основания втулки, железные и бронзовые топоры-секиры) и орудия труда, а также предметы конского снаряжения (двукопчатые удила с трехзвездчатymi насадами), оригинальные бронзовые, костяные, реже золотые украшения, составной частью орнамента которых является круг, нередко с заключенным внутрь крестом мальтийского типа и т.п. Отмечаются в этом комплексе также и вещи, характерные для кобано-колхидских древностей Кавказа, урартских древностей Закавказья, гальштатских древностей Средней Европы, дандыбай-багазинских памятников Казахстана. Все эти явления, очевидно, очерчивают пределы кочеваний киммерийцев.

Следует полагать, что отмеченные явления были вызваны не только усилением контактов населения Волго-Камья со степными племенами юга Евразии в начале эпохи раннего железа, но и развитием традиций, заложенных ещё в эпоху бронзы, когда особенно активными были контакты между племенами срубной общности и прикаспийскими племенами Волго-Камья⁷. Однако нельзя исключать и прямых включений киммерийцев в VII-VI вв. до н.э. в лесостепные районы Поволжья, что могло быть вызвано резким усилением засушливости климата Восточной Европы в начале I тысячелетия до н.э.⁸ и образованием в связи с этим остепненных районов и в северной половине Среднего Поволжья.

Примечания

¹ Халиков А.Х. Волго-Камье в начале эпохи раннего железа. УШ-УІ вв. до н.э. М., 1977. С. 88.

² Петрушев В.С., Халиков А.Х. Волжские ананьинцы (Старший Ахматовский могильник). М., 1982.

³ См. же. Марийский край в VII-VI вв. до н.э. Йошкар-Ола, 1984.

4 Халиков А.Х. Приказанская культура // Свод археологических источников. В I-24. М., 1980. С. 22.

5 Тереножкин А.И. Киммерийцы. Киев, 1976.

6 Крупнов Е.И. Древняя история Северного Кавказа. М., 1960.

7 Халиков А.Х. Древняя история Среднего Поволжья. М., 1969.

8 Ромашко В.А. Природно-климатические условия и хозяйственная деятельность населения пограничья степи и лесостепи левобережной Украины на рубеже II-I тыс. до н.э. // Проблемы археологии Поднепровья. Днепрпетровск, 1986.

А. С. Скрипкин

О ХРОНОЛОГИИ САРМАТСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Хронология сарматской культуры разрабатывалась М.И.Ростовцевым, П.С.Рыковым, П.Д.Рау, Б.Н.Граковым, К.Ф.Смирновым. В обобщенной форме она была изложена Б.Н.Граковым в статье "Пережитки матриархата у сарматов", вышедшей в 1947 году. Прохоровская (раннесарматская) культура была им датирована IV-II вв. до н.э., суловская (среднесарматская) - концом II в. до н.э. - до II в. н.э. Эти даты приняли археологи. Традиционно они употребляются и в настоящее время.

Значительно увеличившийся археологический материал с момента выхода статьи Б.Н.Гракова позволяет сейчас на более широкой основе рассмотреть некоторые вопросы сарматской хронологии. В процессе работы над этой проблемой мы выделили те погребальные комплексы, в которых были обнаружены фибулы. Сейчас, в пределах Азиатской Сарматии (к востоку от Дона), известно более 30 погребений допозднесарматского времени с фибулами. Эти фибулы подразделяются на три хронологические группы: вторая половина II-I вв. до н.э.; I в. н.э.; вторая половина I - первая половина II в. н.э. В первую группу входят среднелатенские и, так называемые, фибулы "лебяжанской серии"; во вторую - лучковые с подвижным приемником, в основном, первого и второго вариантов (по А.К.Амброзу), а также фибулы типа "Авгисса" и в третью - наиболее ранние экземпляры профилированных фибул, фибулы-броши с пластинчатой спинкой и кнопкой на конце приемника.

Простая корреляция находок фибул в комплексах с остальными вещами и некоторыми деталями погребального обряда дает следующую

картину. Более ранняя группа фибул (вторая половина II – I вв. до н.э.) обнаруживает повышенную взаимовстречаемость с мечами и кинжалами с прямым перекрестием и серповидным навершием, с железными трехлопастными наконечниками стрел с удлинненными черешками, с бронзовыми зеркалами с валиком и ручкой-штырем. Керамика, найденная с этими фибулами, представлена, в основном, лепными горшками. Погребальные ямы этой группы преимущественно прямоугольно-удлиненные (7), подбойные (2), в насыпи (I). Все они оказались впускными в более древние курганы.

Совершенно иное наблюдается во взаимовстречаемости фибул I в. н.э. В погребениях с ними из вооружения встречены только кинжалы с прямым перекрестием и кольцевидным навершием; трехлопастные наконечники стрел с короткими черешками; бронзовые зеркала с валиком, ручкой-штырем и конической выпуклостью на диске; плоские зеркала. Абсолютно отличается от предыдущего керамический комплекс. Преобладает круговая, сероглиняная лощеная керамика: различных форм кувшины, среди которых выделяется серия со сливом. Происходят изменения и в погребальном обряде. Появляются квадратные ямы с диагональным положением погребенных (5 из 15). Подавляющее большинство погребений с фибулами I в. н.э. были основными в курганах (II из 15).

В характере взаимовстречаемости фибул второй половины I – первой половины II в. н.э. происходит дальнейшее развитие тех тенденций, которые были отмечены для фибул I в. н.э. Полностью господствует гончарная керамика. Квадратные ямы с диагональным положением занимают ведущее место (7 из 8). В материальной культуре и обряде погребения появляются отдельные черты, которые получают распространение уже в позднесарматское время.

Возможно, данная выборка недостаточно представительная для окончательных обобщений, однако из изложенного можно сделать ряд выводов. Характерные черты прохоровской (раннесарматской) культуры отчетливо проявляются в комплексах, датированных фибулами второй половины II–I вв. до н.э. Те же черты материальной культуры погребального обряда, которые присущи среднесарматской культуре, появляются в комплексах с фибулами, начиная с I в. н.э.

Это позволяет нам внести предложение, которое в дальнейшем будет проверено на всем материале, датировать сложившуюся раннесарматскую культуру II–I вв. до н.э., а среднесарматскую – I – началом II в. н.э.

ТОПОГРАФИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ VI—I вв. ДО Н.Э.
СЕВЕРНО-ЗАПАДНОЙ ЧАСТИ ВОЛГО-УРАЛЬСКОГО МЕЖДУРЕЧЬЯ

Степень достоверности связи размещения археологических памятников с почвенно-ландшафтными условиями зависит, с одной стороны, от используемых методов, подходов и объектов при реконструкции природной обстановки, с другой — от полноты археологической изученности региона, типов археологических памятников и методов их анализа. Задача эта несколько упрощается, если такая связь выявляется для одной культурно-исторической общности. Данную проблему мы предлагаем рассмотреть на примере кочевников раннего железного века Волго-Уральского междуречья, археологически представленных одним типом памятников — подкурганными захоронениями.

Волго-Уральское междуречье — часть сухих степей и полупустынь Северного Прикаспия — называют аванпостом азиатских пустынь в Европе¹. Основными особенностями современной природы Прикаспийской низменности являются: резкая атмосферная сухость, безводность и бессточность территории, сложная структура почвенно-растительного покрова, что обуславливает резко выраженный сезонный характер пастбищ.

Реконструкция палеогеографических условий, характерных для савромато-сарматского времени, возможна при прямом сравнительном анализе современных почв и почв, погребенных под курганами, сооруженными в этот период. В случае отсутствия курганов раннего железного века проводится сравнение палеопочв более ранней (бронза) и поздней (средневековье) эпох. Такой подход позволяет получить довольно достоверную информацию о характере почвенного покрова и тенденциях его эволюции во второй половине I тыс. до н.э.

Вопросы истории развития почв рассматриваемого региона во второй половине голоцена подробно опубликованы нами ранее²⁻⁵. Поэтому остановимся лишь на основных положениях разработанной концепции эволюции почвенного покрова пустынно-степной зоны Северного Прикаспия за последние 5000 лет. Почвы недренированной Бессточной равнины⁶ за этот период перешли из гидроморфных в автоморф-

ные (т.е. грунтовые воды опустились с глубины 1-3 м на глубину более 7 м), пережив три основных этапа: луговой (5000 - 3800 лет назад), лугово-степной (3800 - 2000 лет назад) и сухостепной (последние 2000 лет). Скорость естественной эволюции почв была довольно значительной, а их изменения весьма существенны. Современный облик ландшафты приобрели на рубеже новой эры. Почвенный покров дренированных районов (Еруслано-Торгунской равнины, Приволжской опесчаненной гряды, Приволжской песчано-сулестчаной полосы и Эльтонской равнины) на рубеже III-II тыс. до н.э. отличался от современного большей засоленностью и гумусированностью, отсутствием солонцеватости, высокой карбонатностью. К началу раннего железного века почвы этих территорий по многим показателям становятся близки к современным. В целом, на протяжении рассматриваемого времени, их изменения не выходили за рамки каштанового типа. Таким образом, имеющийся палеопочвенный материал позволяет считать почвенно-ландшафтные условия савромато-сарматского времени довольно близкими современным и поэтому вполне возможно ретроспективное использование ряда основных современных физико-географических характеристик региона для указанного периода.

При экстенсивном скотоводстве с круглогодичным выпасом циклы производственной деятельности кочевого населения, длительность, маршруты и сроки перекоченок, в первую очередь были обусловлены природной обстановкой конкретного региона и видовым составом стада.

Из природных характеристик наиболее важными являются гидротермический режим, снежность зим, наличие гидрографической сети, в том числе лиманов, продуктивность растительного покрова, облесенность местности и др. Именно эти показатели определяли выбор местонахождения и концентрации населения в течение года. При круглогодичном содержании животных на подножном корму сезоны года можно рассматривать как определенные стадии производственного цикла, а пастбища разделить на зимние, летние и весенне-осенние.

Зимний сезон был наиболее сложным периодом в хозяйстве кочевников. Неустойчивость зимнего сезона в Северном Прикаспии, резкие колебания температурного режима предъявляли повышенные требования к выбору мест зимовки. Наиболее оптимальные условия для зимовки кочевники Волго-Уральского междуречья имели в долинах Волги и Урала, в районах Рын-песков.

Характерная особенность весенне-осенних пастбищ в регионе -

значительное варьирование продуктивности надземной массы травянистой растительности по годам и дефицит стабильных источников пресной воды. Следовательно, маршруты и сроки перекопок в весенне-осенний период прежде всего определялись и регулировались погодными условиями конкретного года. Ритмика хозяйственной деятельности должна была найти свое отражение в особенностях размещения кладбищ.

По нашим подсчетам, в Волго-Уральском междуречье на 1987 год было раскопано 1200 погребений VI-I вв. до н.э., из них — около 80% в его северо-западной части. Их количественное распределение по отдельным природно-географическим районам показано в таблице.

Количественное соотношение погребений в Волго-Уральском междуречье /Доскач А.Г., 1977/, %

Природно-географический район	Количество погребений	
	VI-IV вв. до н.э. ¹	IV-I вв. до н.э. ²
Еруслано-Торгунская равнина	22	7
Приволжская песчано-супесчаная полоса	22	17
Приволжская опесчаненная гряда	50	70
Бессточная равнина	3	Нет
Эльтонская равнина	3	6

Примечание: 1 — найдено 180, 2 — 175 погребений.

Цифры, представленные в таблице, несмотря на их в какой-то мере условный характер, отражают объективное распределение памятников, так как археологическая изученность указанных регионов достаточно полная. Для нашего исследования важен даже не столько факт концентрации основной массы памятников VI-I вв. до н.э. в долине Волго-Ахтубы, сколько качественный анализ состава курганных групп и одиночных курганов с погребениями савромато-сарматского времени. На территории первых трех районов, прежде всего на надпойменных террасах, встречаются компактные курганные группы савроматского и раннесарматского времени. В этом плане наиболее показательны курганные группы у сел Березюновка и Политотдальское, Быково и Верхний Бальдей, Верхнее Погромное и Калининка, в каждой из которых содержится 6-10 курганов с большим количеством относительно одно-временных погребений III-I вв. до н.э. В этих группах встречаются коллективные разновременные погребения (до пяти человек в одном

погребении), указывающие на довольно длительный период использования этих кладбищ одними коллективами. На периферии указанных районов, примыкающих к Бессточной равнине, встречаются единичные впускные погребения савроматского времени и одиночные курганы с раннесарматскими погребениями. Таков же характер памятников на Эльтонской и Бессточной равнинах, причем, на территории последней памятников IV—I вв. до н.э. нет. Предпринятое нами изучение изменения изотопного состава серы сульфатов в хроноряде почв Эльтонской равнины полтавкинского, элтоордынского и современного времени, а также поверхностных и подземных вод показало, что реки бассейна оз. Эльтон (Хара, Ланцуг, Черная и др.) в эпоху бронзы, раннем железном веке и средневековье имели высокую минерализацию (около 15 г/л) и не могли использоваться в качестве питьевых источников. На территории двух последних районов временными пресными водоёмами были лишь леманы, сохраняющие воду во влажные годы до середины июля. Однако следует учитывать, что в Волго-Уральском междуречье регулярного чередования влажных и сухих циклов не наблюдается и длительность последних, как правило, больше (6-8 лет). Поэтому наиболее вероятный сезон использования пастбищ Бессточной и Эльтонской равнин - весенне-осенний, причем Бессточная равнина наиболее продуктивно могла использоваться лишь весной. Зима в Северном Прикаспии начинается в ноябре и длится до конца марта. Длительность зимнего периода с температурами ниже 0 градусов обычно 130-150 дней, мощность снежного покрова 20-25 см, в среднем он держится 90-100 дней⁷. Таким образом, в районе зимних пастбищ кочевники должны были находиться 4-6 месяцев в году. Так как зимники наиболее стабильны, в этих районах и возникали компактные курганные группы с относительно одновременными погребениями.

Топография памятников VI-I вв. до н.э. с учетом физико-географической характеристики региона позволяет считать, что Приволжская опесчаненная гряда и Приволжская песчано-сушесчаная полоса использовались в основном как зимние пастбища, а Бессточная и Эльтонская равнины - как пастбища весанне-осенние.

П р и м е ч а н и я

¹ Доскач А.Г. Природное районирование Прикаспийской полуостр-
ва. М., 1977. С. 7.

² Демкин В.А. История формирования почв западной части Волго-Уральского междуречья : Автореф. дис... МГУ, 1983.

³ Демкин В.А., Лукашов А.В. Вопросы голоценовой истории почв Прикаспийской низменности // Биологический круговорот веществ и энергии в системе почва-растение. Пушкино, 1983. С. 74-80.

⁴ Демкин В.А., Лукашов А.В. Почвенно-археологические исследования в Заволжье // Почвоведение. 1985. № 4. С. 24-32.

⁵ Демкин В.А., Лукашов А.В., Приходько В.Е. Развитие почв сухостепного Заволжья в голоцене и особенности освоения территории с древнейшего времени до наших дней // Эволюция и возраст почв СССР. Пушкино, 1986. С. 192-208.

⁶ Доскач А.Г. Природное районирование Прикаспийской полупустыни. М., 1977. С. 52.

⁷ Левина Ф.Я. Растительность полупустыни Северного Прикаспия и ее кормовое значение. М., 1964. С. 13-19.

В.А.Косиков

СКИФСКОЕ ЗЕРКАЛО ИЗ КУРГАНА № 26

В.З.СУСЫН

В курганском погребении кургана № 26, исследованном П.С.Рыковым в 1924 году, было обнаружено бронзовое зеркало. Оно представляет собой круглый диск (Φ 11,5 см), ограниченный отклоненным от центра бортиком (высота 0,7 см) с центральной ручкой в виде двух ромбических в сечении столбиков и венчающей их круглой бляшкой (Φ 2,4 см). Внешняя поверхность бляшки вогнута, общая высота ручки - 2,8 см. П.С.Рыков датировал комплекс II-III вв. до н.э.

Б.В.Рабинович считал обнаруженную там же золотую бляшку и погребальный обряд сарматским, а зеркало близким к архаическим скифским образцам, предполагая, что "... этот экземпляр как особая ценность долго хранился до положения его в могилу". Е.К.Максимов, датируя зеркало, как и комплекс, III-II вв. до н.э., ввел в научный оборот единственную савроматскую аналогию зеркалу - шахматовскую находку (с. Хмелевка), относя её к VI в. до н.э. К.Ф.Смирнов и В.Г.Петренко считали возможным датировать погребение VI в. до н.э., определяя время бытования рассматриваемых зеркал VI в. до н.э. В дальнейшем К.Ф.Смирнов причислил комплекс к раннепрохоровским памятникам Поволжья, расширил для зеркал круг аналогий, привлекая уйские, тагарские и ананьинские образцы, но допускал и проникновение этого типа из Скифии путем торгового обмена.

Однако связь савроматских зеркал с уйскими и особенно тагар-

оными сомнительна, так как морфологически они не равнозначны. Что касается анакинского зеркала из Дустоморквашинского могильника, то оно, несомненно, импорт из Скифии.

Особенности конструкции савроматских зеркал вводят их в круг скифских образцов. Последние составляют группу из 16 экземпляров. Она имеет круглый диск, ограниченный бортиком, и центральную ручку сложной конструкции на двух столбиках (как правило, ромбических в сечении), круглую бляшку (2 экз. без орнамента, у 3-х имеется бортик). Размеры зеркал незначительно варьируют, но в общем равны савроматским. Картографирование позволило наметить четыре ареала бытования этой группы: 1. Днепровское лесостепное левобережье - некрополи Посулья. 2. Днепровское лесостепное правобережье - Поросские и Тясминские курганы. 3. Северный Кавказ - Минераловодский и Каррасский могильники, Кармовский курган. 4. Северо-Восточная Болгария - фракийский некрополь у с. Добрино. Распределение находок, соответственно 6, 3, 3, 1. Добавим зеркала из храма Геры на Самосе и Пантикапея - ? (архив А. П. Манцевич) и фрагмент ручки из Киевского государственного исторического музея (Днепровская лесостепь - ?).

Скифские зеркала датируются второй половиной VII в. до н.э. - началом VI в. до н.э. Нижнюю границу бытования группы определяют зеркала и самосская находка из кургана № 2 у с. Добрино, а верхнюю - приднепровские образцы из кургана № 35 у с. Бобриня и гробницы № I Репяковатой Могилы.

Технология изготовления зеркала из кургана № 26 у с. Суслы повторяет известные скифские приемы производства изделий такого типа. Отсутствие на нем каких-либо остатков литейного шва позволяет предположить литье по восковой модели. Четкие правильные округлости зеркал свидетельствуют об использовании жесткой формы для отделения восковой модели диска, подобно обнаруженной на поселении Мышиноичи в Поднестровье. При разметке диска использовалось приспособление типа циркуля. Отсутствие обломков литейных форм для производства зеркал можно объяснить тем, что они приходили в негодность при извлечении застывшего изделия и в дальнейшем использовались как шамот для изготовления последующих форм.

Таким образом, сусловское зеркало, как и хмелевское, относится к группе собственно скифских зеркал. В этом нас убеждают конструктивные и технологические особенности изготовления изделий подобного типа.

КУРГАННЫЕ ПОГРЕБЕНИЯ САРМАТСКОГО ВРЕМЕНИ В ПРИКУБАНИЕ
КАК ИСТОЧНИК ИНФОРМАЦИИ О ХАРАКТЕРЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ
ВАРВАРСКИХ ПЛЕМЕН

Согласно данным археологии и письменных источников в IV—III вв. до н.э., в сарматском мире происходят крупные события: в ходе перегруппировки племен формируются новые мощные племенные союзы, начинается активная экспансия сарматов на запад.

Заметное продвижение новых племен, носителей раннесарматской культуры, вдоль левобережья Дона фиксируется с конца III в. до н.э. Давление новых кочевых орд заставляет потомков геродотовских савроматов продвигаться в южные районы. С конца III — начала II в. до н.э. их эпизодическое до этого присутствие в степных правобережных районах Среднего Прикубанья становится постоянным. Скорее всего, основой формирования сиракского племенного союза явились приманчские племена.

В археологическом плане весьма перспективными представляются памятники степной правобережной части Среднего Прикубанья, являющейся контактной зоной пришлых сарматских и местных местных племен, а также памятники, расположенные западнее, где локализуется основная масса меотского населения.

Рассмотренный материал из курганов данных территорий позволяет уловить некоторые различия в погребальном обряде. Для правобережья Среднего Прикубанья более характерна западная ориентировка. Погребенные лежат вытянуто на спине. Скорченное положение костяка — редкое явление. В могилах встречается органическая подстилка, мел, реальгар. На правобережье Нижнего Прикубанья наряду с преобладающей западной встречаются южная и восточная (с некоторыми отклонениями) ориентировки. Положение костяков в основном вытянутое на спине. Но по сравнению со средним Прикубаньем много случаев скорченного труположения. Широко представлен обычай класть гальку в могилы. На обеих территориях встречается положение кистей рук погребенных на таз.

Попытки исследователей выявить критерии, позволяющие разграничить сиракские и меотские комплексы пока не приносят успеха. Почти ни один из признаков не может быть безоговорочно отнесен к той или иной культуре. Только детальная статистическая обработка массового материала может дать необходимый результат.

Тем не менее, анализ существовавшей в Прикубанье с конца III - начала II в. до н.э. по I в. до н.э. политической ситуации, а также учёт особенностей развития кочевого хозяйства и закономерностей этнических процессов позволяют усомниться в давно утвердившейся схеме, согласно которой в результате продолжительных контактов и взаимодействий сираков и местных произошло оседание части пришлых кочевников, смешение с местами и восприятие ими образа жизни аборигенов.

На наш взгляд, в известии Страбона ("одни из них кочуют, другие живут в шатрах и занимаются земледелием") был отражен не процесс оседания кочевых сарматов, а одна из разновидностей кочевого хозяйства - полукочевое скотоводство, где наряду с пастбищной в период сезонной оседлости использовались и оседлые формы содержания скота, а вспомогательным видом деятельности было земледелие. Об этом свидетельствуют находки серпов в курганных погребениях степной правобережной части Среднего Прикубанья.

Факторы социально-политического, экономического и этнического характера с большим трудом допускают возможность для данного периода значительного проникновения сираков в местную этническую среду и их оседания, а тем более говорить о смешении и сарматизации местного населения.

Установившиеся контакты (торговый обмен, военные набеги, даннические отношения) неизбежно должны были породить близость в материальной культуре и религиозных представлениях. Взаимное культурное влияние предшествовало смешению сарматских и местных этнических элементов.

Таким образом, в установившихся между сарматами и местами с конца III - начала II в. до н.э. по I в. до н.э. тесных отношениях не следует усматривать сколько-нибудь значительного смешения различных этнических групп. Самообитная культура Прикубанья данного времени, на наш взгляд, является отражением произошедшей аккумуляции, а не ассимиляции того или иного населения.